

ЖИТЬ НЕ ПО ЛЭЖИ

**АВГУСТ 73 -
ФЕВРАЛЬ 74**

ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ

ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ

Сборник материалов

Август 1973 — Февраль 1974

Самиздат - Москва

YMCA - PRESS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève

PARIS-5°

World Copyright © YMCA-PRESS 1975.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Сборник «Жить не по лжи», посвященный выходу «Архипелага ГУЛага» в декабре 1973 г. в Париже и последовавшим за ним травле, аресту и высылке А. И. Солженицына, был составлен в России и пущен в Самиздат в марте 1974 г. Тогда же А. Сахаров и И. Шафаревич представили сборник западным журналистам. Сборник печатается полностью, без изменений и сокращений. Разнообразием шрифтов выделены последовательное изложение событий, газетная официальная травля, выступления в защиту А. Солженицына и голос его самого.

*... если первая крохотная капля правды
разорвалась как психологическая бомба —
что же будет в нашей стране, когда Правда
обрушится водопадами?*

А — обрушится, ведь не миновать.

А. И. Солженицын

„Архипелаг ГУЛаг“,
Часть I, стр. 303.

Я заранее объявляю неправомерным любой уголовный суд над русской литературой, над единой книгой ее, над любым русским автором. Если такой суд будет назначен надо мной — я не пойду на него своими ногами, меня доставят со скрученными руками в воронке. Такому суду я не отвечу ни на один его вопрос. Приговоренный к заключению, не подчинюсь приговору иначе, как в наручниках. В самом заключении, уже отдав свои лучшие восемь лет принудительной казенной работе и заработав там рак, — я не буду работать на угнетателей больше ни получаса.

Таким образом я оставляю за ними простую возможность открытых насильников: вкоротке убить меня за то, что я пишу правду о русской истории.

А. И. Солженицын (На случай ареста.)

„АРХИПЕЛАГ ГУЛаг“
ВЫХОДИТ В СВЕТ

В конце августа 1973 г. в Ленинграде КГБ конфисковал машинописный экземпляр книги Солженицына «Архипелаг ГУЛаг» — многотомного исследования о советских лагерях за период 1918-1956 гг., содержащего подлинные факты, места и имена ныне живущих людей (свыше двухсот человек). Солженицын выразил опасение, что теперь начнется преследование всех их за показания о своих муках в сталинских лагерях, данные 10 лет назад.

Сведения о месте хранения книги сообщила Елизавета Воронянская *), которую допрашивали в КГБ непрерывно 5 суток. Вернувшись домой, она повесилась.

Со стеснением в сердце я годами воздерживался от печатания этой уже готовой книги: долг перед еще живыми перевешивал долг перед умершими. Но теперь, когда госбезопасность всё равно взяла эту книгу, мне ничего не остается, как немедленно опубликовать ее.

А. Солженицын

Сентябрь 1973.

(„Архипелаг ГУЛаг“ — предисловие к публикации)

*) Елизавета Денисовна Воронянская погибла в возрасте около семидесяти лет. Она жила в Ленинграде по адресу Роменская 4, кв. 42, в коммунальной квартире, где проживало еще 2-3 семьи. Сейчас, по слухам, квартира необитаема. Картина ее смерти и похорон очень темна. Никто из друзей не получил возможности проститься с ее телом. Обстоятельства ее гибели настоятельно требуют (и безусловно ждутся) тщательного расследования.

28 декабря 1973 года две первые части книги «Архипелаг ГУЛаг» вышли на русском языке в парижском издательстве
«ИМКА-ПРЕСС»

*„ П О С В Я Щ А Ю
ВСЕМ, КОМУ НЕ ХВАТИЛО ЖИЗНИ
ОБ ЭТОМ РАССКАЗАТЬ.
И ДА ПРОСТЯТ ОНИ МНЕ,
ЧТО Я НЕ ВСЁ УВИДЕЛ,
НЕ ВСЁ ВСПОМНИЛ,
НЕ ОБО ВСЕМ ДОГАДАЛСЯ“.*

Так начинается эта книга. Воспроизводим первые ее страницы:

„В этой книге нет вымышленных лиц, ни вымышленных событий. Люди и места названы их собственными именами. Если названы инициалы, то по соображениям личным. Если не названы вовсе, то лишь потому, что память людская не сохранила имен, — а всё было именно так“.

„Году в тысяча девятьсот сорок девятом напали мы с друзьями на примечательную заметку в журнале „Природа“ Академии Наук. Писалось там мелкими буквами, что на реке Колыме во время раскопок была как-то обнаружена подземная линза льда — замерзший древний поток, и в нем — замерзшие же представители ископаемой (несколько десятков тысячелетий назад) фауны. Рыбы ли, тритоны ли эти сохранились настолько свежими, свидетельствовал ученый корреспондент, что присутствующие, расколов лёд, тут же ОХОТНО съели их.

Немногочисленных своих читателей журнал, должно быть, немало удивил, как долго может рыбье мясо сохраняться во льду. Но мало кто из них мог внять истинному богатырскому смыслу неосторожной заметки.

Мы — сразу поняли. Мы увидели всю сцену ярко до мелочей: как присутствующие с ожесточенной поспешностью кололи лёд; как, попирая высокие интересы ихтиологии и отталкивая друг друга локтями, они отбивали куски тысячелетнего мяса, волокли его к костру, оттаивали и насыщались.

Мы поняли потому, что сами были из тех ПРИСУТСТВУЮЩИХ, из того единственного на земле могучего племени з э к о в, которое только и могло ОХОТНО съесть тритона.

А Колыма была — самый крупный и знаменитый остров, полюс лютости этой удивительной страны ГУЛаг, географией разодранной в архипелаг, но психологией скованной в континент, — почти невидимой, почти неосязаемой страны, которую и населял народ экзов.

Архипелаг этот чересполосицей иссёк и испестрил дру- гую, включающую, страну, он врезался в ее города, навис над ее улицами — и все ж иные совсем не догадывались, очень многие слышали что-то смутно, только побывавшие знали всё.

Но будто лишившись речи на островах Архипелага, они хранили молчание.

Неожиданным поворотом нашей истории кое-что, ничтожно малое, об Архипелаге этим выступило на свет. Но те же самые руки, которые завинчивали наши наруч- ники, теперь примирительно выставляют ладони: „Не на- до!.. Не надо ворошить прошлое!.. Кто старое помянет — тому глаз вон!.. Однако доканчивает пословица: „А кто забудет — тому два!“

Идут десятилетия — и безвозвратно слизывают рубцы и язвы прошлого. Иные острова за это время дрогнули, растеклись, полярное море забвения переплескивает над ними. И когда-нибудь в будущем веке Архипелаг этот, воз- дух его, и кости его обитателей, вмерзшие в линзу льда, — представятся неправдоподобным тритоном.

Я не дерзну писать историю Архипелага: мне не до- сталося читать документов. Но кому-нибудь когда-нибудь — достанется ли?.. У тех, не желающих ВСПОМИНАТЬ, довольно уже было (и еще будет) времени уничтожить все документы дочиста.

Свои одиннадцать лет, проведенные там, усвоив не как позор, не как проклятый сон, но почти полюбив тот уродливый мир, а теперь еще по счастливому обороту став доверенным многих поздних рассказов и писем, — может быть сумею я донести что-нибудь из косточек и мяса? — еще впрочем живого мяса, еще впрочем и сегодня живого тритона“.

Во всем мире выход «Архипелага ГУЛаг» вызвал быст- рые и многочисленные отклики. В крупнейших газетах и жур- налах появились рецензии на книгу, переводы отрывков из нее, изложения содержания.

НУЖНО ИДТИ ВСЕ ДАЛЬШЕ...

(Александр Солженицын и его книга
«Архипелаг ГУЛаг»)

Несомненно, некоторые умные люди — самых различных политических направлений — теперь, после опубликования книги «Архипелаг ГУЛаг», станут утверждать, что Александр Солженицын зашел слишком далеко, и что если с ним сейчас что-нибудь случится, то он должен будет пенять сам на себя. Другие люди, еще более умные, будут потирать руки, предвкушая для себя политические и финансовые профиты.

Покачивание головой умных людей и потирание рук еще более умных в данном случае несущественно. Солженицын знает, чем он рискует. Он принял этот риск на себя и, кроме того, он уже вероятно привык к клевете и оскорблениям самого отвратительного свойства. (Если, например, среди ночи какой-то «пьяный» начинает «случайно» ломиться в дверь его квартиры, которая, по всем данным находится под постоянным и неусыпным наблюдением, — то я называю это отвратительным оскорблением.)

«Архипелаг ГУЛаг» — это хроника, как подчеркнуто назвал Солженицын свою книгу, и мотивы, которыми руководствовался автор, публикуя эту хронику, вполне однозначны. Во-первых, он хотел привлечь внимание международной общественности, способное хоть в какой-то мере защитить тех лиц, которые упоминаются в «Архипелаге ГУЛаг», которые представили автору свои свидетельские показания, и сейчас еще живы; кроме того эта книга — «наш общий дружный памятник всем замученным и убитым», это документальное обоснование подлинности тех фактов и событий, которые в общих чертах уже известны мировой общественности по многочисленным прошлым публикациям и которые имели место в эпоху террора, описываемую Солженицыным в следующих выражениях:

«...вас арестовывает странник, остановившийся у вас на ночь Христа ради; вас арестовывает монтер, пришедший снять показания счетчика; вас арестовывает велосипедист, столкнувшийся с ва-

ми на улице; железнодорожный кондуктор, шофер такси, служащий сберегательной кассы и киноадминистратор.»

Даже самые закоренелые враги Солженицына должны были бы, по крайней мере, восхититься его мужеством или отнестись с уважением к той безошибочной уверенности, с которой он работает и публикует свои вещи. Однако, ни того, ни другого не приходится ожидать. Не приходится ожидать даже слабого намека на что-нибудь в этом роде.

К числу позорнейших в истории Союза советских писателей относится тот факт, что этот Союз исключает из своих рядов писателей именно тогда, когда они оказываются под угрозой или попадают в опалу. Так было с Ахматовой, Зощенко, Пастернаком, Солженицыным. И, тем не менее, «Иван Денисович» был опубликован с явного одобрения Хрущева, и его редактором был человек, с которым Солженицын дружил и на могиле которого отдал дань своего уважения к нему. Этот человек — Александр Твардовский, о котором вряд ли можно сказать, что он был лакеем империализма. И если вспомнить повод к исключению Солженицына — его роман «Раковый корпус», уже набранный в то время, если вспомнить также, что до сих пор еще не выяснено и, вероятно, никогда не будет выяснено, кто был инициатором этого исключения и каковы его мотивы, то можно с уверенностью предположить, что за возможными политическими мотивами здесь скрывались самые заурядные чувства зависти и недоброжелательства.

То, что этот писатель, столь бесстыдно изгнанный из общества и лишенный всякой поддержки своих коллег, не способен ни сдаться, ни уступить ни на один миллиметр, должно быть ясно авторам его исключения. И, может быть, придет день — я не хочу окончательно оставлять эту надежду — когда ненависть, ослепление, клевета, преследования и отвратительные оскорбления уступят место более разумному подходу, когда поймут, что в данном случае человек страдает и борется не за себя, что речь идет здесь о большем, гораздо большем, что в конечном счете может послужить лишь на пользу авторитету и моральному весу Советского Союза.

В сущности, тот процесс, который обычно называют десталинизацией, начался в 1956 году в самом Советском Союзе, и наиболее ярким литературным свидетельством этого процесса была

публикация «Ивана Денисовича», предпринятая по инициативе Твардовского и получившая одобрение Хрущева. Так был открыт шлюз, впрочем, вскоре снова закрывшийся, так как скопившиеся за ним исторические материалы угрожали наводнением. Для частичного отвода этого материала послужил каналом так называемый «Самиздат». На самом деле было бы гораздо лучше держать этот шлюз открытым, — я говорю это не из самонадеянности, а потому что я убежден, что процесс, начавшийся в 1956 году остановить нельзя. Бессмысленно клеймить каждого человека, занимающегося изучением неоспоримых и не подлежащих оспариванию ужасов сталинского времени, называть его «очернителем», низводя, таким образом, в примитивную, дешевую и вполне мелкобуржуазную категорию «гадящих в собственном доме». На самом деле эти люди очищают свой дом, и это положение следовало бы признать в международном масштабе, ибо проблема касается далеко не одного только Советского Союза.

Высказывались опасения (и эти опасения были сформулированы в резолюции Международного ПЕН-клуба от 24 мая 1973 г.), что присоединение Советского Союза к международной конвенции по охране авторских прав не принесет советским авторам ни облегчения, ни каких-либо свобод. Эти опасения оправдались, и сейчас похоже, что первой жертвой нового порядка окажется Александр Солженицын.

Западная трактовка понятия *copyright*, являющегося краеугольным камнем международной конвенции по охране авторских прав, состоит в том, что автор свободен в выборе своего агента или издателя. Например, немецкий автор может передать рукопись своей книги, написанной на немецком языке, японскому агенту, который после этого будет представлять его интересы в международном масштабе. Далее, согласно западной трактовке понятия *copyright*, публикация за границей ни в какой степени не связана с фактом публикации в той стране, где проживает автор. Так, книги ряда южно-американских авторов, которые по политическим причинам не могли быть изданы на родине этих авторов, широко публиковались в США или Испании.

Для социалистического строя эта западная трактовка понятия *copyright* считается недействительной. Случаи, когда книги все же публиковались сначала за границей, были для этих стран исключением. При этом авторы книг подвергались угрозам, поношению

и самому грабительскому урезыванию авторского гонорара (последнее особенно часто практикуется в Чехословакии). Когда руководитель недавно созданного агентства по охране авторских прав Борис Панкин заявляет, что он «примет меры» против распространения за границей сочинений Солженицына, то это заявление представляет собой беспрецедентную и — поскольку речь идет о зарубежных издателях — повидимому пустую угрозу, которая может привести лишь к бессмысленным судебным делам (в каких судах?!). Эта угроза станет серьезной лишь в том случае, если известные и желанные за границей авторы, которые не считаются «очернителями», будут использованы в качестве предметов «торговли».

Если руководитель советского государственного агентства Борис Панкин объявляет этот вопрос внутренним делом Советского Союза, нам остается только одно: международное вмешательство. Нас постоянно упрекают, что мы вмешиваемся во внутренние дела этой страны. Я хотел бы здесь указать на то обстоятельство, что советские делегаты на всякого рода международных встречах постоянно вмешиваются — и с полным основанием — в наши внутренние дела. Подобное вмешательство должно было бы стать законным международным обычаем. В частности то, что приходится слышать нам, западногерманским писателям (например по поводу издания бульварной и порнографической литературы) безусловно является вмешательством и притом (я хочу это подчеркнуть) отнюдь не нежелательным, ибо мы сами, живя в своей стране, часто упускаем из виду многие отрицательные явления, к которым приводит наша издательская практика.

Итак, теперь все повторится заново: клевета, поношения, оскорбления, война нервов против Солженицына. В широко распространяющихся газетах и журналах будут печататься обычные в таких случаях статьи. И снова нас будут обвинять в том, что мы являемся сторонниками холодной войны. Коллеги Солженицына отмежуются от него и примут участие в травле.

Я спрашиваю себя, но также секретарей и членов Союза советских писателей: неужели все это будет вечно продолжаться? Неужели это не прекратится до тех пор, пока Солженицына с его семьей не выбросят или не заставят уехать за границу? Писателя, в своей стране поставленного вне общества и полностью беззащитного?

Для Солженицына, лишенного в Советском Союзе возможности обращаться к общественности, публикуя там свои произведения, остается одно: обращаться к общественности мировой. И он сделал это, опубликовав «Архипелаг ГУЛag».

Правда, есть один выход, и я сейчас скажу, в чем он состоит, хотя мое предложение может показаться безумным: опубликовать книгу Солженицына в Советском Союзе.

И хотя можно предугадать, как отнесутся к книге официальные и официозные критики, однако, в этом случае советские читатели получили бы возможность проверить — основываясь на собственном опыте или на опыте своих близких — насколько правдиво Солженицын изложил этот страшный период советской истории. Как образно пишет Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛag», этот мир островов-лагерей распространился тогда по всей стране, врезаясь и в живое тело городов, на улицах которых ощущалось его грозное присутствие. Тогда присутствие это было повсеместным, но оно продолжает ощущаться и теперь. Это можно было бы назвать неисчезающим присутствием ужаса прошлого.

Я хорошо понимаю, насколько безумно звучит мое предложение опубликовать Солженицына в Советском Союзе. Но иногда бывает, что самое безумное предложение представляет собой единственный реалистический выход. Такая большая страна как Советский Союз, которая повидимому действительно заинтересована в разрядке международной напряженности, не может позволить себе в течение длительного времени сохранять эту внутреннюю напряженность, проистекающую из наличия прошлого, но все еще не изжитого ужаса, который воссоздает Солженицын в своей книге.

Еще раз повторяю: я твердо знаю, что делаю; на меня ни с какой стороны не оказывают давления и меня никуда не подталкивают. Если я «введен в заблуждение», то лишь самим собой и ничем больше.

Я стою на своем: Александру Солженицыну нужно было зайти так далеко, потому что он **д о л ж е н** был сделать это как писатель. Должен ли он будет пойти еще дальше — зависит единственно и только от его собственного решения.

А как далеко зайдут его враги в Союзе писателей, в редакциях газет и журналов, в ведомствах культуры и т. д. — это уже не вопрос личного нравственного решения, а всего лишь вопрос злоупотребления властью. Все равно враги его уже давно проиграли

эту игру. Им следовало бы понять это и принять единственно возможное безумное решение, которое я предлагаю.

Но и нам не следует проявлять излишнего самодовольства и хвастаться тем, какие мы хорошие. Прошло уже немало времени — но все же не вечность — с тех пор как немецкое посольство в Париже протестовало против демонстрации в Каннах фильма Жана Кайроля «Ночь и туман»; да и теперь то, что иногда слышишь о работающих за границей немецких писателях от немецких же — о, нет!, не от всех, но все же от некоторых — дипломатов, оказывается очень похожим на все тот же аргумент «очернительства». И еще следует отметить, что сообщение об освобождении — если не «де юре», то хотя бы «де факто» — Амальрика было подано далеко не такими большими заголовками, как прежде сообщение о его аресте.

« Die Zeit », 11 января 1974 г.

В Советском Союзе о книге стало известно сначала из передач зарубежных радиостанций. В начале января ТАСС сделало официальное заявление, содержащее резкие нападки на писателя. Один за другим выступили несколько комментаторов ТАСС. Приводим тексты двух выступлений:

«Отравители атмосферы разрядки»
(обозреватель ТАСС Сергей Кулик,
только на Запад):

Так уже повелось повсюду, что в канун большого праздника или юбилея люди делают подарки своим близким и единомышленникам. Дарят свои лучшие произведения и писатели, художники, композиторы. И если у себя на родине эти произведения обретают признание, получают благосклонную оценку критики, к ним проявляют интерес и за границей.

Александр Солженицын, будучи заведомо уверен в том, что советский народ отвергнет его

новую книгу «Архипелаг ГУЛаг», действовал по-иному. Рукопись «Архипелага» была переправлена за границу и там увидела свет в канун нового года. И те, кто еще не до конца притупил перо на антисоветской стряпне, забыв о празднике, взялись за работу.

Давно известно, что разрядка международной напряженности, сближение народов, развитие сотрудничества между ними имеет не только сторонников, но и весьма активных противников, которые не жалеют ни сил, ни средств, стремясь вернуть мир на скользкую стезю «холодной войны». Именно эти круги принялись раздувать шумиху вокруг нового «творения» Солженицына, пытаясь, таким образом, отравить атмосферу разрядки, посеять недоверие в отношениях между народами, очернить Советский Союз, его народ, его политику.

Для антисоветчиков типа г. Солсбери из «Нью-Йорк Таймс» чтение нового произведения Солженицына было, конечно, праздником куда большим, чем сидение под новогодней елкой. Еще бы! В новой книге, состоящей из 260 000 слов, Солженицын вновь перепевает старые для его «творческой линии» темы: лагеря послевоенных лет, окутавшая якобы всю страну сеть секретной разведки, гонения на интеллигенцию, инокомыслящие в психиатрических больницах, огульная клевета на советский народ. Лишь кое в чем Солженицын зашел дальше, чем он делал раньше. Стремясь опорочить советскую власть, он, например, договорился до того, что царский режим был «либерален» и «любвеобилен» к народу, а гитлеровцы «милостивы» и «снисходительны»*) и к русским и к народам Восточной Европы, которых Запад не сумел оберечь от «советской оккупации».

*) Вот где впервые появляется любимый штамп авторов статей и писем: в тексте книги таких слов и оценок нет. Прим. составителей.

ции». Не правда ли, какой чудный повод для разжигания антисоветской истерии! Для противников разрядки международной напряженности появление «Архипелага» особенно ценно потому, что в преддверии Нового года, подводя итоги года уходящего, даже буржуазная пресса не может не признать огромного конструктивного вклада, внесенного СССР в потепление политического климата на нашей планете, не может замолчать колоссальных экономических и культурных достижений нашей страны.

И не случайно, что, кроме отпетого антисоветчика г. Солсбери, опубликовавшего в «Нью-Йорк Таймс» пространную статью об «Архипелаге», приняли этот подарок лондонские консервативные «Дейли Телеграф» и «Обсервер», правые парижские «Орор», «Фигаро», две газеты Мадрида и радио ЮАР.

Сегодня эти буржуазные органы массовой пропаганды поощряют деятельность фашистской хунты в Чили, покрывшей сетью концентрационных лагерей всю страну. Они потворствуют разгулу кровавой реакции в Греции, стремятся обелить беззаконие, творимое испанским судом и оправдать преступления южноафриканских расистов. И именно эти газеты возглавили сегодня антисоветскую кампанию, пищу для которой дала новая книга Солженицына. Она представила им повод приписать советской действительности язвы и пороки, присущие капитализму.

Господин Солженицын в собственной автобиографии в свое время признавался в ненависти к советскому строю, ко всему советскому, а следовательно и к советскому народу, который никогда не признавал и не признает его антисоветских «концепций». Солженицын ненавидел и ненавидит всё, что принесла с собой Октябрьская революция, ее дела, ее победоносную поступь. И именно бессильная злоба — та муза, которая

порождает все новые и новые его «труды», в том числе и «Архипелаг ГУЛаг».

Быть может, интерес, проявленный к «Архипелагу ГУЛагу», вызван литературными достоинствами романа? Конечно, нет. О них авторы рецензий не сочли возможным упомянуть даже. Новый антисоветский политический пасквиль г-н Солженицын переслал на Запад в качестве новогоднего подарка врагам своей родины. Этот роман уже принес ему славу среди немногих, но во всем мире такую славу называют геростратовой.

«Злоба бессилия»

(комментатор ТАСС Кирилл Андреев,
тоже на Запад)

Первые же дни нового года охарактеризовались началом очередной антисоветской кампании в реакционной западной печати.

Предлогом для ее развязывания послужило появление на книжных прилавках Запада еще одного пасквиля отщепенца Солженицына, переданного автором за границу в обмен на обещание обеспечить ему любую валюту, которая выглядит в данный момент перспективнее других.

Правда, всему миру уже давно известно, чего стоит литературное «кредо» этого человека, который, как он сам неоднократно заявлял, ненавидит свою страну поистине лютой ненавистью и впадает в истерику каждый раз, когда вспоминает, что живет не в царское время, а при социализме. Но, как говорится, на безрыбье и рак — рыба, и за отсутствием иных возможностей те, кто планирует и оркеструет реакционную пропаганду на Западе, исчерпав прежние темы, вновь вытащили на свет марионетку, всегда готовую выполнить любой заказ по части антисоветской клеветы.

Уже здесь были заданы основные принципы планируемой газетной травли: говорить о чем угодно — о царском режиме, о преступлениях гитлеризма, о вьетнамской войне, о чилийской хунте, о южноафриканских расистах, о достижениях советского народного хозяйства и т. п. — но только не об истинном содержании «Архипелага ГУЛаг».

Тон выступлений ТАСС вызвал у людей, понимающих значение Солженицына для России, тревогу за его судьбу.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы глубоко обеспокоены и возмущены новыми угрозами Александру Солженицыну, которые содержатся в недавнем заявлении ТАСС. ТАСС заявляет, что Солженицын — «предатель родины», который клеветает на ее прошлое. Но как можно одновременно утверждать, что «допущенные» ошибки осуждены и исправлены, и в то же время называть клеветой честную попытку собрать и опубликовать исторические и фольклорные свидетельства об одной части этих отягчающих нашу коллективную совесть преступлений? Ведь нельзя отрицать того, что действительно были массовые аресты, пытки, казни, принудительный труд, бесчеловечные условия, сознательное уничтожение миллионов людей в лагерях; было раскулачивание, преследование и уничтожение сотен тысяч верующих, насильственное переселение народов, антирабочие и антикрестьянские законы, преследование вернувшихся из плена. Были и другие преступления, поражающие своими жестокостью, коварством и цинизмом. Право писателя писать и публиковать то, что велит ему совесть и долг художника — одно из основных в цивилизованном обществе. Это право не может ограничиваться государственными границами. Тем более такая возможность не может быть предоставлена якобы общественной организации «Все-союзное агентство по охране авторских прав», которая фактически выполняет задачи политической цензуры, тенденциозной пропаганды и прямой валютной спекуляции на труде автора.

Мы уверены, что нет никаких опирающихся на закон оснований для преследования Солженицына за опубликование им за рубежом новой книги «Архипелаг ГУЛаг», как нет основания преследования кого-либо за подобные действия. Мы знаем, однако, что

в нашем государстве возможны преследования и без таких оснований. Мы призываем честных людей во всем мире противостоять этой опасности, защитить гордость русской и мировой культуры — Александра Солженицына.

5 января 1974 г.

В. Войнович, А. Галич, В. Максимов,
А. Сахаров, И. Шафаревич.

Наконец, советские читатели получили возможность прочесть комментарий ТАСС, однако в сильно сокращенном «двойном переводе»:

«С позиции клеветника»

Бонн, 5. (ТАСС). Газета «Унзере цайт» опубликовала комментарий по поводу появившейся на Западе очередной антисоветской книги Солженицына, в котором говорится:

Клеветник на свое социалистическое отечество, этот Солженицын ценится в антисоветских и антикоммунистических кругах Запада на вес золота. Почему? Он называет себя гуманистом и христианином. Но его деятельность свидетельствует о противоположном. Этот «гуманист» выступил в защиту расистского режима Южной Африки. В разгар американской агрессии во Вьетнаме он клеветал на вьетнамских патриотов. Вместе с противником разрядки напряженности Сахаровым он обратился к Западу, в первую очередь, к США, с призывом воспрепятствовать такой разрядке.

Весьма странно выглядит этот «гуманный писатель», не обмолвившийся ни единым словом в связи со смертью Пабло Неруды, сожжением книг и фашистской резней в Чили. Вместо этого, он поливает грязью свою страну и передает вра-

гам своей родины очередной пасквиль на Советский Союз — так сказать, в виде новогоднего подарка. Это вполне на руку всем тем, кто рассчитывает сорвать успехи политики разрядки напряженности и взаимопонимания путем разжигания антикоммунистической истерии. Однако можно с уверенностью сказать, что и эта попытка обречена на неудачу.

«Правда», 6 января 1974 г.

Еще некоторое время информация о книге была монополией зарубежных корреспондентов, в основном, ТАСС:

7 января — из Праги («**Торговцы паданцами**» — пересказ комментария из «Руде право»):

«...дескать, Сталинградскую битву Советская армия выиграла благодаря использованию штрафных батальонов, сформированных из противников советского режима, и тому подобный вздор».

„В том же году после неудач под Керчью (120 тысяч пленных), под Харьковом (еще больше), в ходе крупного южного наступления на Кавказ и к Волге, — прокачан был еще очень важный поток офицеров и солдат, не желавших стоять насмерть и отступавших без разрешения, — тех самых, кому, по словам бессмертного сталинского приказа № 227, Родина не может простить своего позора. Этот поток не достиг, однако, ГУЛага: ускоренно обработанный трибуналами дивизий, он весь гнался в штрафные роты и бесследно рассосался в красном песке передовой. Это был цемент фундамента сталинградской победы...”

„Архипелаг ГУЛаг“, стр. 92

8 января — из Вены (**«Противники разрядки и их пособники»** — изложение статьи Вольнера в «Фольксштимме»)

10 января — из Варшавы (**«Антисоветская диверсия»** — цитируется статья из «Трибуна люду»):

«...Солженицын ни разу не выступил против варварских налетов на Ханой, репрессий против палестинского народа...»

12 января — «гневное осуждение» из Праги, Берлина, Софии, Торонто, Нью-Йорка (беседа с Биляком, из «Нойес Дойчланд», цитаты из «Работническо дело», «Канадиен трибюн», «Дейли уорлд»).

В этих корреспонденциях появилась еще одна тема нападок на автора «Архипелага ГУЛаг» — Власов и «власовцы». И хотя из 606 стр. книги теме этой отведено лишь 11, она быстро получила едва ли не доминирующую роль в газетных публикациях:

«По сей день в Советском Союзе Власова и кучку предателей, состоявшую из деклассированных, потерявших человеческий облик антисемитов и убийц, считают подонками. Но Солженицын не согласен с этим и заявляет: «не так должна писаться история».

„Слово „власовец“ у нас звучит подобно слову „нечистоты“, кажется мы оскверняем рот одним только этим звучанием и поэтому никто не дерзнёт вымолвить двух-трех фраз с подлежащим „власовец“.

Но так не пишется история. Сейчас, четверть века спустя, когда большинство их погибло в лагерях, а уцелевшие доживают на крайнем севере, я хотел страницами

этими напомнить, что для мировой истории это явление довольно небывалое: чтобы несколько сот тысяч молодых людей в возрасте от двадцати до тридцати подняли оружие на свое Отечество в союзе со злейшим его врагом. Что, может, задуматься надо: кто ж больше виноват — эта молодежь или седое Отечество? Что биологическим предательством этого не объяснить, а должны быть причины общественные.

Потому что, как старая пословица говорит: *от корма кони не рыщут*.

Вот так представить: поле — и рыщут в нём неухоженные оголодалые обезумевшие кони“.

„Архипелаг ГУЛаг“, стр. 267.

Т Р А В Л Я

Настоящий размах кампания против Солженицына получила с момента опубликования в «Правде» 14 января 1974 года статьи **И. СОЛОВЬЕВА «ПУТЬ ПРЕДЕТЕЛЬСТВА»**.

«... Материй деляга, делающий бизнес на своем антисоветизме, ловко разжигающий вокруг себя спекулятивный ажиотаж и извлекающий из него дивиденды, — таков подлинный облик этого отщепенца».

Непосредственно о книге в ней говорилось:

«Теперь в очередном сочинении «Архипелаг ГУЛаг» Солженицын уже не устами героя пьесы, а от своего имени заявляет, что гитлеровцы были якобы «снисходительны» и «милостивы» к порабощенным народам, что Сталинградскую битву Советская Армия выиграла благодаря штрафным батальонам. Вновь, как и в «Пире победителей», он глумится над жертвами, понесенными советским народом в войне против фашизма, оправдывает преступления власовцев и бандеровцев. Он вещает: «Эта война вообще нам открыла, что хуже всего на земле быть русским».

Книга «Архипелаг ГУЛаг» явно рассчитана на то, чтобы одурачить и обмануть доверчивых людей всевозможными измышлениями о Советском

Союзе. Автор этого сочинения буквально задыхается от патологической ненависти к стране, где он родился и вырос, к социалистическому строю, к советским людям.

Книгу эту, маскированную под документальность, можно было бы назвать плодом больного воображения, если бы она не была начинена циничной фальсификацией, состряпанной в угоду силам империалистической реакции. Если чем и может поразить читателя названное сочинение, так это, пожалуй, предельной степенью саморазоблачения человека, который смотрит на новое строящееся общество глазами тех, кто расстреливал и вешал коммунистов, революционных рабочих и крестьян, отстаивая черное дело контрреволюции. ...Коммунистическая партия Советского Союза открыто подвергла бескомпромиссной критике связанные с культом личности нарушения социалистической законности...»

На следующий день большинство центральных, республиканских и областных газет перепечатали «Путь предательства». Тиража «Правды» показалось мало, ибо статья была рассчитана на ошеломление читателя и, в известной степени, на то, чтобы заменить советским людям книгу, которую им не позволено видеть, и вызвать замышленный взрыв «справедливого народного гнева». Но поначалу сказывалась плохая подготовка, кампания разворачивалась со скрипом, лишь более оперативная зарубежная коммунистическая пресса сразу выступила в поддержку статьи И. Соловьева (**Отклики на статью «Путь предательства», ТАСС, 15 января**), а некоммунистическую советская печать брала себе в союзники более чем своеобразно:

«Как отмечается в статье «Правды», указывает японская «Санкэй симбун», последним своим сочинением Солженицын разоблачил себя как человек, который смотрит на новое, строящееся об-

щество глазами тех, кто расстреливал и вешал коммунистов, революционных рабочих и крестьян, отстаивая черное дело контрреволюции...»

«...Откликаясь на статью «Путь предательства», опубликованную в «Правде», японская «Санкэй симбун» подтверждала, что последним своим сочинением Солженицын разоблачил себя как человек, который смотрит на новое, строящееся общество глазами тех, кто расстреливал и вешал коммунистов, революционных рабочих и крестьян, отстаивая черное дело контрреволюции».

«Партийная жизнь», 1974, № 3

16 января в травлю Солженицына включилась «Литературная газета» (большая статья «Кому выгодна антисоветская шумиха» за скромной подписью «Литератор», сопровождаемая фальсифицированными фотографиями), а 17-го — «Советская культура» (Б. Козлов. «Кто убил Пабло Неруду?» — ?! — до тех пор советские газеты обвиняли в этом только академика Сахарова).

И наконец, в той же «Советской культуре» 18 января появились первые письма советских читателей (не книги, конечно, а статьи И. Соловьева):

Позор клеветнику — скульптор Л. Кербель,
Без рода, без племени — режиссер Б. Захава,
Цена предательства — писатель П. Лебеденко,
Гнев и презрение народа — композитор В. Сизко.

(И как тут не упомянуть солженицынское замечание к строчкам указа от 12 января 1950 г. о восстановлении смертной казни: «ввиду поступивших заявлений от... а также от деятелей культуры (вот это вполне правдоподобно)...» («Архипелаг ГУЛаг», стр. 440).

18 января в ответ на газетную дезинформацию писатель сам обратился к своим читателям:

Полная ярости кампания прессы скрывает от советского читателя главное: о чём эта книга? Что за странное слово „ГУЛаг“ в названии ее? „Правда“ лжет: автор „смотрит глазами тех, кто вешал революционных рабочих и крестьян“. Нет! — глазами тех, кого расстреливало и мучило НКВД. „Правда“ уверяет, что в нашей стране „бескомпромиссная критика“ периода до 1956 г. Ну, вот, пусть и покажут свою бескомпромиссную критику, я дал им богатейший фактический материал.

Еще сегодня — еще сегодня! — этот путь не закрыт. И какое очищение было бы для страны!

Публикуя „Архипелаг“, я все же не ожидал, что до такой степени отрекутся даже от своих прежних слабых признаний. Линия, избранная органами нашей пропаганды, есть линия звериного страха перед разоблачениями. Она показывает, как цепко держатся у нас за кровавое прошлое и хотят нераскрытым мешком тащить его с собою в будущее — лишь бы не произнести ни слова — не то что приговора, но морального осуждения ни одному из палачей, следователей и доносчиков. Характерно: едва только „Немецкая волна“ объявила, что каждый день будет по полчаса читать „Архипелаг“ — на нее накинудись глушить неистово: ни одно слово этой книги не должно прорваться в нашу страну.

Как будто это надолго! Я уверен, что скоро наступит время, когда эту книгу в нашей стране будут читать широко и даже свободно. И найдутся памятливые и любознательные, кто потянется проверить: а что писала советская пресса при появлении этой книги? и кто подписывал? И в потоке мутной брани они не найдут имен собственных, ответственных, везде трусливая анонимность, псевдонимность.

Потому и врут так легко, что угодно: будто по моей книге „гитлеровцы снисходительны и милостивы к поработенным народам“, „сталинградская битва выиграна штрафными батальонами“. Всё лжете, товарищи правдысты. Прошу объявить точные страницы! (Увидите, что не объявят). Или ТАСС: „в своей автобиографии Солженицын сам признался в ненависти к советскому строю и к

советскому народу". Моя автобиография напечатана в Нобелевском сборнике, 1970 г., доступна всему миру, проверьте, как нагло лжет Телеграфное Агентство Советского Союза. Да что о нем говорить, если оно имело бесстыдство плюнуть в смеженные глаза всем убитым: что написано об их муках и смерти только ради валюты (сообщение Кирилла Андреева, ТАСС. А *его* отец — жив? или расстрелян там же?)

Но и тут промахнулось ТАСС: продажная цена книги на всех языках будет предельно низка, чтобы читали ее как можно шире. Цена такая, чтоб только оплатить работу переводчиков, типографии и расход материалов. А если останутся гонорары — они пойдут на увековечение погибших и на помощь семьям политзаключенных в Советском Союзе. И я призову издательства отдать и свой доход на ту же цель.

А вот ложь „Лит. газеты“: будто у меня „советские люди — исчадия ада“, сущность русской души „в том, что русский человек готов за пайку хлеба продать отца и мать“. Назовите страницы, лгуны! Это для того так пишется, чтоб разъярить против меня моих неосведомленных соотечественников: Солженицын „ставит знак равенства между советскими людьми и фашистскими убийцами“. Маленькая подтасовка: между фашистскими убийцами и убийцами из ЧК-ГПУ-НКВД — да, ставлю. А „Лит. газета“ натягивает сюда „всех советских людей“, чтобы среди них нашим палачам укрыться удобней.

Но *какие* страницы они будут указывать, из *какой* книги? Ведь „Лит. газета“ попала на мародерстве, на раздвигании трупа: она цитирует захваченный экземпляр, 4-ю и 5-ю части „Архипелага“, которые еще нигде не напечатаны — *именно в Госбезопасности* делал выписки подзирательный „Литератор“! Вот выйдет 4-я часть, вы прочтете и эту цитату: „Я понял ложь всех революций истории“ (конец главы I-й) и эту оценку — не русского человека, но советской *воли* (глава 3-я, названия разделов): „постоянный страх“, „скрытность и недоверчивость“, „тление души“, „ложь как форма существования“.

И еще смеют обвинять, что момент печатания „Архипелага“ выбран мировой реакцией, чтобы сорвать разрядку напряженности. Он выбран — нашей госбезопасностью (она и есть главная „мировая реакция“ сегодняшнего дня) — выбран ее жадностью хватать рукописи. Если она ценит разрядку напряженности, зачем же она в августе 5 суток выдавливала, выжигала эту рукопись из бедной женщины? В произошедшем захвате я увидел Божий перст: значит, *пришли сроки*.

Как предсказано было Макбету: БИРНАМСКИЙ ЛЕС ПОЙДЕТ.

А. Солженицын

Москва
18 янв. 74 г.

На следующий день А. Солженицын ответил на вопросы иностранных журналистов.

Вопрос: ТАСС заявляет, что издание Вашей книги «Архипелаг ГУЛаг» создает опасность возврата атмосферы «холодной войны» и наносит ущерб разрядке напряженности между Востоком и Западом.

Вред миру и добрым отношениям между людьми и народами приносит не тот, кто рассказывает о совершенных преступлениях, а тот, кто делал или делает их. Раскаяние личное, общественное и национальное всегда только *очищает* атмосферу. Если мы открыто признаем наше страшное прошлое и сурово, не в пустых словах, осудим его — это только укрепит во всем мире доверие к нашей стране.

Вопрос: Ваша новая книга не будет напечатана здесь, но многие русские услышат ее по радио. Как Вы себе представляете их реакцию, в особенности реакцию молодого поколения, знающего мало о событиях, которые Вы описываете?

Услышат ли по радио — неизвестно. По „Немецкой волне“ „Архипелаг“ уже глушат. Но все равно правда дойдет, узнается. Десятилетиями она настолько была скрыта, что ее появление во весь рост потрясает всякого незнающего — но и воспитывает его сердце, но и дает ему свет и силу на будущее.

Вопрос: Как вы предполагаете, как поступят власти в отношении Вас?

Совершенно не берусь прогнозировать. Я и моя семья готовы ко всему.

Я выполнил свой долг перед погибшими. Это дает мне облегчение и спокойствие. Эта правда обречена была уничтожиться, ее забивали, топили, сжигали, растирали в порошок. Но вот она соединилась, жива, напечатана — и этого уже никому никогда не стереть.

В том же интервью писатель заявил:

...Наше право и наш прямой путь — обращаться к своим читателям, к своим соотечественникам и особенно к нашей молодежи. И если она, всё узнав и всё поняв, не поддержит нас, то это уже будет от недостатка мужества. И тогда и она и мы заслужили нашу жалкую участь, и не на кого нам жаловаться, только на свое внутреннее рабство.

Вопрос: Каким же образом Ваши соотечественники, ваша молодежь может оказать вам поддержку?

Никакими физическими действиями, всего-навсего: отказом ото лжи, ЛИЧНЫМ НЕУЧАСТИЕМ ВО ЛЖИ. Каждому перестать сотрудничать с ложью решительно везде, где он сам видит ее: вынуждают ли говорить, писать, цитировать или подписывать, или только голосовать, или только читать. У нас ложь стала не просто нравственной категорией, но и государственным столпом. Отказываясь ото лжи, мы совершаем поступок нравственный, не политический, не судимый уголовно, — но это тотчас сказалось бы на всей нашей жизни.

Между тем, вдохновители газетной кампании прилагали всё большие усилия для раздувания «всеобщего презрения».

«Всеобщее презрение», ТАСС, 18. I. 74: «Югославская газета «Виесник» пишет, что для Солженицына и для тех, кто с ним и за ним, так называемые «лагеря» — это только предлог, только метод, только намеренно избранный путь к цели, с помощью которых Солженицын хотел бы дискредитировать социализм как систему и идею...

В письмах, телефонных звонках в отделение ТАСС в Нью-Йорке рядовые американцы выражают свое одобрение публичного разоблачения Солженицына. Вот одно из них: житель Нью-Йорка, 50-летний врач Энтони де Сантоло заявил: «Я хочу выразить свою поддержку статье в «Правде»...»

«Призыв ЦК ФКП», «Правда», 20. I. 74: «Все самые реакционные силы во Франции всеми средствами безудержно рекламируют эту книгу».

В. Большаков, «Международная неделя», «Правда», 20. I. 74: «Оценивая неприглядную роль Солженицына в нынешней антисоветской кампании, финская газета «Тиедонантая» пишет: «Солженицын, как и Сахаров, в настоящее время играет самую грязную роль в осуществлении планов противников мира и разрядки напряженности...»

Газетные заметки, размноженные миллионными тиражами, легко доступны и, вероятно, еще живы в памяти советского читателя. Поэтому мы ограничимся выдержками из известных нам газетных публикаций.

И. Мельников, «Воля коммунистов», «Правда», 21. I. 74: «Разоблачению антисоветизма посвятил свое выступление член Политбюро ЦК КПА,

главный редактор газеты «Фольксштимме» тов. Г. Кальт. Он заклеил антикоммунистическую и антисоветскую направленность шумихи буржуазной пропаганды вокруг Солженицына...»

Кто может дать точное определение понятию «антисоветский»? В свое время антисоветскими были такие писатели, как Бабель, Зощенко, Ахматова, Булгаков, Мандельштам, Бунин — сейчас же их издают и переиздают, хотя и не злоупотребляют размерами тиражей. Ну, а речь, допустим, ныне здравствующего В. М. Молотова на сессии Верховного Совета в октябре 1939 года как надо рассматривать — как про- или антисоветскую? А ведь он в ней, переосмысливая понятие агрессии, говорил, что воевать против гитлеризма нельзя, так как война с идеей — а гитлеризм это идея — абсурд и преступление. Если б нашли, например, у меня газету с этой речью — ее изъяли бы или нет?

А речи Берии? Его биографию с громадным портретом в Большой Советской энциклопедии подписчикам рекомендовали вырезать, а вместо нее прислали страничку про Берингово море. А миллионы погибших при Сталине — это что, советские или антисоветские действия? Кто ответит на это?

Виктор Некрасов. «Кому это нужно?»

«Радиодиверсанты на хлебах ЦРУ», «Известия», 22. I. 74: «Сейчас в сфере деятельности мюнхенского радиоцентра находится «особый проект «Архипелаг ГУЛаг», т. е. передача на языках народов СССР антисоветского сочинения Солженицына. На днях радиостанция «Немецкая волна» сообщила после опубликования «Архипелага ГУЛаг»: «Запад имеет не только право, но и обязанность(?) вмешаться» во внутренние дела Советского Союза. До чего же глупо, господа! Ни солженицыны, ни другие троянские лошади вам не помогут...»

П. Бровка: «Как же можно относиться к этакому «сочинителю»? Только как к предателю, как к врагу. Обелять гитлеровцев, затопивших Евро-

пу кровью, восхвалять власовцев — подручных нацистов — что может быть более мерзким?»

О. Гончар: «Дойти до того, чтобы обелять власовцев, возводить поклеп на революцию, на героев Отечественной войны, на самоотверженную борьбу советских людей, оскорбляя память павших, — это ли не верх кощунства и цинизма! Своей правдивостью советская литература заслужила уважение читателей...»

Г. Абашидзе: «Он облил грязью всё, что дорого советскому народу».

О. Смирнов: «Справедливо считается, что самый слепой тот, кто не хочет видеть, а самый глухой тот, кто не хочет слышать».

Там же, под рубрикой **«Дополнительный штрих»:** **Б. Светов, «Рыбак рыбака видит издалека»:** «А пекинские антисоветчики на днях разразились в «Женьминь жибао» статьей, при написании которой, очевидно, вместо туши пользовались грязью, соскобленной ими со страниц «Архипелага ГУЛаг».

Там же, под заголовком **«Ничего удивительного!»** перепечатка статьи С. Лейрака из «Юманите»: «То, что Сахаров подал голос в защиту Солженицына, хотя у него не нашлось слов в защиту Чили, должно бы заставить задуматься о смысле исключительно шумной кампании, развернутой вокруг Солженицына и его книг».

ОТВЕТЫ САХАРОВА НА ВОПРОСЫ ФРАНЦУЗСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Эти вопросы были заданы по телефону, но задавший их не смог больше соединиться со мной. Видимо, в таких случаях отвечают, что мой телефон не исправен. Я считаю нужным опубликовать это несостоявшееся телефонное интервью.

ВОПРОС: Действительно ли Вы и Солженицын, как сказал во Франции Жорж Марше, представляете собой лишь одинокую, далекую от народа группу разрозненных диссидентов?

ОТВЕТ: Я думаю, что Солженицын, так же как и я, не выражает мнения какой-либо группы диссидентов, а свою личную позицию, свое понимание истории и положения народа. В книге «Архипелаг ГУЛag» он опирается на свой личный опыт, рассказы очевидцев, архивные материалы и говорит от имени тех, кто не вернулся с островов этого архипелага. Много ли людей разделяют его позицию? Кто это может сказать в нашей стране, где Солженицына не печатают, где из библиотек изъяли то небольшое, что было напечатано, где за чтение его книг дают сроки и где никто не проводит социологических исследований о том, как широко распространены Солженицын в «самиздате». Но гораздо важнее — Клевета или Правда то, о чем он пишет. Все, с кем я когда-либо говорил о Солженицыне, убеждены, что он пишет Правду.

ВОПРОС: Как, по Вашему мнению, реагировал бы советский народ, большинство трудящихся, если бы они имели возможность прочесть книгу Солженицына?

ОТВЕТ: Я уверен, что интерес к этой книге у всего читающего населения был бы большой, даже при разном отношении к ее содержанию. Большинство советских людей всех слоев населения знают о преступлениях и ужасах, описанных в книге Солженицына. Некоторые отгоняют от себя мысли об этом, другие не в состоянии осудить собственное прошлое, но есть и третьи, которые увидят в книге судьбу своих отцов, судьбу двух поколений, пропавших «без права переписки». Во всяком случае, нравственное значение этой книги огромно именно для людей нашей страны.

ВОПРОС: Вас и Солженицына многие обвиняют в том, что вы являетесь врагами социализма, Солженицына даже называют фашистом. Правильно это?

ОТВЕТ: Первая часть Вашего вопроса несерьезна, поскольку никто не знает, что такое социализм, каким надлежит ему быть. Страну, в которой живет Солженицын и живу я, мы оба любим, но никак не за то, что ее строй называется так или иначе. С беспримерным мужеством и талантом Солженицын исполняет свой долг писателя, взывая к нашей памяти не для того, чтобы кого-то судить или казнить, но чтобы память сохранила нас людьми. Назвать его фашистом может только тот, кто не хочет помнить, что это такое на самом деле.

ВОПРОС: Преступления, о которых пишет Солженицын, — это преступления системы или одного человека?

ОТВЕТ: Я думаю, что глубинная причина этих преступлений не в личности Сталина. С первых дней революции, когда Сталин еще не был у власти, фанатизм, проповедь классовой ненависти, ожесточение, разрушение правопорядка — уже начали делать свое дело, и это не было случайным.

ВОПРОС: Как здоровье и моральное состояние Солженицына?

ОТВЕТ: Я думаю, что моральное состояние Солженицына — это состояние человека, исполнившего свой долг. Это всегда помогает здоровью. Конечно, в наших условиях с ним могут сделать все, что угодно. Только люди у нас и на Западе, только широкая гласная поддержка защищают и могут защитить его.

И. Шток, «Пособник реакции», «Советская культура», 22. I. 74: «Помню появление Солженицына в Москве с повестью и рассказами. Как его дружески приняли! Напечатали в крупнейшем толстом литературном журнале, приняли в члены Союза писателей. Ему предложили поехать по стране. Он мог увидеть новые города, заводы-ги-

ганты, коллективные хозяйства-миллионеры, молодых людей, управляющих сложнейшими механизмами, потрясающую весь мир технику... Он отказался. Он сидел под Москвой, в Москве и клеветал».

Заявление американского писателя, (ТАСС, 23), «Правда», 24. I. 74.

Заявление писателя (под рубрикой: «Отповедь», (ТАСС, 23), «Советская Россия», 24. I. 74.

«Презрение и гнев», «Правда», 24. I. 74:

К. Симонов: «Хочу выразить свое отношение к статье «Правды» от 14 апреля с. г., в которой дана справедливая, на мой взгляд, политическая оценка...»

А. Маресьев: «Нужно ли объяснять, с каким гневом и возмущением воспринимают ветераны войны, тысячи тех, кто испытал на себе зверства гитлеровцев, разглагольствования Солженицына о «милостивости» последних, его умиление подлыми делами власовцев и бандеровцев — наемников фашизма».

Г. Товстоногов: «Тот, кто бывает за рубежом, знает, как обостряется там чувство Родины, как уходят на второй план те или иные наши недостатки, как отчетливее начинаешь видеть, сколько сделано за последние годы в плане устранения этих недостатков и отрицательных явлений прошлого, понимаешь, как велик наш народ, наше искусство, наша литература».

Обычно механика добывания подписей под такими письмами остается скрытой от доверчивого читателя. И если с осуждением выступают люди с известными и как будто незапятнанными именами — то как ему отличить истину от лжи?

Но когда человек не желает уступать давлению лжи, тогда мы узнаём правду о тайных пружинах кампаний «народного гнева». Писатель **Виктор Некрасов** в очерке «**Кому это нужно?**» свидетельствует:

«Во многих инстанциях — а сколько у меня их было, и высоких и пониже, и всесильных и послабее — мне говорили — кто строго, кто с улыбкой — что давно пора сказать народу, по какую сторону баррикад я нахожусь. Как сказать? И подсказывали. Кто попрямее, кто более окольными путями, что вот дескать есть газеты, а в газету люди — и какие люди! — пишут письма... А вы что же?

И вот тут мне остается только удивляться. Неужели кто-либо мог серьезно подумать, что порядочный человек может позволить себе включиться в этот позорный поток брани, который вылился на голову двух достойнейших людей нашей страны — Сахарова и Солженицына? Неужели такой ценой зарабатывается право работать и печататься? А ведь вам, уважаемый товарищ, — говорили мне во всех инстанциях, с улыбкой или без улыбки — надо писать и писать. Читатель ждет не дожидется, всё в ваших руках.

И я могу ответить. Прямо и не лукавя. Нет, пусть лучше уж читатель обойдется без моих книг, он поймет, почему их не видно. Он, читатель, ждет. Но не пасквилей, не клеветы, он ждет правды. Я никогда не унижу своего читателя ложью. Мой читатель знает, что я писал иногда лучше, иногда хуже, но, говоря словами Твардовского: «...случалось, врал для смеху, никогда не лгал для лжи...»

... Кому это нужно? Стране? Государству? Народу? Не слишком ли щедро разбрасываемся мы людьми, которыми должны бы гордиться? Стали достоянием чужих культур художник Шагал, композитор Стравинский, авиаконструктор Сикорский, писатель Набоков. С кем же мы останемся? Ведь следователи из КГБ не напишут нам ни книг, ни картин, ни симфоний...»

А поток лился и лился...

К. Беляев, «Истоки злобной кампании», «За рубежом», 18-24. I. 74:

«...Солженицын — лишь эпизод в нынешней антисоветской кампании. Подлинные ее корни гораз-

до глубже. Советский Союз завоевывает всё больший авторитет на нашей планете как государство подлинно освобожденного труда, как могучий оплот мира на земле и прогресса всего человечества».

«Осуждение предательства», «Правда», 25. I. 74:

Р. Гамзатов: «...за раздраженностью Солженицына кроется злоба и ненависть, что в литературу он пришел с давней наследственной враждой к нашему обществу, к строю, народу, государству. Последними своими злобными писаниями он превзошел самого себя. Лучшие сыны нашей страны всегда подчиняли и подчиняют свой талант, свои мысли Родине, народу... Жить на земле, пропитанной кровью и потом многих поколений своего народа, и смешать с грязью его прошлое, настоящее и будущее — это уж слишком».

И. Гайниев «А. Солженицын оклеветал в своих сочинениях советский образ жизни, подлинно гуманный советский строй... Наша жизнь прекрасна и содержательна, светла и многогранна».

М. Кузьминов: «Различные радиоголоса на Западе, захлебываясь, смакуют очередной пасквиль А. Солженицына. Описывать жизнь в лагерях — это не столь уж ново».

«Всеобщее презрение», «Советская культура», 25. I. 74:

С. Туликов: «Все мы, деятели искусства, воодушевлены стремлением отразить в художественных образах величие, красоту нашей действительности...».

Б. Канцеров: «Известны случаи, когда человек, совершивший ошибку перед своей Родиной, перед народом, потом был благодарен нашему обществу за возможность искупить свою вину...».

«Позор и презрение», «Вечерняя Москва», 25. I. 74:

Н. Афанасьев: «Солженицын дошел до такой низости, что оправдывает гитлеровских палачей, пишет, что фашисты, затопившие Европу кровью, были «милостивы» и «снисходительны»... Клеветник Солженицын имеет наглость утверждать, что великую битву под Сталинградом выиграли якобы штрафные батальоны. Чудовищная ложь! Защищая город-герой на Волге, тысячи советских воинов отдали свои жизни».

П. Железнов, «Власовец от литературы»: «Те, кто был на фронте, подтвердят, что к пленным фашистам наши бойцы относились терпимей, чем к власовцам. При мне попавший в плен власовец в фашистском обмундировании орал: «Братцы, я же ваш, рязанский». Один из наших солдат крикнул: «Не позорь Рязань, гад!»

Я со стыдом вспоминаю, как при освоении (то есть, разграбе) бобруйского котла я шел по шоссе среди разбитых и поваленных немецких автомашин, рассыпанной трофейной роскоши, — и из низинки, где погрязли утопленные повозки и машины, потерянно бродили немецкие битюги и дымились костры из трофеев же, услышал вопль о помощи: „Господин капитан! Господин капитан!“ Это чисто по-русски кричал мне о защите пеший в немецких брюках, выше пояса нагой, уже весь искровавленный — на лице, груди, плечах, спине, — а сержант-особист, сидя на лошади, погонял его перед собою кнутом и наседанием лошади. Он полосовал его по голому телу кнутом, не давая оборачиваться, не давая звать на помощь, гнал его и бил, вызывая из кожи новые красные ссадины.

Это была не пуническая, не греко-персидская война! Всякий, имеющий власть, офицер любой армии на земле должен был остановить бессудное истязание. Любой — да, а — нашей?.. При лютости и абсолютности нашего разделения человечества? (Если *не с нами, не наш* и т. д. — то

достоин только презрения и уничтожения.) Так вот, я СТРУСИЛ защищать власовца перед особистом, я НИЧЕГО НЕ СКАЗАЛ И НЕ СДЕЛАЛ, Я ПРОШЕЛ МИМО, КАК БЫ НЕ СЛЫША — чтоб эта признанная всеми чума не перекинулась на меня (а вдруг этот власовец какой-нибудь сверхзлодей?... а вдруг особист обо мне подумает...? а вдруг..?) Да проще того, кто знает обстановку — тогда в армии — стал ли бы еще этот особист слушать армейского капитана?

И со зверским лицом особист продолжал стегать и гнать беззащитного человека как скотину.

„Архипелаг ГУЛаг“, стр. 261-262

Г. Заиков: «Солженицын обеляет власовцев, возводит поклеп на героев Отечественной войны. Это же верх цинизма! А сам «писатель» разъезжает в трех автомобилях, живет на фешенебельной даче, имеет своего представителя в швейцарских банках».

А. Горев, «Одно слово: предатель!»

А. Иванов, «Докатился до края», «Комсомольская правда», 25. I. 74:

«Вы только подумайте, дорогие читатели! По Солженицыну получается, что незабвенный Николай Романов и все прочие до него цари и царицы были добросердечными отцами и матерями народов. Душителю и палачу революции Колчак, Деникин, Врангель и пр. и пр. были патриотами земли российской. Эсесовские душегубки, газовые камеры, все эти освенцимы, бухенвальды, равенсбрюки и прочие бесчисленные лагеря смерти, избретенные фашизмом и его главарем Гитлером, — это человеколюбие и гуманность...».

В самый разгар газетной травли раздались голоса, не предусмотренные дирижерами газетного хора:

Я хочу, чтобы в эти тревожные дни, когда идет беда в жизнь и в дом писателя А. И. Солженицына, прозвучал голос человека неизменного — голос благодарности и поддержки.

В нашей стране мало людей, которые могут открыто высказывать свои взгляды, не опасаясь преследований, а таких, как я, очень много, и нам есть что сказать, но мы молчим.

Для меня А. И. Солженицын не просто писатель; наверное, в России и не было никогда «просто писателей», а были духовники и учителя народа и русской жизни. К ним я причисляю и А. И. Солженицына. Этот человек вершит великий моральный подвиг, один искупает неправду нашей жизни; со всех сторон его хулят за это, поносят, грозят расправой.

И неужели мы смолчим? Неужели не скажем слово привет и благодарности сейчас, когда наступает, может быть, главная минута в жизни каждого из нас.

Нет, не будем молчать. Пусть Александр Исаевич Солженицын знает, что в эти дни на него обращены открытые людские взоры, которые горят признательностью, жаждут истины и требуют справедливости.

23 января 1974 г.

Борис Михайлов

ПУТЬ СОВЕСТИ

— Этого Солженицына судить надо, — сказал мне знакомый, показав газету.

— За что?

— Там всё написано. Предателей все презируют. И нечего меня переубеждать — в н а ш и х газетах неправды не напишут...

И я прочел эту правду: «предательство», «циничная фальсификация», «злонамеренная выдумка», «провокатор и подстрекатель», «матерый деляга», «юродствующий во Христе», «мерзость и ничтожество»... Подобных выражений я насчитал более семидесяти на шести коротеньких столбцах. Между ними попадались какие-то невнятные фразы о том, что Солженицын восхваляет гитлеровцев, воспекает власовцев, глумится над героическими жертвами нашего народа, понесенными им в войне, и утверждалось, что

всем этим Солженицын хотел понравиться западному читателю. Что же это за книга — «Архипелаг ГУЛаг» — о ч е м о н а ? о войне? написана ли она стихами или прозой, каков ее план, есть ли какая-то последовательность мысли в ней? (Кто понял, что — о тюрьмах и лагерях?) Где-то вскользь промелькнуло, что книга эта «замаскирована под документальность». Тут бы, кажется, автору «Правды» и документы в руки. Но нет. Опять всё то же: «со-стряпанная в угуду...» и т. д.

Как же произошло, что мой знакомый, человек, я знаю, незлобивый, — так вот сразу решил, что надо судить. И не показалось ему странным, что в той же статье толкуется о «Пире победителей», пьесе Солженицына, которая, как тут же сказано, автором не публиковалась. Как же она стала известна в «Правде»? Выкрали ее, что ли, из авторского стола?

Вотра вот таким же точно статьям, требовали когда-то расстрела.

Почему Солженицын — предатель? Кого он предал? Какие выдал секреты? Чьи секреты? От кого? Почему умалчивание о зле совпадает с нашим нравственным долгом? Говорят, что он предал дело социализма. Но означает ли это, что преступления, о которых он заговорил — неотъемлемая часть социализма? И кто взял с нас обязательство молчать о фальшивых и нелепых обвинениях, стоивших людям жизни, о вымогаемых признаниях в несовершенных преступлениях, о пытках, о смертях сотен, тысяч, десятков тысяч от голода, холода и нечеловеческих условий? Или об этом уже все сказано и нечего беречь прошлое? Пусть укажут хоть одно исследование, хоть одну книгу, в которых обо всем этом было полно рассказано.

Такая книга должна была появиться, и вот она появилась. Большой русский писатель сделал то, что неоплатным долгом лежало на всей нашей литературе и истории. Он стал голосом народной совести. Услышим ли мы его сегодня? Захотим ли услышать? Отрава прошлых насилий, судебных инсценировок, доносов, страха и молчания продолжает разъедать и нашу теперешнюю жизнь. Разве вой глушилок, бдительная цензура и травля вольного гласа — не продолжение того же? Не тем же ли ядом пропитаны сегодня закрытые судебные процессы, упрятывание здоровых людей в сумасшедшие дома? Не тем же ли страхом правды подстегивалась охота за «Хроникой текущих событий» и только за

то, что она свидетельствовала о новых обысках, новых арестах и новых заключенных?

«Архипелаг» — великое свидетельство, но не только. Это путь к искуплению и очищению. Теперь уже ясно: правда, дозированная сотыми долями, чтобы помягче, побезопаснее и безболезненнее, — не излечивает, а консервирует жестокость и равнодушие. Теперь, когда правда сказана в полный голос, — от нас, от всех, от каждого зависит наш **н р а в с т в е н н ы й** **в ы б о р**: будем ли мы продолжать лгать, когда ложь уже очевидна, или найдем в себе мужество принять всю правду и жить по ней. Этот выбор не означает ни гражданского неповиновения, ни политических выступлений. Речь идет о восстановлении нравственных основ, без которых немыслимо никакое человеческое общежитие. Солженицын не призывает мстить. Его книга, книга христианина, подводит нас к подлинному пониманию и к конечному прощению. На наших плечах лежит бремя исторической ответственности. Нельзя более уклоняться и ждать: история может не предоставить нам другого подобного случая.

Люди едины в правде. Насилие везде остается насилием. Приклеивать политические ярлыки к свидетельствам о жертвах — нравственное преступление во всех концах земли. Поэтому проявление человечности, солидарности, сострадания никогда не сможет стать помехой для подлинного мира и сотрудничества народов.

Нет, не Солженицына нужно сейчас судить, а самих себя — судом совести.

28 января 1974 г.

Москва, Ярославское ш.,
д. III, корп. 2, кв. 283

Евгений Барабанов

Дни гонений на А. И. Солженицына грозят обернуться новым позором для русской интеллигенции.

«Распни его» — требует руководящий орган. «Распни, распни» — вторят газеты помельче. «Распни, распни, распни» — послушным эхом подхватывают нечитавшие «читатели».

«Власовец, контрреволюционер, миллионер, нравственное чудовище» — всё это рассчитано (в который раз!) на оглушение,

оглупление, озлобление народа. Подстрекатели надеются, что их лживый хор, поддержанный «глушилками», сможет исказить правду. Правду о страшной лагерной судьбе наших отцов, матерей, дедов, которую всему миру рассказал А. И. Солженицын в своей последней книге.

Но вы, Товстоногов, Симонов, Гамзатов и кто еще! Вы-то знаете, не можете не знать, на чьей стороне ПРАВДА. Вы ведаете, что творите, когда вплетаете ваши голоса в улюлюканье и завыванья наемных распинателей. Ведаете — и предпочитаете опасной правде уютную ложь.

Так оставайтесь при ней, если стыд не обжигает вам лиц. Но остерегитесь растлевать ею души соотечественников. Сегодня в их глазах вы еще — литературные иерархи, завтра — литературные убийцы.

А мы, молчаливое интеллигентное большинство! Мы тайно зачитываемся книгами писателя, держим его портреты на книжных полках. Но сейчас, когда уже не литературные, а настоящие убийцы бродят вокруг его дома и засыпают его грязными угрозами — что мы делаем? Мы с жадным любопытством ЖДЕМ РАЗВЯЗКИ. «Бог не выдаст, свинья не съест» — не так ли? Мы умываем руки — и надеемся сохранить их чистыми?

Но в России, для которой жертвует собою Солженицын, еще достаточно благодарных сердец, которые скорее предпочтут разделить его судьбу, чем оставаться соучастниками в заговоре рабьего молчания.

30 января 1974 г.
Москва

Вадим Борисов, историк

СОВЕСТНО...

Сквозь вой и писк глушилок слушаю по радио новую книгу Александра Исаевича Солженицына «Архипелаг ГУЛаг». Читаю всякий невнятный вздор о ней в газетах. И мне совестно. Совестно не за тех, кто по каким-то своим корыстным соображениям взялся закричать руганью ужасную правду: в конце концов, что же еще им делать? И не за тех, кто своим молчаньем невольно попуститель-

ствуем травле писателя и внутренне смирился с любой расправой над ним, на какую решится начальство: они либо дурно информированы, либо напуганы, либо повязаны страхом потерять работу, положение — всё, что имеют.

Мне совестно, — как это только и может быть, — перед самим собой, за себя, в тишине собственной души. Кажется, нельзя жить попрежнему, услышав эти прожигающие слова, нельзя воспользоваться ими для обличения прямых виновников и только. Но мы это делаем. И вот от этого совестно.

Близоруко, если не подло, придавать этой книге узко политический смысл. «Архипелаг ГУЛag» потрясает читателя обилием и концентрацией разоблачающих свидетельств, но это только первый и еще слишком поверхностный эффект. Пройдет немного времени, и всё рассказанное там станет достоянием всеобщей осведомленности. С этим, хочешь-не хочешь, но придется жить. И вот тогда выступит непреходящее значение этой книги — её очистительная сила.

«Архипелаг ГУЛag» — книга жесткая, гневная, но добрая. Солженицын не нагнетает слепую ненависть, готовую лишь карать и казнить. Нет, он побуждает нас оборотиться на самих себя, будит в нас задремавшую совесть, напоминает о нашей ответственности за зло, творимое вокруг. Он вернул нам великую нравственную силу русской литературы, ею высветил равнодушие и жестокость, в которых мы погрязли.

«Есть, есть Божий суд» — сказано в стихах Лермонтова, знакомых каждому из нас с детства. Но нас уверили, будто это всего лишь поэтический троп, вышедшее из моды словоупотребление. Солженицын утвердил своей книгой, что Божий суд, действительно, есть.

Со школы мы знали, что слова Достоевского о «слезе ребенка», которая так же дорога, как всё счастье мира, — имеют цену только для обвинения помещиков и капиталистов. Мы смотрели с чувством снисходительного превосходства на мораль Толстого, твердо, кажется, зная, что убийство и насилие не всегда и не безусловно скверны, что хорошо, будто бы, когда мы убиваем, но плохо, когда убивают н а с и н а ш и х. Мы так заблудились в этих ухищрениях своей партийной морали, что в конце концов принялись без разбору истязать и наших, и не наших, и

своих, и чужих — всех, кто подвернется под горячую руку. Мы потеряли всякое представление об абсолютной ценности человеческой жизни и свободы. И вот Солженицын показал последствия утраты людьми самых первичных, самых изначальных нравственных опор и тормозов. «Каин, где твой брат Авель?» — таков вопрос, вставший сегодня перед всеми нами.

И поэтому глупо спорить, было ли прежде рассказано то, что обнажилось перед миром талантом Солженицына. И не могло быть рассказано теми, кто и сейчас еще заходится от ярости перед правдой «Архипелага ГУЛага». И не могло быть рассказано потому, что не испытывали те рассказчики трагического потрясения. Если бы все смотрели на вещи глазами Солженицына, то и не натворили бы ужасов и мерзостей, и не было бы нужды их разоблачать.

Тайна и авторитет, — как в «Великом инквизиторе» Достоевского, — заместили совесть. Показалось, что достаточно скрывать свои деяния от постороннего взгляда, чтобы спокойно жить, чтобы комфортабельно обставлять свои квартиры, ласкать женщин и производить потомство, чтобы и глазом не сморгнув, сыпать фразами про гуманизм и счастье всего человечества. Одни скрывали, а другие потворствовали этому сокрытию, так как правда лишала покоя. И приносились, и приносятся новые жертвы, чтобы убрать неугомонных свидетелей. Но вот силой духа, силой таланта зазвучали придушенные крики истязаемых, и коснулся нашего обоняния запах трупов, едва заброшенных землей.

Простоте и весомости слова противостоит грубая и неповоротливая машина насилия. «Архипелаг ГУЛаг» — это безраздельная победа слова. Она возвращает нам, разуверившимся, веру в добро и надежду.

Поэтому не шумихой, не скандалом, не препирательствами хотелось бы ее встретить, а сосредоточенностью и молчанием. Надо бы смиренно склонить головы перед этим монументом, увековечившим, наконец, память о жертвах разнуздавшегося произвола.

3 февраля 1974 г.
Москва

Борис Шрагин
кандидат философских наук

ПРОРЫВ НЕМОТЫ

Я полагаю, что выход в свет в 1973 г. новой книги Солженицына «Архипелаг ГУЛаг» — событие огромное. По неизмеримости последствий, его можно сопоставить только с событием 1953 года — смертью Сталина.

В наших газетах Солженицына объявили предателем.

Он в самом деле п р е д а л — не родину, разумеется, за которую он честно сражался, и не народ, которому приносит честь своим творчеством и своею жизнью, а Государственное Управление Лагерьей — ГУЛаг — п р е д а л г л а с н о с т и историю гибели миллионов, рассказал с конкретными фактами, свидетельствами и биографиями в руках историю, которую обязан знать каждому, но которую власть по непостижимым причинам изо всех сил пытается п р е д а т ь з а б в е н и ю .

Кто же предательствует?

XX съезд партии приоткрыл над штабелями трупов окровавленный край рогожи. Уже одно это спасло в пятидесятые годы от гибели миллионы живых, полумертвых и тех, в ком теплилась жизнь еще на один вздох. Хвала XX съезду. XXII вынес решение поставить погибшим памятник. Но напротив, через недолгие годы, злодеяния, совершившиеся в нашей стране в еще никогда не виданных историей масштабах, начали усердно выкорчевывать из памяти народа. Погибли миллионы людей, погибли все на один лад, но каждый был ведь не мухой, а человеком — человеком своей особой судьбы, своей особой гибели. «Реабилитирован посмертно». «Последствия культа личности Сталина». А что сделалось с личностью, — не с тою, окруженною культом, а той — каждой — от которой осталась одна лишь справка о посмертной реабилитации? Куда она делась и где похоронена — личность? Что случилось с человеком, что он пережил, начиная от минуты, когда его вывели из дому — и кончая минутой, когда он возвратился к родным в виде справки?

Что стоит за словами «реабилитирован посмертно» — какая жизнь, какая казнь? Приблизительно с 1965 года об этом приказано было молчать.

Солженицын — человек-предание, человек-легенда — снова прорвал блокаду немоты; вернул совершившемуся — реальность,

множеству жертв и судеб — имя, и главное — событиям их истинный вес и поучительный смысл.

Мы заново узнали, — слышим, видим, что это было такое: обыск, арест, допрос, тюрьма, пересылка, этап, лагерь. Голод, побои, труд, труп.

«Архипелаг ГУЛag».

4 февраля 1974 г. Москва

Лидия Чуковская

Одни говорили громко, «граду и миру», другие — писали в газеты или в официальные инстанции; одни о Солженицыне, другие — о своих проблемах, вызванных к жизни газетной кампанией.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В ГАЗЕТУ «ПРАВДА»

В своей статье в «Правде» от 14 января 1974 г. И. Соловьев ругает и всячески оскорбляет писателя А. И. Солженицына.

Ругать — дело нехитрое, и таланта на это не требуется. А чтобы критиковать напечатанные за границей произведения, так нужно их знать не только критикующему, но и читающему эту критику.

К сожалению, не только мы, читающие «Правду», не знаем произведений Солженицына, но не чувствуется, чтобы их знал и Соловьев.

Бездоказательная ругань никого не может убедить, а у Соловьева одна сплошная ругань и оскорбления в адрес Солженицына. Соловьев пишет, что еще в «Круге первом» Солженицын — воинствующий реакционер, отвергающий социалистические завоевания. Тогда пусть Соловьев объяснит, почему же Твардовский и редколлегия «Нового мира» подписала «В круге первом» к изданию? Может, и Твардовский против советского строя, против нашего народа?

Соловьев не приводит ни одного абзаца, ни одной цитаты из ругаемых книг.

Обвиняет Солженицына, что он печатает свои произведения за границей. Да разве это вина Солженицына? Это его беда. Он все написанные произведения посылает в наши редакции, но вы боитесь дать народу читать «антисоциалистические» книги Солженицына. Почему вы такого плохого мнения о русском народе? Почему вы думаете, что народ не поймет, что хорошо, а что плохо? Не отличит ложь от правды?

Создается впечатление, что у Солженицына слишком много неприглядной правды о нашей действительности, и этого-то вы и боитесь.

Соловьев пишет, что в нашей стране издан ряд произведений, содержащих критику и недостатки прошлого. Нужно было назвать одну-две. Я довольно много читаю, но и книги и газеты все только восхваляют власть имущих, и они до того уверовали в свою безгрешность, что действительно считают себя святыми.

Поэтому простой народ не может добиться элементарной законности, самых же настойчивых из недовольных, кто упорно добивается истины, и из Приемной Президиума Верховного Совета, и из ЦК отправляют в сумасшедший дом. Нет, не инакомыслящих, а просто настойчивых, чтобы не жаловались; ведь у нас такая «забота» о людях.

И ни один журналист, ни один писатель не напишет про это: просто ответит, как Михалков, «я этому не верю», а у него, между прочим, есть все возможности проверить. Но зачем ему это? За это не дадут премии, будут ругать, как Солженицына, и деток не выведешь в лауреаты.

Не трудно быть храбрым, как Соловьев, когда знаешь, что за твою оскорбительную статью никто не привлечет тебя к суду, не набьют морды, наоборот, как Кукольник, три дела совершишь.

Ругань еще никого не убеждала, а вот если наши верхи так сердятся на Солженицына, значит, правда глаза колет. Если это бездарные антисоветские книги, напечатайте их у нас, как предлагают вам даже коммунистические партии Франции, Италии и других стран, — разберемся без Соловьева.

В России еще много людей, испытавших на своей шкуре то, о чем пишет Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ»: вот и они пусть судят, правда это или ложь.

Или вы боитесь, что, прочтя, люди скажут спасибо Солженищину, что не побоялся написать правду?

Вы всячески хвалите Солженищину, ну а чем же вы объясните, что такие талантливейшие и честнейшие люди, как Чуковский, Паустовский, Твардовский были друзьями Солженищина и высоко ценили его талант, а они читали и «В круге первом» и «Раковый корпус».

Такими статьями вы достигаете обратного, люди начинают сочувствовать Солженищину.

Меня интересует другое: как могло случиться, что за 50 лет писатели так измелчали. Раньше на 100 писателей, критикующих недостатки правительства, приходился один Греч или Булгарин. А ныне на 100 курящих фирмам власть имущим едва ли один осмелится написать — «когда румяный комсомольский вождь на нас, поэтов, кулаком грохочет и души мнет руками, точно воск, и вылепить свое подобье хочет...» — и то после 2-3 вызовов в ЦК или КГБ остепенится.

Ваша ругань достигает лишь того, что многие Солженищину считают героем, а если молчат, так ведь боятся. Да, надо быть очень храбрым и убежденным человеком, чтобы оставаться в стране, где тебя ненавидят власть имущие.

Где ваша совесть и человеческое достоинство, русские писатели? Что бы с вами сделали, если б вы поступали, как Твардовский и Чуковский? Чего же удивляться на беспричинные преступления молодежи: вы убили в них веру, они видят одно шкурничество, ложь, лицемерие. Смотрите, у вас ведь тоже есть дети! Представьте, что они будут не в отцов и спросят с вас, как могли вы променять свое человеческое достоинство из-за холуйства перед власть имущими?

Как могло случиться, что даже академики, без которых все правители просто нули, и они в угоду ЦК и КГБ опорочили своего собрата, хотя многие из них знают лично академика Сахарова, знают, что он не только талантливее их многих, но главное — честнее, добрее и порядочнее. И на всю травлю такого человека один Солженищин, как Золя, поднял голос в его защиту.

Вы ежедневно пишете в газетах, что простой народ осуждает Солженищину за его произведения. Лжете: у нас не только простой народ не может напечатать то, что он думает, а даже такие известные лица, как Л. К. Чуковская, Ростропович не могут напеча-

тать свое мнение в наших газетах, а напечатав за рубежом, тоже подвергаются гонениям.

Чтобы не быть голословной, подобно Соловьеву, приведу два примера нашей «демократии и справедливости».

В Перовской железнодорожной поликлинике работает врач-невропатолог Л. А. Петрова. Ей 34 года, она одинока, живет со старухой-матерью 70-ти лет. В 1972 г., эту Петрову силой увезли прямо из поликлиники в сумасшедший дом. Сделали это после приёма, во время которого Петрова приняла 32 человека, и никто из них не заметил, что врач не такая, как всегда. Не заметили этого и коллеги-врачи. Несмотря на протест врачей Шепетильниковой, Ливановой и других, три здоровых санитаря силой связали Петрову — при этом били ее головой о стену — и увезли. И держали 5 месяцев в сумасшедшем доме. Все это лишь потому было сделано, что Петрова несколько раз отказалась выдать бюллетени здоровым людям (но знакомым главврача). За несговорчивость главврач предложил ей уйти с работы по собственному желанию. Петрова не согласилась, так как она работала в поликлинике 10 лет, и больные ее очень ценили.

После того как Петрову увезли в сумасшедший дом, рабочие Перовского завода стали ходить и хлопотать за Петрову, но их долго не хотели слушать и не пускали на свидание с Петровой, вопреки всяким правилам. И только когда рабочие собрали 2000 подписей, требующих выпустить Петрову, ее выпустили.

Но если здорового человека держали ни за что 5 месяцев в сумасшедшем доме, то кого-то — да не одного — надо судить, а они все начальство с партбилетами. Решили пойти на компромисс: Петрову восстановили на работе, где она работает до сих пор, оплатили время пребывания в больнице, но чтоб не судить подлещов, ее все же признали шизофреником и дали III-ю группу инвалидности. Рабочие завода и пенсионеры протестовали против этого. Писали академику Снежневскому с просьбой проверить Петрову, так как у нее не только ни разу не наблюдалось никаких отклонений от нормы, но наоборот, она очень чутка, спокойна, добра, никого в роду у нее не было больных. Но Снежневский проверяет только по указу, а наша доблестная пресса — начиная от «Правды», кончая «Гулком» — отказалась напечатать этот возмутительный случай. Пять раз рабочие подавали в суд Волгоградского р-на

Москвы, но суд так и не состоялся. А ведь Петрова — не инакомыслящая, так что же говорить о тех!?

Второй случай. 22 ноября 1973 г. я пошла на прием в приемную Президиума Верховного Совета РСФСР. Так как референты никакой помощи нам, просящим, не оказывают, я стала просить, чтобы меня допустили на прием к кому-нибудь из заместителей Яснова. Дурицына, принимавшая меня в комнате № 10, велела подождать мне в коридоре. Через час меня вызвали к ней в комнату, три здоровых мужика схватили меня — из комнаты № 10 есть дверь во двор — вытолкнули меня в эту дверь, посадили в машину и отвезли в 13-ю психиатрическую больницу.

Отправляя меня, Дурицына знала, что дома у меня остался парализованный муж — инвалид I-й группы, перенесший два инфаркта. Она знала, что муж, не дождавшись меня и неоповещенный, где я, мог умереть. К счастью, он выжил, но он был брошен без ухода на семь дней.

Муж проработал 40 лет по изысканиям железных дорог. 17 лет работал на БАМе с заключенными, о которых пишет Солженицын. Он работал инженером и то нажил два инфаркта. Каково же было заключенным?

Врачам больницы № 13 было очень неловко: в лечении я не нуждалась, дома муж — инвалид I группы, а начальство требует держать меня в сумасшедшем доме, так как я жалуюсь на беззакония районных властей. Вот такова гуманность и справедливость, гр-н Соловьев, Советской власти.

Впрочем, я давно сомневаюсь, советская ли она у нас. После Ленина у власти были Троцкий и Рыков, потом их признали врагами народа. Потом 30 лет правил Сталин, его осудили, но врагом назван лишь Берия. Сталина не осмелились, потому что нужно было назвать многих.

Сейчас не вижу разницы в правлении со сталинской эпохой, ну, а колы у власти все время враги народа, как же она может быть народной, то есть советской?

Вы пишете, что Солженицына порицают за его произведения не только у нас, но и за рубежом? А кто там порицает? Члены ЦК коммунистических партий — так они же ваши вассалы. Г. Холлу хочется сказать, перефразируя Есенина: — «нет, Г. Холл, русских ты не удивил, своим пером ты не дерзнул нисколько. Был Кукольник, Булгарин был, был Берия и Сталин был, тебя России не хватало».

Насчет трех машин и дачи не знаю, но Соловьев забыл, как долго скитался Солженицын по чужим дачам. Деньги у Солженицына, конечно, есть: ему ведь оставили в наследство Чуковский и Паустовский, да получил Нобелевскую премию.

Может Соловьев ответит, почему такие талантливые и исключительной честности люди, как Чуковский, Паустовский, Твардовский и им подобные глубоко ценили и уважали Солженицына.

Мне 62 года, я простая домохозяйка, «справедливости» советской власти испытала досыта. Знаю, что и мое письмо, как и многие другие, вы не напечатаете, — авось, кто-нибудь напечатает. Так хочется сказать вам от имени простых людей: правды не убьете и в сумасшедших домах не задушите. Ведь если протестуют Литвиновы, Красиные и другие — не всё еще потеряно.

Москва Ж-456, ул. Паперника 15, кв. 61

Гусякова

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В ЦК КПСС

по поводу нарушений законности в Советском Союзе

14 января 1974 г. в «Правде» была напечатана статья некоего И. Соловьева «Путь предательства» о книге А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Мы, бывшие политзаключенные, хотим высказаться по поводу следующего утверждения «Правды»:

«Коммунистическая партия Советского Союза открыто подвергла бескомпромиссной критике связанные с культом личности нарушения законности, полностью восстановила ленинские принципы и нормы жизни в партии и в обществе, обеспечила дальнейшее развитие социалистической демократии».

Очевидно, «Правда» имеет в виду, что в данный исторический период в Советском Союзе нет массовых репрессий, под знаком которых проходили 20-е, 30-е — 40-е годы. Однако у советского гражданина до сих пор нет чувства безопасности. Соблюдение закона не гарантирует от политического обвинения. Возможно, в от-

личие от прежнего периода такое состояние общества есть результат ведомственной политики КГБ, которое таким способом оправдывает существование своего громоздкого и дорогостоящего аппарата. Не только Декларация прав человека, не только Конституция СССР, но даже утвержденное Верховным Советом законодательство не является руководством к действию в системе КГБ и МВД. Посторонний наблюдатель не знает о секретных инструкциях и приказах. Именно они определяют всю внутреннюю деятельность этих ведомств. Например, секретный приказ № 20 (МВД, 1972 г.) перечеркнул Кодекс об исправительно-трудовых учреждениях 1969 г. Человек, попавший в жернова КГБ-МВД, на собственной шкуре, нередко — ценою жизни познает, как конкретно восстановлена «социалистическая законность».

Мы, нижеподписавшиеся, в недавнем прошлом отбывали наказание по политическим статьям, в частности по ст. 70 УК РСФСР (Антисоветская агитация и пропаганда). Во всех наших делах имеют место очевидные и яркие факты нарушения законов. И весь этот произвол КГБ имел место ПОСЛЕ 1956 года, т. е. после осуждения культа личности. Мы были не только жертвами его, но и свидетелями бесстыдной лжи первого секретаря Н. Хрущева об отсутствии в СССР политзаключенных. Над нами измывались и приговаривали: «в а с н е т».

В статье «Путь предательства» также говорится: «Он (Солженицын) тшится доказать, будто нарушения законности были не отступлением от норм социалистического общества, а вытекали из самой природы социалистического общества».

Мы готовы поверить, что социализм и законность совместимы. Но докажите нам, что произвол в отношении нас — несколько случайных ошибок.

Мы требуем ПЕРЕСМОТРА наших дел путем открытого гласного судебного разбирательства.

Прилагаем к этому обращению данные о наших судебных делах.

12 февраля 1974 г.

В. В. Зайцев, И. В. Овчинников,
В. Н. Осипов, В. А. Репников,
В. С. Родионов

Понимая, что газетных полос с «гневом народа» и «отпором литературному власовцу» недостаточно для создания иллюзии «всеобщего презрения» (ведь всякому ясно, что большинство подписавших письма в газеты книги Солженицына в глаза не видели), авторы сценария с самого начала первостепенную роль отводили голосам с Запада. Если, однако, не считать мнений некоторых компартий (приводимых, впрочем, в весьма сжатой форме), то судя по советской прессе подобным материалом редакционные портфели далеко не изобиловали. На это указывает хотя бы тот курьезный факт, что советские газеты трижды удостоили вниманием мнение жителя Нью-Йорка Э. де Сантоло об А. И. Солженицыне (другого такого жителя, видимо, не нашлось?). Поэтому, вероятно, сущим подарком было для них письмо «известного американского писателя и публициста» А. Кана. Адресованное в газету «Нью-Йорк Таймс», оно не появилось в ней. Редакция, по утверждению А. Кана, отказалась его напечатать. «Это, несомненно, самая настоящая цензура», — заявил он корреспонденту ТАСС. Однако, как сообщил представитель газеты «Нью-Йорк Таймс», А. Кан сам отказался от публикации этого письма и забрал его текст из редакции.

24 января «Правда» и «Советская Россия» поместили изложение письма А. Кана. На следующий день в «Советской культуре» под названием «Контрреволюционер? Да» появился его перевод. В этом документе обращает на себя внимание своеобразие полемических приемов. Критика Солженицына Каном строится преимущественно по принципу: о чем не сказал автор. Так, например, Солженицын обвиняется в том, что «на 550 стр. издания «Ракового корпуса» он буквально ни одним словом не обмолвился о том, что медицинское обслуживание в Советском Союзе совершенно бесплатно», или же что он «ничего не говорит... о тех силах на Западе, которые способствовали возвышению Гитлера». (!) Есть здесь и прямая ложь: «Солженицын считает капитализм более высокой формой общественного развития, чем социализм». Предлагаем читателю оценить также логические возможности А. Кана, который серьезно пишет: «Обвиняя советские власти в постоянной слежке за русскими, он (Солженицын), видимо, забывает о том, как шпионят за американ-

цами агенты ФБР, ЦРУ, Пентагона и других разведывательных служб».

Впрочем, видимо у зарубежных «прогрессивных» критиков Солженицына есть свои стандарты. Целые абзацы статьи С. Лейрака в «Юманите» (изложенной в корреспонденции ТАСС из Парижа 24 января) так и просятся в статью Кана:

«Это не исторический труд. Это даже пример антиистории. Из достижений социализма Солженицын игнорирует ликвидацию эксплуатации человека человеком, ликвидацию неграмотности, безработицы, экономических кризисов и многого другого, украшающего наше капиталистическое общество. Ради этого он сознательно умалчивает о некоторых обстоятельствах, о фактах.

Если верить Солженицыну, то следует отметить знаменательный факт: не было никакой гражданской войны, развязанной имущими классами, не было никакой вооруженной интервенции 14 иностранных государств. Таким образом во всех руинах, нищете и разрушениях, которые явились результатом этого, виноваты большевики и только они одни. СССР не был окружен санитарным кордоном, ему никогда не приходилось опасаться войны или столкнуться с атомным шантажом на следующей же день после окончания второй мировой войны, во время которой он дорого заплатил за свободу всех. Все это вычеркнуто из истории».

«Я искренне удивлен тем, что последняя книга Солженицына вызвала такой интерес на Западе» — восклицает Альберт Кан. Нам, к сожалению, не удалось выяснить, какое он испытал чувство, прочитав следующее письмо из Москвы по поводу своего выступления в советской прессе:

ОБРАЩЕНИЕ К АМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

(Письмо в «Нью-Йорк Таймс»)

Я не собирался писать это письмо. Но произошло событие, которое сделало это для меня нравственной необходимостью. В газете «Советская культура» за 25 января была помещена исключительная по своей лживости и лицемерию статья вашего соотечественника А. Кана против Солженицына. Редакция газеты назвала А. Кана «известным американским писателем и публицистом». Я стал напряженно припоминать это имя. Вначале оно пробуждало во мне очень неприятные, но неопределенные ассоциации. Я обратился за справкой в советскую «Литературную энциклопедию» и нашел там это имя. Там сказано, что Альберт Юджин Кан (р. 1912) — американский публицист, автор многих книг, в т. ч. «Заговор против мира», где он изобличил гитлеровскую военщину: «Тайная война против Америки», где он вскрыл подрывной характер немецкой «пятой колонны» в США; «Измена родине», где он осудил преследование прогрессивных деятелей в США; «Время решений», где он призывает к миру; и, наконец, «Дни с Улановой». Все эти книги немедленно переводились на русский язык, начиная с 1945 г.

Но эта справка не рассеяла все же странного ощущения чего-то недосказанного. Что-то неясное и очень неприятное оставалось в моем сознании. И вдруг я вспомнил... Да не тот ли это самый Кан, который вместе с неким М. Сейерсом был автором одного из главных бестселлеров послевоенной России, носившего название «Тайная война против Советской России»? Я вспомнил, как, будучи подростком, я с отвращением держал эту книгу, где передавались все чудовищные измышления, которые были почерпнуты авторами из официальных советских отчетов о публичных процессах в период кровавых чисток, начиная с конца 20-х гг.

Я, сын американского социалиста и одного из организаторов компартии США, приехавшего искать правду в России в 1917 г. и занявшего тут высокий пост, а затем арестованного в 38 г., знал правду о массовом терроре с детства. Я знал о том, что миллионы людей были арестованы, расстреляны, сосланы, оклеветаны. Я прожил несколько лет с отцом в ссылке и видел сам страдания тысяч людей.

Я понимал страх советских людей перед террором, когда все вынуждены были повторять лживые утверждения пропаганды, но в моей голове не могло тогда уложиться, как люди, живущие в свободной стране и никем не принуждаемые, повторяют эту чудовищную ложь. И тогда без всяких юридических улик я решил про себя, что Сейерс и Кан — люди заведомо нечестные и подкупленные сталинским режимом. Их книги, решил я, громадными тиражами издаются в СССР, им платят здесь огромные деньги только для того, чтобы убедить советских людей, что чудовищная ложь, измышленная режимом, разделяется всем миром.

Таково было мое юношеское впечатление от книги Сейерса и Кана. Меня не очень удивило то, что она не упомянута в «Литературной энциклопедии». Я решил, что она и вовсе изъята из советских библиотек, как это слишком часто бывает в СССР со ставшей нежелательной литературой, подобно тому, как это делалось в известном романе Орвелла. Я всё же отправился в библиотеку и к некоторому удивлению обнаружил книгу Сейерса и Кана на месте и вскоре держал в руках как русский, так и английский экземпляр.

Такого апофеоза сталинизма я уже давно не видывал. Трудно придумать худшее надругательство над десятками миллионов людей, погибших в огромной тюрьме, которую представлял СССР. Авторы в предисловии сообщают, что они не выдумали ни одного факта, что они почерпнули их из официальных документов. Это верно, но они не только заимствовали их без всякой критики, но и добавили туда собственную оценку, связав весь материал так, чтобы тот был более выгодным в пропагандистском отношении. Более того, они явно приспособливали свой материал для советского читателя послевоенного времени, удаляя из него всё, что стало неудобным к тому времени, как, например, имя наркома внутренних дел Ежова, которое до конца 38 г. не сходило со страниц советской печати как имя главного помощника Сталина в чистках.

Смотрите, как лихо они писали о положении СССР в 1934 г., чтобы оправдать в глазах читателя террор. Таких слов нельзя было, пожалуй, найти ни в одном советском документе: «К осени 1934 г. троцкистские и правые террористические группы действовали по всему Советскому Союзу. В состав этих террористических групп входили бывшие эсеры, меньшевики, профессиональные убийцы и бывшие агенты царской охраны. На Украине, и в Белоруссии, в

Грузии и Армении, в Узбекистане, Азербайджане и в Приморской области на Дальнем Востоке в террористический аппарат вербовались фашисты и антисоветски настроенные националисты. Во многих местах операциями этих групп непосредственно руководили нацистские и японские агенты. Был составлен список вождей, которых намечалось убить. Во главе списка стояло имя И. Сталина. Далее следовали имена К. Ворошилова, В. Молотова, С. Кирова, Л. Кагановича, А. Жданова...» (стр. 276-277).

Перечитав это, я пришел к выводу, что мои юношеские впечатления о гг. Кане и Сейерсе были вполне справедливыми и, быть может, даже мягкими. Неудивительно поэтому, что тот же самый животный страх перед разоблачениями Солженицына, охвативший многих высокопоставленных лиц в СССР, охватил и отвратительного лгуна Кана. В бешенстве и вновь не бесплатно он принялся обвинять во лжи Солженицына, снова кощунствуя над памятью десятков миллионов жертв террора.

Полемизировать с Каном бессмысленно. Я хотел бы обратить внимание только на одно место из его статьи, касающееся положения евреев. Кан отрицает утверждение Солженицына о готовившемся массовом погроме евреев. Будучи сам евреем, я слишком хорошо помню события начала 1953 г., последовавшие за арестом врачей. Я хочу заявить, что всё, о чем говорит Солженицын, есть чистая правда, и только смерть Сталина спасла евреев от грозившей беды. Солженицын не первый сказал об этом. Среди многих говорила об этом и дочь Сталина — Аллилуева.

Непонятно лишь, почему погром против евреев и государственный антисемитизм кажутся столь невероятными событиями после того, как в 1943-44 гг. был произведен массовый погром крымских татар, чеченцев, калмыков, балкар и др. национальностей. Их судьбу мог разделить любой народ страны.

Разумеется, Альберты Каны или же Гэссы Холлы, делающие бизнес на страданиях советского народа, — это крайности среди американского народа. Но я бы не обращался к американской интеллигенции, если бы не знал, что в ее среде продолжают еще жить различные иллюзии по отношению к тому, что происходило и происходит в СССР. Во многом и это является следствием ложной информации, распространявшейся за пределами СССР с помощью подставных вроде Кана. Но во многом это следствие полити-

ческой наивности американской интеллигенции, которой трудно представить себе размеры этой лжи. Жертвой этой наивности оказывались и видные американские государственные деятели. Летом 1941 г. посол США в СССР Д. Дэвис писал (цитируется по книге Сейерса и Кана) о массовом терроре в СССР в довоенное время: «Теперь совершенно ясно, что все эти процессы, чистки и ликвидации, которые в свое время казались такими суровыми и так шокировали весь мир, были частью решительного и энергичного усилия сталинского правительства предохранить себя не только от переворота изнутри, но и от нападения извне. Оно основательно взялось за работу по очистке и освобождению страны от изменческих элементов. Все сомнения разрешились в пользу правительства. В России, в 1941 г. не оказалось представителей «пятой колонны» — они были расстреляны. Чистки навели порядок в стране и освободили ее от измены» (стр. 351).

Что может быть кощунственнее и ошибочнее этих слов? Сталинский террор не был направлен против мнимых шпионов и террористов. Он был направлен против всего народа.

Советская пропаганда, а по ее указке и Кан, называет Солженицына контрреволюционером. Да, если считать массовый террор, унесший десятки миллионов жизней, революцией, то он действительно «контрреволюционер».

Я не разделяю убеждений своего отца. Я знаю, что он, способствуя нелегальной организации компартии, нарушал законы США, куда тайно ездил по поручению Ленина. Но я знаю, что мой отец был честным человеком и то, что американские коммунисты и некоторые им сочувствующие из среды американской интеллигенции улюлюкают над могилами десятков миллионов жертв террора: коммунистов и некоммунистов; интеллигентов, рабочих и крестьян; атеистов и верующих; русских, евреев, украинцев, грузин, литовцев, узбеков, — привело бы его, испытавшего на себе советские тюрьмы, в гнев. Ему было бы особенно стыдно за то, что он подготовил почву для таких людей, как Гэсс Холл или Альберт Кан, имя которых в России без отвращения не может произнести ни один честный человек.

Во имя памяти десятков миллионов невинно замученных людей я призываю американскую интеллигенцию отказаться от своих иллюзий по отношению к тому, что происходило на великом Архипелаге.

Ищите своих путей достижения социальной справедливости и свободы, но знайте, что, отождествляя свои идеалы хоть в какой-то степени с государственным строем, царящим на Востоке, вы тем самым можете оказаться на краю катастрофы. Я, однако, уверен, что этого с вами не произойдет, если вы поймете, что Колыма, Воркута, Соловки, Лубянка нисколько не лучше Освенцима и Майда-нека.

30 января 1974 г.

М. С. Агурский

Составители не усомнились, что именно А. Кану принадлежит статья «Контрреволюционер? Да» или что «Юманите» действительно напечатала такой текст С. Лейрака.

Не вызывает сомнений и авторство большого фельетона «Разговор на небесах» («Крокодил», 1974, № 5), переданного, как указано под текстом, из Нью-Йорка по телефону. Для автора — «Гарри Фримен (США)» — этот способ передачи своих сочинений, видимо, привычен: он — корреспондент ТАСС в Нью-Йорке.

Но когда в «Советской культуре» появилась статья Б. Козлова «Пощечины пасквильянту (по страницам зарубежной прессы)», то цитаты, приводимые в ней, показались нам подозрительными. И мы решили проверить, насколько точно автор цитирует западную прессу.

При проверке выяснилось:

гамбургский еженедельник «Ди Цайт» н и к о г д а не помещал на своих страницах того, что ему приписывает Б. Козлов;

адвокат Солженицына Ф. Хееб н и к о г д а не заявлял, а газета «Монд» не печатала, что «Солженицын взял незначительную часть этих денег для пропаганды своих изданий...»

«И так далее...» (Б. Козлов)

К сожалению, нам не удалось проверить еженедельник «Экспресс», тем более, что Козлов не указывает, какой имен-

но из нескольких выходящих в разных странах «Экспрессов» он цитирует. Поэтому нам пришлось сравнить текст из статьи Козлова с подлинным текстом Солженицына.

«При этом, — продолжает «Экспресс», — Солженицын идет еще дальше. Заявив, что в Западной Германии было осуждено 86 тысяч нацистов за преступления против человечества, он требует в отместку расправы над таким же количеством... советских людей! — «Будущие поколения, — восклицает Солженицын, — сочтут нас сумасшедшими, если мы не поставим себе и своим детям такую задачу!»

Представление о справедливости в глазах людей истари складывается из двух половин: добродетель торжествует, а порок наказан.

Посчастливилось нам дожить до такого времени, когда добродетель хоть и не торжествует, но и не всегда травится псами. Добродетель битая, хилая, теперь допущена войти в своем рубище, сидеть в уголке, только не плакать.

Однако никто не смеет обмолвиться о пороке. Да, над добродетелью измывались, но порока при этом — не было. Да, столько-то миллионов спущено под откос — а виновных в этом не было. И если кто только икнет: „а как же *те, кто...*“ — ему со всех сторон укоризненно, на первых же порах дружелюбно: „ну что-о вы, товарищи! ну зачем же старые *раны тревожить?! А* потом и дубинкой: „Цыц, недобитые! Нарееабилитировали вас!“

И вот в Западной Германии к 1966 году осуждено ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТЬ ТЫСЯЧ преступных нацистов — и мы захлебываемся, мы страниц газетных и радиочасов на это не жалеем, мы и после работы остаемся на митинг и проголосуем: МАЛО! И 86 тысяч — мало! и 20 лет — мало! продолжать!

А у нас осудили (по рассказам Военной Коллегии Верхсуда) — около ДЕСЯТИ ЧЕЛОВЕК.

То, что за Одером, за Рейном — это нас печёт. А то, что в Подмоскovie и под Сочами за зелеными заборами, а то, что убийцы наших мужей и отцов ездят по нашим улицам и мы им дорогу уступаем — это нас не печёт, не трогает, это — „старое ворошить“.

А между тем если 86 тысяч западно-германских пере-
вести на нас по пропорции, это было бы для нашей страны
ЧЕТВЕРТЬ МИЛЛИОНА!

Но и за четверть столетия мы никого их не нашли, мы никого их не вызвали в суд, мы боимся разбередить их раны. И как символ их всех живет на улице Грановского, 3 самодовольный, тупой, до сих пор ни в чем не убедившийся Молотов, весь пропитанный нашей кровью, и благородно переходит тротуар сест в длинный широкий автомобиль.

Загадка, которую не нам, современникам, разгадать: **ДЛЯ ЧЕГО** Германии дано наказать своих злодеев, а России — не дано? Что же за гибельный путь будет у нас, если не дано нам очиститься от этой скверны, гниющей в нашем теле? Чему же сможет Россия научить мир?

В немецких судебных процессах то там, то сям, бывает дивное явление: подсудимый берется за голову, отказывается от защиты и ни о чем не просит больше суд. Он говорит, что чередa его преступлений, вызванная и проведенная перед ним вновь, наполняет его отвращением и он не хочет больше жить.

Вот высшее достижение суда: когда порок настолько осужден, что от него отшатывается и преступник.

Страна, которая восемьдесят шесть тысяч раз с помоста судьи осудила порок (и бесповоротно осудила его в литературе и среди молодежи) — год за годом, ступенька за ступенькой очищается от него.

А что делать нам?.. Когда-нибудь наши потомки назовут несколько наших поколений — поколениями слонтяев: сперва мы покорно позволяли избивать нас миллионами, потом мы заботливо холили убийц в их благополучной старости.

Что же делать, если великая традиция русского покаяния им непонятна и смешна? что же делать, если животный страх перенести даже сотую долю того, что они причиняли другим, перевешивает в них всякую наклонность к справедливости? Если жадной охапкой они держатся за урожай благ, взращенный на крови погибших?

Разумеется, те, кто крутил ручку мясорубки, ну хотя бы в тридцать седьмом году, уже немолоды, им от пятидесяти до восьмидесяти лет, всю лучшую пору свою они прожили безбедно, сытно, в комфорте — и всякое РАВНОЕ возмездие опоздало, уже не может совершиться над ними.

Но пусть мы будем великодушны, мы не будем расстреливать их, мы не будем наливать их соленой водой, обсыпать клопами, взнуздывать в „ласточку“, держать на бессонной выстойке по неделе, ни бить их сапогами, ни резиновыми дубинками, ни сжимать череп железным кольцом, ни втеснять их в камеру как багаж, чтоб лежали один на другом, — ничего из того, что делали они! Но перед страной нашей и перед нашими детьми мы обязаны ВСЕХ РАЗЫСКАТЬ И ВСЕХ СУДИТЬ! Судить уже не столько их, сколько их преступления. Добиться, чтоб каждый из них хотя бы сказал громко:

— Да, я был палач и убийца.

И если б это было произнесено в нашей стране ТОЛЬКО четверть миллиона раз (по пропорции, чтоб не отстать от Западной Германии) — так может быть и хватило бы?

В XX веке нельзя же десятилетиями не различать, что такое подсудное зверство и что такое „старое“, которое „не надо ворошить“!

Мы должны осудить публично самую ИДЕЮ расправы одних людей над другими! Молча о пороке, вгоняя его в туловище, чтоб только не выпер наружу, — мы СЕЕМ его, и он еще тысячекратно взойдет в будущем. Не наказывая, даже не порицая злодеев, мы не просто оберегаем их ничтожную старость — мы тем самым из-под новых поколений вырываем всякие основы справедливости. Оттого-то они „равнодушные“ и растут, а не из-за „слабости

воспитательной работы“. Молодые усваивают, что подлость никогда на земле не наказуется, но всегда приносит благополучие.

И несуютно же, и страшно будет в такой стране жить!

Архипелаг ГУЛаг“, стр. 182-185

В конце января в ход была пущена тяжелая артиллерия — с коротким промежутком были опубликованы две статьи: 28 января в «Известиях» — «Как Солженицын воспел предательство власовцев» генерал-лейтенанта П. Жилина, члена-корреспондента АН СССР, и 1 февраля в «Советской культуре» — «Ненависть пожирает истину» писателя Ю. Бондарева. О последней надо сказать особо. Опубликованная при посредстве АПН газетой «Нью-Йорк Таймс» 27 января, статья эта написана в соответствующей тональности, вовсе не клеймящей, а симулирующей боль за Солженицына. Автор нигде не называет Солженицына предателем и очень часто апеллирует к общечеловеческому, хотя бы здесь:

«Архипелаг ГУЛаг» мог бы быть «опытом художественного исследования», как его называет Солженицын, если бы автор осознавал всякое написанное им слово и осознавал формулу: критерий истины — нравственность, а критерий нравственности — истина. Если бы он отдавал себе мужественный отчет в том, что история, лишенная правды, — вдова».

Подобные формулы едва ли могут вызвать возражение. Но верные слова в устах лгуна не лучше креста в руках убийцы. Статья Бондарева — плод тонкого и подлого расчета, расчета на то, что его читатели не знакомы с тем, что на самом деле написал Солженицын в «Архипелаге». В том числе — и читатели «Нью-Йорк Таймс», где, в частности, отрывок о власовцах публиковался в кратком и тенденциозном пересказе Г. Солсбери. В английском переводе книга еще не вышла, а когда выйдет — кому придет в голову разыскивать старые номера газеты и уличать Бондарева?

Судя по всему, Жилин и Бондарев читали «Архипелаг ГУЛаг» или, по крайней мере, те небольшие его куски, о которых пишут (кусок о власовцах — это 11 страниц из вышедших 606, малая часть 6-й главы I части). С такими «подкованными» авторами людям, не читавшим книгу, спорить трудно.

У нас была возможность сравнить утверждения Бондарева и Жилина с текстом книги. Постараемся показать это максимально кратко, изредка привлекая и другие источники. Намеренно опускаем ругательства одного «рецензента» и «общечеловеческие» рассуждения другого.

Всех этих пленников посадили, конечно, не за измену родине, ибо и дураку было ясно, что только власовцев можно судить за измену.

„Архипелаг ГУЛаг“, стр. 249

Жилин: Потому-то он и поет славу предателям, выступившим с оружием против своего народа. Его «герои», его «идеал» — это предатель Власов и власовцы...

Бондарев: Я легко предполагаю, конечно, что данные сведения Солженицын почерпнул и тщательно запомнил из немецких листовок (их читал и я на фронте) или же из брошюрки самого Власова (мы ее тоже иногда находили на полях войны), где генерал объяснял свою сдачу в плен неприятелем политики Сталина в 1936-37 годах и т. п.

Сперва это были много раз вымокшие и много раз высохшие листовки, третий год не кошенных трав прифронтной полосы. В них объявлялось о создании в декабре 1942 года какого-то смоленского „русского комитета“ — то ли претендующего быть подобием русского правительства, то ли нет. Видно, этого еще не решили и сами немцы. И оттого неуверенное сообщение казалось даже просто

вымыслом. На листовках был снимок генерала Власова и изложена его биография. На неясном снимке лицо казалось сыто-удачливым, как у всех наших генералов новой формации. (Говорили мне потом, что это не так, что Власов имел наружность скорей западного генерала — высок, худ, в роговых очках). А из биографии эта удачливость как будто подтверждалась: его восходящей (из крестьянской семьи) карьеры не нарушил 37-й год и не запятнала служба военным советником у Чан-Кай-Ши. Первое потрясение его жизни только и было, когда его 2-ю ударную армию бездарно покинули умирать от голода в окружении. Но каким фразам той биографии вообще можно было верить?

„Архипелаг ГУЛаг“, стр. 256-257

Жилин: Для литературного власовца Солженицына он — «выдающаяся, незаурядная личность».

Он же: По Солженицыну, Власов «давно и глубоко болел за Россию», а что он добровольно сдался в плен и стал служить Гитлеру, то это якобы потому, что он сам и 2-я ударная армия оказались в безвыходном положении.

Глядя на этот снимок, невозможно было поверить, что вот — выдающийся человек или что вот он давно и глубоко болел за Россию. А уж листовки, сообщавшие о создании РОА — „русской освободительной армии“ не только были написаны дурным русским языком, но и с чужим духом, явно немецким, и даже незаинтересованно в предмете, зато с грубой хвастливостью по поводу сытой каши у них и веселого настроения у солдат. Не верилось и в эту армию, а если она действительно была — то уж какое там веселое настроение?.. Вот так-то соврать только немец и мог.

„Архипелаг ГУЛаг“, стр. 256

И. Коровников (генерал-полковник, письмо в «Таймс», опубликованное 26 февраля):

Факты и многочисленные опубликованные документы показывают, что РОА — «Русская освободительная армия», которой якобы командовал Власов, никогда и не существовала».

Никакой РОА действительно и не было почти до самого конца войны и название это и нарукавный герб были сочинены немцем русского происхождения капитаном Штрик-Штрикфельдом в Остпропагандабтайлунг.

„Архипелаг ГУЛаг“, стр. 259

С. Лейрак («Известия» 24 января, статья из «Юмани-те»):

«Была создана армия предателей Родины, которой присвоили его (Власова) имя».

Бондарев: Но **окружение и разгром** 2-й ударной армии, которой он командовал на Волховском фронте в 1942 году...

Коровников: Войска фронта прорвали блокаду и спасли **значительную часть** окруженной армии, однако Власов намеренно остался в кольце и предпочел добровольно сдаться немцам.

Жилин: Удалось пробить узкую брешь в немецком капкане и **спасти значительную часть** окруженной 2-й армии.

Со стремительностью тех месяцев он успел стать зам. командующего Волховским фронтом (Мерецкова), получить 2-ю Ударную армию и во главе ее начать 7 января 1942 г. попытку прорыва ленинградской блокады — наступление через Волхов на северо-запад. Операция была задумана комбинированной, с нескольких сторон, от Ленинграда тоже, в ней должны были в согласованные сроки принять участие также 54-я, 4-я и 52-я армии. Но те три армии либо не тронулись вовремя по неготовности, либо

быстро остановились (у нас еще не умели таких сложных операций планировать, а главное — снабжать). — Вторая же Ударная армия пошла успешно и к февралю 1942 г. оказалась углубленной в немецкое расположение на 75 километров! И с этого момента даже для нее у сталинского верховного авантюрного командования не оказалось — ни людских подкреплений, ни боеприпасов. (И с такими-то резервами начали наступление!). Так остался колеть в блокаде и Ленинград, не зная новгородских подробностей. В марте еще держались зимние пути, с апреля же развезло всю болотистую местность, по которой продвинулась 2-я Ударная, и не стало никаких путей снабжения, и не было помощи с воздуха. Армия оказалась БЕЗ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ — и при этом Власову ОТКАЗАЛИ В РАЗРЕШЕНИИ НА ОТХОД! После двухмесячного голодания и выматывания армии (солдаты оттуда рассказывали мне потом в бугырских камерах, что с околевающих гниющих лошадей они строгали копыта, варили стружку и ели (началось 14 мая немецкое концентрическое наступление против окруженной армии (и в воздухе, разумеется, только немецкие самолеты!). И лишь тогда (в насмешку) было получено разрешение возвратиться за Волхов... И еще были эти безнадежные попытки прорваться — до начала июля.

Так (словно повторяя судьбу 2-й самсоновской армии столь же безумно брошенной в котёл) погибла 2-я Ударная Власова.

„Архипелаг ГУЛаг“, стр. 257-258.

Бондарев: Военачальник средних способностей, он не обладал острым тактическим мышлением, но так или иначе звезда удачи светила ему по началу войны — в боях под Перемышлем и под Москвой. И, видимо, тогда казалось Власову, что успех будет сопутствовать ему постоянно и непреложно: он чересчур одержимо желал его.

Жилин: Кто же такой А. А. Власов? Приведем факты. Сын зажиточного крестьянина из дер. Ло-

макино Нижегородской губернии, он намеревался стать священником, для чего поступил в духовную семинарию. Революция разрушила эти планы. Власов, призванный в Красную Армию, после гражданской войны решил стать профессиональным военным. Не выделяясь большими способностями, он медленно восходил по ступенькам военной карьеры. В апреле 1942 г. Власов, генерал-лейтенант, назначается на Волховский фронт командующим 2-й Ударной армии.

Сколько можно установить сейчас, Андрей Андреевич Власов, не окончив из-за революции нижегородской духовной семинарии, был призван в Красную Армию с 1919 г. и воевал рядовым. На южном фронте, против Деникина и Врангеля, он поднялся до командира взвода, потом и роты. В 20-х годах окончил курсы „Выстрел“; с 1930 г. стал членом ВКП(б); с 1936 г., уже в звании комполка, послан военным советником в Китай. Видимо, никак не связанный с высшими военными и партийными кругами, он естественно оказался в том сталинском „втором эшелоне“, который был выдвинут на замену вырезанных командармов-комдивов-комбригов. С 1938 г. он получил дивизию, а в 1940 г. при первом присвоении „новых“ (старых) воинских званий стал генерал-майором. Из дальнейшего можно заключить, что среди генеральской смены, где много было совсем тупых и неопытных, Власов был из самых способных. Его 99-я стрелковая дивизия, которую он обучал и готовил с лета 1940 г., не была захвачена врасплох гитлеровским нападением, напротив: при общем нашем откате на восток, она пошла на запад, отбила Перемышль и шесть дней удерживала его. Быстро миновав должность командующего корпусом, генерал-лейтенант Власов под Киевом в 1941 г. командовал уже 37-й армией. Из огромного Киевского мешка он вышел и в декабре 1941 г. под Москвой командовал 20-й армией, успешное наступление которой в защиту столицы (взятие Солнечногорска) отмечено в сводке Информбюро за 12 декабря (перечень генералов такой: Жу-

ков, Лелюшенко, Кузнецов, Власов, Рокоссовский, Говоров...).

„Архипелаг ГУЛаг“, стр. 257.

Бондарев: Ночью, бросив еще сражавшиеся части, он вместе с адъютантом **пришел в деревню Старая Полисть**, раскрыл дверь первой же избы, занятой спящими немецкими солдатами, и сказал: «Не стреляйте, я — генерал Власов!» **Так это было в реальности.**

Жилин: Как стало известно из сообщений партизан и немецких трофейных документов, Власов 12 июля 1942 года в **деревне Пятница спокойно ожидал** немецких солдат и при их появлении со словами: «Не стреляйте, я — генерал Власов», перешел на сторону гитлеровцев. В тот же день он был доставлен к командующему 18-й армии генералу Линдеману. **Таковы факты.**

В отличие от Самсонова, Власов не кончил с собой. После гибели армии он еще скитался по лесам и болотам и сдался 6 июля в районе Сиверской. Он перевезен был в германскую ставку под Лётцен (Восточная Пруссия), где было собрано несколько пленных генералов и бригадный комиссар Г. Н. Жиленков (в прошлом успешный партизан, секретарь одного из московских райкомов партии). Они уже заявили о своем несогласии с политикой сталинского правительства. Но не хватало настоящей фигуры. Ею стал Власов.

„Архипелаг ГУЛаг“, стр. 258.

Жилин (процитировав три последние фразы из вышеприведенного отрывка):

Так Солженицын тщится сделать из Власова политического вожака, «идейного» борца с советской властью.

Жилин: ...именно предатели близки Солженицыну по духу и именно им он выдает индульгенции: «Но сверх дымящейся каши в призывах вербовщика был призрак свободы и настоящей жизни — куда бы ни звал он! В батальоны Власова. В казачьи полки Краснова. В трудовые батальоны — бетонировать будущий Атлантический вал. В норвежские фиорды. В ливийские пески... Наконец, еще — в деревенских полицаев, гоняться и ловить партизан... Куда б ни звал он, куда угодно...

Куда б ни звал он, куда угодно — только б тут не подыхать, как забытая скотина.

С человека, которого мы довели до того, что он грызет летучих мышей — мы с а м и сняли всякий его долг не то что перед родиной, но — перед человечеством!

И те наши ребята, кто из наших лагерей военнопленных вербовались в краткосрочных шпионов, еще не делали крайних выводов из своей брошенности, еще поступали чрезвычайно патриотически. Они видели в этом самый ненакладный способ вырваться из лагеря. Они почти поголовно так представляли, что едва только немцы перебросят их на советскую сторону — они тотчас объявятся властям, сдадут свое оборудование и инструкции, вместе с добродушным командованием посмеются над глупыми немцами, наденут красноармейскую форму и бодро вернутся в строй вояк. Скажите, **ДА ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ КТО МОГ ОЖИДАТЬ ИНОГО? КАК МОГЛО БЫТЬ ИНАЧЕ?**

„Архипелаг ГУЛаг“ стр. 252.

Жилин: В действительности гитлеровцы боялись посылать на советско-германский фронт подразделения, созданные из советских военнопленных, не полагаясь на их надежность. История войны знает много фактов, когда такие подразделения целиком переходили к партизанам, на сторону Советской Армии.

Но уместно спросить: все-таки были же и такие, которые ни на какую вербовку не пошли; и нигде по специальности у немцев не работали; и не были лагерными орднерами; и *всю войну просидели в лагере военнопленных, но-са не высовывая*; и все-таки не умерли, хотя это почти невероятно! Например делали зажигалки из металлических отбросов, как инженеры-электрики Николай Андреевич Семенов и Федор Федорович Карпов, и тем подкармливались. Нсужели им-то не простила Родина сдачи в плен?

Нет, не простила! И с Семеновым и с Карповым я познакомился в Бутырьках, когда они уже получили свои законные... сколько? догадливый читатель уже знает: *десять и пять намордника*. А будучи блестящими инженерами, они ОТВЕРГЛИ немецкое предложение работать по специальности! А в 41-м году младший лейтенант Семенов пошел на фронт ДОБРОВОЛЬНО. А в 42-м году он еще имел *пустую кобуру* вместо пистолета (следователь не понимал, почему он не застрелился из кобуры). А из плена он ТРИЖДЫ бежал. А в 45-м, после освобождения из концлагеря, был посажен как штрафник на наш танк (танковый десант) — и БРАЛ БЕРЛИН, и получил орден *Красной Звезды* — и уже после этого только был окончательно посажен и получил срок. Вот это и есть зеркало нашей Немезиды.

„Архипелаг ГУЛag“, стр. 253-254.

В конце января в Самиздате появилась первая развернутая рецензия на «Архипелаг ГУЛag».

О КНИГЕ СОЛЖЕНИЦЫНА «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ»

Общая оценка

В данной статье я попытался выразить лишь краткое предварительное суждение о новой книге А. И. Солженицына. И не только потому, что из трех-четырех томов автор опубликовал лишь первый. Уже опубликованное слишком значительно, чтобы охватить и оценить его сразу. Книга Солженицына до предела наполнена страшными фактами, и много меньшее количество которых с трудом укладывается в голове. В ней — конкретное описание необычных и трагических судеб сотен людей столь типичных, однако, для прошедших десятилетий. Эта книга полна мыслей и наблюдений, как глубоких и верных, так и не всегда верных, но родившихся в чудовищных страданиях десятков миллионов людей, страданиях, каких еще не переживал наш народ за свою многовековую историю. Никто не выходил из страшного «Архипелага» сталинских лагерей и тюрем таким, каким он входил туда, и не только по возрасту и здоровью, но и по своим представлениям о жизни и людях. Думаю, мало кто встанет из-за стола, прочитав эту книгу, таким же, каким он раскрыл ее первую страницу. В этом отношении мне просто не с чем сравнить книгу Солженицына ни в русской, ни в мировой литературе.

О фактах, лежащих в основе повествования Солженицына

Некто И. Соловьев пишет в «Правде» (14 янв.), что факты, приводимые в книге Солженицына, недостоверны, что они плод больного воображения или циничной фальсификации автора... Это, конечно, не так. Я не могу согласиться с некоторыми оценками и выводами Солженицына. Но нужно твердо сказать, что все основные факты, приведенные в его книге, а тем более все подробности жизни и мучений заключенных от их ареста и до смерти (а в более редких случаях — до выхода на свободу) полностью достоверны.

Конечно, в столь обширном художественном исследовании, которое основано не только на впечатлениях самого автора, но на свидетельствах и рассказах (и пересказах) более чем 200 бывших заключенных, неизбежно встречаются некоторые неточности, тем

более что Солженицын вынужден был создавать свою книгу в глубокой тайне и не имел возможности обсудить ее до публикации даже со многими из близких своих друзей. Но этих неточностей ничтожно мало для такой значительной книги. Я думаю, например, что размеры выселений из Ленинграда («кировский поток») в 1934-1935 гг. были меньше, чем указывает Солженицын. Были выселены десятки тысяч людей, но не четверть населения этого тогда уже 2-х миллионного города. Но и у меня нет точных цифр, я руководствуюсь просто отрывочными свидетельствами и собственными впечатлениями (я жил в Ленинграде больше 15 лет). Трудно поверить в рассказ безвестного информатора Солженицына об обычае Орджоникидзе разговаривать со старыми инженерами при двух пистолетах, лежащих слева и справа на письменном столе. Чтобы вылавливать чиновников царского аппарата (и не всех вовсе, а главным образом из судебных органов, жандармерии и т. п.) ГПУ не требовалось пользоваться какими-то случайными записями случайных людей. Все эти списки можно было найти и в местных архивах и в опубликованных справочниках. Думаю, что Солженицын преувеличивает цифру крестьян, выселенных в годы коллективизации (15 миллионов). Но если добавить к жертвам этих лет и крестьян, умерших от голода в 1932-1933 годах (только на Украине не меньше 3-4 миллионов человек), то может получиться цифра побольше той, которую приводит Солженицын. После смерти Сталина были посажены в тюрьму или расстреляны (в отдельных случаях без открытого суда) не десять, а что-то около сотни ответственных работников МГБ-МВД. Но это всё равно ничтожно мало в сравнении с количеством преступников из «органов», которые остались на свободе и даже получили различные ответственные должности. Бухарин в 1936-37 гг. не был уже членом Политбюро, как пишет Солженицын, а лишь кандидатом в члены ЦК.

Но все эти и некоторые другие неточности совершенно несущественны для столь грандиозного художественного исследования, которое предпринял Солженицын. С другой стороны, в книге Солженицына есть и другие «недочеты», о которых он сам пишет в посвящении: — он не все увидел, не все вспомнил, не обо всем догадался. Он пишет, например, об аресте амнистированных и репатриированных казаков в середине 20-х годов. Но ведь была еще страшная по своим последствиям кампания «расказаживания» и массового террора на Дону и Урале в зиму и весну 1919 года. Эта

кампания продолжалась «всего» два с лишним месяца, но затянула гражданскую войну со всеми ее эксцессами не менее чем на год, дав белым армиям десятки новых конных полков. А расстрел 500 заложников в Петрограде, о котором в «Еженедельнике ВЧК» говорится всего в двух строчках... Чтобы всё это описать, нужно еще много книг. Я верю — они будут написаны.

Если «Правда» пытается доказать, что факты, приведенные Солженицыным, недостоверны, то «Литературная газета» (16 янв.) пытается убедить своих читателей, что в книге Солженицына не содержится ничего нового. И это неверно. Хотя я занимаюсь изучением сталинизма более десяти лет, я нашел в книге Солженицына много для себя неизвестного. Если не говорить о старых лагерниках, то советскому человеку, даже хорошо помнящему еще XX и XXII съезды КПСС, вряд ли известна десятая часть фактов, о которых пишет Солженицын. А молодежь, пожалуй, не знает и сотой части этих фактов.

Солженицын о власовцах

Многие газеты пишут, что Солженицын оправдывает, обеляет и даже воспевают власовцев.

Это сознательное и злонамеренное искажение. Солженицын пишет в «Архипелаге», что власовцы стали жалкими наемниками гитлеровцев, что «власовцев можно судить за измену» (стр. 249), что взяли оружие врага и, попадая на фронт, дрались с отчаянием обреченных. Сам Солженицын со своей батареей был едва не уничтожен в Восточной Пруссии огнем власовцев. Но Солженицын не упрощает этой проблемы «власовцев» и других подобных им подразделений фашистской армии.

В многочисленных «потоках» сталинских репрессий у многих из нас есть и свои особые трагедии. Я знаю, например, что для А. Твардовского это было «раскулачивание», под которое попал и его отец, старательный крестьянин из бедняков, недавний боец Красной Армии, защитник советской власти. Он был выселен за Урал со всей семьей, случайно уцелел лишь его средний сын, уже ушедший учиться в город, — будущий наш великий поэт. И приходилось тогда Твардовскому отказываться от отца. Обо всем этом он пишет в своей последней поэме «По праву памяти».

Для моей семьи трагедией стали репрессии 1937-1938 гг., особенно среди командиров и комиссаров Красной Армии, в числе последних был арестован и погиб мой отец, дивизионный комиссар и преподаватель Военно-политической академии РККА. Эти люди были бесконечно преданы Советской власти, социализму и большевистской партии, как участники гражданской войны они казались мне романтическими героями, и я никогда не верил, что они — «враги народа».

Для Солженицына такой глубоко личной трагедией стал не его собственный арест, а жестокая и страшная судьба миллионов советских военнопленных, ровесников Солженицына, ровесников Октября, составлявших большую часть нашей кадровой армии в июне 1941 года. Эта армия была разбита и окружена в первые дни и недели войны из-за преступных просчетов Сталина, не сумевшего подготовить ни армию, ни страну к войне, из-за нелепых и глупых распоряжений Сталина в первый же день войны, из-за его ухода со своего поста в первую неделю войны, из-за недооценки в армии опытных командиров и комиссаров, уничтоженных Сталиным. Около трех миллионов солдат и командиров попали тогда в плен и еще около миллиона позднее — в «котлах» под Вязьмой, под Харьковом, на Керченском полуострове, под Волховом. Но правительство Сталина предало своих солдат в плену, отказавшись признать подпись России под международной конвенцией о военнопленных, из-за чего не шла помощь советским пленным через Международный Красный Крест, и обречены они были умирать от голода в германских концлагерях. И еще раз предал Сталин тех, кто выжил из этих пленных, когда после победы почти все они были арестованы и пополнили население «Архипелага ГУЛага». Это тройное предательство своих же воинов считает Солженицын самым тяжким и гнусным преступлением сталинского режима, невиданным за всю историю нашего тысячелетнего государственного существования. «Я ощутил, — пишет Солженицын, — что эта история нескольких миллионов русских пленных приходит меня навсегда, как булавка таракана» (стр. 245).

Лишь десятая часть наших пленников завербовалась во владимирские части, в полицейские подразделения, в рабочие батальоны, в отряды «добровольных» помощников вермахта. Большинство завербованных искренне надеялось, подкормившись и получив оружие, перейти на сторону Советской армии или к партизанам.

Это были, как скоро оказалось, ложные надежды, возможностей к такому переходу было слишком мало.

Солженицын не оправдывает и не воспевает этих отчаявшихся и несчастных людей. Но он просит суд потомков учесть и некоторые смягчающие их вину обстоятельства: эти молодые и часто не слишком грамотные, в большинстве своем деревенские парни были деморализованы поражением армии, им твердили в плену, что «Сталин от вас отказался», что «Сталину на вас наплевать», и они хорошо видели, что так и есть и что их ждет голодная смерть в немецком лагере.

Конечно, не во всем можно согласиться с Солженицыным. Я не испытываю, например, никакой жалости к некоему Юрию Е., советскому офицеру, по рассказу Солженицына, не голодавшему в лагере и перешедшему на сторону гитлеровцев совершенно сознательно, ставшему немецким офицером и даже возглавившему школу разведчиков. Из книги Солженицына видно, что этот Юрий Е. перешел на сторону Советской Армии, уже видя полный разгром немцев, и не столько потому, что «Родина его поманила», а рассчитывая передать нашей разведке «секреты немецкой разведки», т. е. фактически перевербоваться из немецкой разведки в советское МГБ. Да еще уверен этот Юрий, что война СССР с союзниками вспыхнет сразу же после разгрома Германии и что Красная Армия в этой войне потерпит быстрое поражение.

Что касается жестокого сражения под Прагой нескольких крупных власовских подразделений с немецкими частями эсэсовского генерала Штейнера, то это исторический факт, который нельзя отрицать. Что было, то было.

Почти все «власовцы» получили 25 лет лагерей, их не коснулась ни одна амнистия и почти все они погибли в заключении и в ссылке на Севере. Я также думаю, что для большинства из них это слишком тяжелая кара. Ибо Сталин виновен в этой трагедии больше, чем кто-либо другой.

О «либерализме» гитлеровцев и русского царизма

Обвиняют Солженицына и в том, что он умаляет злодеяния гитлеровцев и жестокость русского царизма.

Изучение немецкого «Архипелага ГУЛага» не входило в задачу Солженицына, хотя он и говорит в ряде случаев о попытках в

гестапо и о бесчеловечном обращении фашистов с советскими военнопленными. Но Солженицын право же нисколько не отступает от истины, когда пишет, что Сталин начал массовые репрессии, миллионные депортации, пытки и фальсифицированные процессы задолго до того, как Гитлер пришел к власти. И всё это продолжалось у нас много лет спустя после разгрома германского фашизма.

Тем более русским царям в этом отношении трудно сравниться со Сталиным. О царской тюрьме и каторге Солженицын немало говорит в своей книге, это была частая тема разговоров между заключенными, особенно если среди них оказывался старый большевик (заключенные из других социалистических партий почти все вымерли еще до войны). В этих разговорах старая тюрьма или ссылка представлялись заключенным 40-х годов чем-то вроде дома отдыха. Да и размах репрессий... В годы революции (1905-1907 гг.) и в годы последующей реакции царские палачи расстреливали за год столько же рабочих, крестьян и ремесленников, сколько в 1937-38 гг. расстреливалось в нашей стране или умирало узников в лагерях и тюрьмах в течение одного дня. Что уж тут сравнивать!

Лучшая глава книги

Я думаю, что на разных людей в книге Солженицына производят наибольшее впечатление различные главы. Для меня были особенно важны главы «Голубые канты» и «К высшей мере». Здесь автор достигает исключительной глубины в психологическом анализе поведения и тюремщиков и их жертв. Солженицын идет здесь глубже, чем Достоевский.

Я вовсе не хочу сказать этим, что Солженицын более гениальный художник, чем Достоевский. Я не литературовед. Но очевидно, что сталинские тюрьмы и лагеря, этапы и пересылки, через которые прошел Солженицын через сто лет после ареста и каторги Достоевского, дали автору «Архипелага ГУЛага» в десятки раз большие возможности исследования различных форм и в душе человека и в человеческих установлениях, чем имел автор «Записок из мертвого дома». И, конечно, Солженицын использовал эти трагические возможности так, как это мог сделать только великий писатель.

Солженицын о Сталине

В книге Солженицына в различных местах содержится немало глубоких и точных, но высказанных как бы мимоходом замечаний и характеристик личности Сталина. Автор считает, однако, личную роль Сталина в постигшей нашу страну катастрофе и даже в создании изучаемого Солженицыным «Архипелага» настолько незначительной, что большая часть его высказываний о Сталине выносится из основного текста книги в короткие сноски и примечания. Так, в примечаниях на предпоследней 605-й странице тома Солженицын пишет: «И в предтюремные и в тюремные годы я тоже долго считал, что Сталин придал роковое направление ходу советской государственности. Но вот Сталин тихо умер — и уж так ли намного изменился курс корабля? Какой отпечаток собственный, личный он придал событиям — это унылую тупость, самодурство, самовосхваление. А в остальном он точно шел стопой в указанную сторону».

Говоря очень кратко во второй главе о репрессиях 1937-38 годов (зачем говорить подробно о том, «что уже широко написано и еще будет многократно повторено»), когда в застенках НКВД были уничтожены основные кадры партийного руководства, партийной интеллигенции, командного и политического состава Красной Армии, большинство крупнейших хозяйственных руководителей, руководителей комсомола, когда сменились насильственным образом верхи советского управления, верхи самого НКВД, дипломатического аппарата и т. д., Солженицын пишет (опять в примечании): «Теперь, видя китайскую культурную революцию (тоже на 17-м году после окончательной победы), мы можем с большой вероятностью заподозрить тут историческую закономерность. И даже сам Сталин начинает казаться лишь слепой и поверхностной исполнительной силой» (стр. 80).

С таким взглядом на роль и значение Сталина в трагедии 30-х годов согласиться трудно. Конечно, было бы ошибочным полностью отрывать эпоху сталинского террора от предшествующей революционной эпохи. Какой-то коренной резко очерченной границы между этими эпохами не было ни в 1937 году, как думают многие, ни в 1934 году, как утверждал Хрущев, ни в 1929 году, как это думал ранее сам Солженицын, ни в 1924 году, когда умер Ленин и была разбита троцкистская оппозиция, ни в 1922 году,

когда Сталин был избран Генсеком ЦК РКП(б). И вместе с тем в каждый из этих годов, да и в некоторые другие, происходил все же весьма существенный поворот в политике, что требует особого рассмотрения.

Конечно же, существует преемственная связь между той партией, которая взяла власть в октябре 1917 года, и той, которая стояла во главе СССР в 1937 году, в 1947 году, в 1957 г. и в 1967 году, когда Солженицын заканчивал «Архипелаг ГУЛАг». Но эта связь не означает идентичности.

Не «стопа в стопу» шел Сталин. Он и в первые годы революции не всегда следовал ленинской «стопе». А уж потом он с каждым шагом уводил партию в другую сторону. Внешнее сходство в данном случае лишь маскирует очень большое внутреннее различие, в некоторых отношениях даже противоположность, и переход в эту противоположность вовсе не был закономерным, детерминированным, неизбежным. Более глубокий научный анализ, которому, несомненно, будут еще подвергнуты события, о которых пишет в своем художественном исследовании Солженицын, неоспоримо покажет, что даже внутри и в рамках той системы партийных, государственных и общественных отношений, которая была создана в России при Ленине, Сталин произвел в несколько приемов коренной переворот, сохранив лишь внешнюю оболочку так называемых ленинских норм, лишь терминологию марксизма-ленинизма. Сталинизм во многих отношениях есть отрицание и кровавое уничтожение большевизма и всех революционных сил, в определенном смысле сталинизм — это самая настоящая контрреволюция. Разумеется, мы вовсе не считаем, что ленинское наследие и ленинский период в истории нашей революции не нуждается в самом серьезном критическом анализе.

Солженицын не ставит своей задачей исследовать феномен сталинизма, его природу, особенности, историю его развития, его предпосылки. Вероятно, для Солженицына просто не существует такого понятия, как сталинизм, ведь Сталин лишь «точно шел стопой в указанную стопу». В книге Солженицына почти нет того, что можно было бы назвать историческим фоном. Эта книга начинается главой «Арест», чем автор сразу подчеркивает, что он исследует и описывает лишь мир заключенных, мир отверженных, таинственную и страшную страну ГУЛАга, ее географию, структуру, общественное устройство, ее писанные и неписанные законы,

ее население, ее нравы, ее владык и ее подданных. Да и не очень нужен Солженицыну этот исторический фон, ибо его «Архипелаг ГУЛаг» появился еще в 1918 году и развивался с тех пор по каким-то своим внутренним законам.

Эта односторонность, нарушаемая, правда, отдельными нередко весьма глубокими по мысли замечаниями, сохраняется на протяжении всего тома. Конечно, такой подход — законное право автора.

И все же, не говоря ни слова о сталинизме и как бы отрицая правомерность такого понятия вообще, Солженицын своим художественным исследованием одной из самых главных частей сталинской системы очень помогает изучению и всей преступной и бесчеловечной системы сталинизма. Солженицын неправ, полагая, что эта система сохранилась в своих основных чертах и сегодня, но она и не ушла еще совсем из нашей общественной, политической и духовной жизни. Книга Солженицына наносит по сталинизму и неосталинизму удар очень большой силы. Никто из нас не сделал в этом отношении больше, чем Солженицын.

Солженицын о Ленине

Еще во времена своей комсомольской молодости Солженицын сомневался в мудрости и честности Сталина. Это сомнение, высказанное в одном из писем с фронта, и было причиной ареста и осуждения Солженицына. Но он нисколько не сомневался тогда в том, что «Октябрьская революция была великолепна и справедлива и что вели ее к победе люди высоких намерений и вполне самоотверженные» (стр. 229). Теперь Солженицын думает иначе и об Октябрьской революции и о Ленине.

Из всех обвинений, которые Солженицын прямо или косвенно предъявляет сегодня Ленину, мы остановимся только на двух.

Солженицын считает, что Ленин в 1917 г. настоял на проведении в России новой «пролетарской и социалистической» революции, хотя ни Россия, ни русский народ не были готовы к такой революции и не нуждались в ней.

Солженицын также считает, что Ленин злоупотреблял террористическими методами борьбы против своих политических противников.

Легко разбирать ошибки революционера через 50 лет после революции. Но революционная ситуация обычно не дает политическим вождям времени для спокойного академического анализа. Впрочем, и сейчас можно предположить, что если бы российские буржуазные партии оказались способными осуществить в 1917 г. хотя бы собственные буржуазно-демократические задачи (и вывести Россию из войны), то народ не пошел бы тогда на новую революцию. Но русская буржуазия по трусости и корыстности не смогла решить этих столь назревших проблем, эти проблемы взялись решить большевики во главе с Лениным, и русский народ, как показала история, их тогда поддержал.

Крайне сложен и вопрос о методах революционной борьбы. Ибо первая социалистическая революция это неизбежно шаг в неизвестное. Ее не с чем сравнить, и ее вождям не у кого перенимать опыт. Здесь невозможно все заранее рассчитать, взвесить и только затем принимать решения. Предвидеть события можно чаще всего на несколько дней или недель вперед. Основные решения и методы революционной борьбы принимаются или корректируются только в ходе событий. Ленин хорошо все это понимал и нередко повторял слова Наполеона: «Нужно вначале ввязаться в сражение, а там посмотрим». Такая революция невозможна без риска поражения и без риска ошибок. Но и не дать сигнал к революции, когда она стала возможной — это тоже очень большой риск для революционной партии.

Неудивительно поэтому, что у Ленина и возглавляемого им Советского правительства было немало просчетов и ошибок. Эти ошибки затянули гражданскую войну в России и сделали ее более ожесточенной. Эти просчеты затянули переход к НЭПу и усилили на первых порах хозяйственную разруху. Не оправдались и надежды Ленина на скорую революцию в Европе, которая даст России техническую и культурную помощь. Советское правительство пошло слишком далеко в ограничении демократии в нашей стране.

Этот список просчетов и ошибок можно продолжить. Однако никакая кибернетика не поможет доказать, что вооруженное восстание 24 октября 1917 г. было исторически преждевременным шагом, и что все последующие злодеяния сталинского режима вытекали из этой роковой ошибки Ленина. Ибо и после смерти Ленина путь нашей партии вперед был движением по никем не изведанной дороге. К сожалению, те, кто сменил Ленина во главе партии, не

имели его ума, знаний, умения находить в большинстве трудных ситуаций верное решение. Поэтому они не использовали и малой части тех возможностей, которые давала Октябрьская революция для быстрого продвижения вперед к подлинно социалистическому и демократическому обществу. Мы и сегодня еще далеки от этой цели. Сталин не только не шел «стопой в точно указанную стопу». Но и те несколько вещей, которые наметил Ленин в своих последних заметках, Сталин очень быстро отбросил в сторону.

В условиях революции и в условиях гражданской войны ни одна партия не может обойтись без тех или иных форм насилия. Но и самый беспристрастный историк должен будет сказать, что разумная мера в использовании насилия была многократно превышена уже в первые годы Советской власти. С лета 1918 г. нашу страну захлестнула волна как белого, так и красного террора. Большая часть этих актов массового насилия была совершенно излишней и вредной даже с точки зрения логики и интересов классовой борьбы. Этот террор лишь ожесточал враждующие стороны, затягивал войну и порождал новые ненужные насилия. К сожалению, и Ленин в первые годы революции гораздо чаще произносил слово «расстрел», чем это вынуждалось складывающейся обстановкой. Солженицын цитирует Ленина не искажая, но лишь неодобрительно комментируя. Но вряд ли кто-нибудь сегодня одобрит такой, например, приказ Ленина председателю Нижегородского губсовета Г. Федорову: «Надо напрячь все силы, навести тотчас массовый террор, **расстрелять и вывезти** сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п.» (подчеркнуто Лениным) (ПСС, т. 50, стр. 142). Вывезти — да, но зачем убивать женщин?

Об этих злоупотреблениях властью можно пожалеть, их следует осудить. И все же этот террор времен гражданской войны не предопределил страшный террор сталинской эпохи.

Ленин совершил немало ошибок, многие из которых он сам признавал неоднократно. Честный историк несомненно должен отметить все эти ошибки и злоупотребления властью. Однако общий итог деятельности Ленина, как мы уверены, был положительным. Солженицын думает иначе. Но это его право. В социалистической стране каждый должен иметь возможность высказывать свои взгляды и свои мнения о деятельности любого политического руководителя.

Солженицын о Крыленко

Солженицын не жалуется в своей книге ни одну из русских революционных партий. Эсеры — это террористы и краснобаи, «никогда достойно не возглавленные». Меншевики, видимо, только краснобаи. Но более всего достается от Солженицына большевикам, которые хотя и сумели захватить и удержать власть в России, но проявили при этом чрезмерную и совершенно ненужную жестокость. Из большевистских руководителей Солженицын особенно выделяет Н. В. Крыленко, председателя Верховного революционного трибунала и прокурора республики, главного обвинителя на многих «показательных» судебных процессах в первые годы советской власти. Этим процессам Солженицын посвящает почти полностью две главы («Закон-ребенок» и «Закон мужает»), да и в других главах имя Крыленко встречается часто.

Конечно, можно сказать, что первые годы Советской власти были временем самой ожесточенной борьбы Советской республики за свое существование. И если нужна была революция и Советская власть, то ее нужно было защищать от многочисленных и беспощадных врагов, а этого нельзя было бы сделать без военно-революционных трибуналов и без ВЧК. Но и при этих оговорках нельзя все же не видеть, сколь несправедливы и бессмысленно жестоки были во многих случаях эти «судебные» и внесудебные расправы, сколь много было и в ВЧК и в трибуналах случайных, неумных и до предела озлобившихся людей. И Крыленко стал здесь скоро одним из главных режиссеров, мало отличаясь при этом от председателя яacobинского трибунала Коффеналья, который вместе с немногими роялистами отправлял на гильотину и простых обывателей, в том числе 70-летних старух и 18-летних девушек, и революционеров, недовольных Робеспьером, и знаменитого химика Лавуазье, просившего хотя бы позволить ему закончить важную серию опытов («нам не нужны ученые», — ответил Коффеналь).

Конечно, Крыленко не был исключением среди большевиков. Но и не все руководители этой партии были похожи на Крыленко. К сожалению, революционерами становятся не только самые честные и мужественные люди своего времени. К революции, особенно в пору подъема, примыкают и люди озлобленные, тщеславные, честолюбивые, корыстолюбивые, люди с холодным сердцем и нечистыми руками, а также много просто неумных и тупых фанати-

ков, способных на все. Но это вовсе не повод, чтобы осуждать всякую революцию и всех революционеров.

Нужно учесть и другое. Для революционеров главным испытанием оказались не тюрьмы или каторга, не смелые атаки под пулеметным огнем белогвардейцев, не голод и холод, а власть и при этом власть на первых порах почти ничем не ограниченная. Давно известно, что власть развращает и портит, нередко и самых хороших людей. Приходится с сожалением отметить, что очень многие из большевиков не выдержали этого испытания властью. Задолго до своей гибели в мясорубке сталинских репрессий эти люди сами оказались руководителями и участниками многочисленных и жестоких репрессий, в большинстве своем ничем не оправданных, ненужных и вредных. Но из этого вовсе не следует, что и до революции эти большевики были такими же несправедливыми и жестокими, равнодушными к страданиям людей, что они и тогда не руководствовались самыми лучшими побуждениями и самыми высокими целями и идеалами. Надо полагать, что и Крыленко, вступивший в партию в 1904 г., был не тем человеком, каким он стал в 1918-1920 гг.

Солженицын понимает это развращающее влияние власти над людьми. С предельной откровенностью он пишет, что и сам он после года тяжелой и голодной солдатской жизни, после года муштры и изматывающей шагистики, пережив немало несправедливостей от самых младших командиров, начисто все это забыл, едва лишь стал лейтенантом, а вскоре и капитаном. В своем сознании он стал резко отделять себя от подчиненных ему солдат, он все меньше понимал тяготы их фронтовой жизни, все более отделял себя от них, как человека иной породы и иной касты, называл на «ты» отцов и дедов, понукал своего денщика и даже был иногда настолько суров с солдатами, что какой-то старый полковник счел необходимым во время ревизии сделать ему выговор. «Оказалось, — признается Солженицын, — что от офицерских погонов, всего два годика вздрагивавших на моих плечах, натряслось золотой ядовитой пылью мне в пустоту между ребрами» (стр. 551). Более того, едва не стал Солженицын и офицером НКВД, его убеждали пойти в училище НКВД, и если бы сильнее нажали, то согласился бы. И вспоминая свое офицерство, Солженицын, беспощадный к себе, признается: «Я приписывал себе бескорыстную самоотверженность. А между тем был — вполне подготовленный па-

лач. И попади я в училище НКВД при Ежове — может быть у Бериин я вырос бы как раз на месте» (стр. 175).

Но если за два года младшего офицерства так изменился Солженицын, то что говорить о Крыленко, который за срок еще меньший взметнулся едва ли не от прапорщика до Верховного главного командующего всей русской армией, а затем и до председателя Верховного трибунала, заместителя наркома юстиции и главного прокурора РСФСР. Хотя и окончил Крыленко до революции два факультета, но от такой чрезвычайной власти опьянел и поглупел до неузнаваемости.

«Видимое злодейство, — как пишет Солженицын, — есть тоже величина пороговая. Да, колеблется, мечется человек всю жизнь между добром и злом, оскальзывается, срывается, карабкается, раскаивается, снова затемняется — но пока не преступлен порог злодейства — в его возможностях возврат, и сам он — еще в объеме нашей надежды. Когда же густотою злых поступков или какой-то степенью их или абсолютностью власти он вдруг переходит через порог — он ушел из человечества. И может быть — без возврата» (стр. 182).

«Пусть захлопнет здесь книгу тот читатель, кто ждет, что она будет политическим обличением, — пишет в другом месте Солженицын. — Если б это было так просто! — что где-то есть черные люди, злокозненно творящие черные дела, и надо только обличить их и уничтожить. Но линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека. И кто уничтожит кусок своего сердца?.. В течение жизни одного сердца эта линия перемещается и на нем, то теснимая радостным злом, то освобождая пространство расцветающему добру. Один и тот же человек бывает в разные свои возрасты, в разных жизненных положениях — совсем разным человеком. То к дьяволу близко. То и к святому. А имя — не меняется, и ему мы приписываем все» (стр. 175-176). В этом глубоко замечании Солженицына мы видим по крайней мере частичное обоснование той драмы и того грехопадения очень многих большевиков, которые еще до того, как они стали жертвой сталинского террора, были уже отнюдь не последними винтиками созданной еще ранее машины произвола.

Что предлагает Солженицын

Но если власть развращает и портит людей, если политика, как думает Солженицын, — «это даже не род науки, это — эмпирическая область, не описываемая никаким математическим аппаратом да еще подверженная человеческому эгоизму и слепым страстям», если все профессиональные политики это «чирьи на шее общества, мешающие ему свободно вращать головой и двигать руками» (стр. 393), то к чему мы должны стремиться, как строить справедливое человеческое общежитие?

Солженицын говорит об этом мимоходом, он заключает свои мысли в скобки, не разъясняя и не растолковывая их подробно. Но и из этих кратких замечаний видно, что Солженицын считал бы самым правильным такое построение общества, «когда его возглавляют те, кто могут разумно направить его деятельность» (стр. 392-393). Такими людьми являются в первую очередь инженеры и ученые (а рабочие, по мнению Солженицына, лишь подсобники инженеров в промышленности). Но кто возьмет на себя нравственное руководство обществом? Из всех рассуждений Солженицына вытекает, что нравственное руководство обществом способна осуществлять не какая-либо политическая доктрина, но только религия. Только вера в Бога может служить опорой человеческой нравственности и только глубоко верующие люди смогли лучше других пройти через все тяготы сталинских лагерей и тюрем.

Но эти мысли отдают утопией, они даже не слишком оригинальны. Солженицын наносит страшные по силе удары по всем видам политической лжи. Он справедливо призывает советских людей и прежде всего молодежь не способствовать лжи и не сотрудничать с ложью. Но нужно не только убедить людей в ложности тех или иных политических доктрин, но и дать людям правду, убедить их в истинности тех или иных взглядов. Однако для подавляющего большинства советских людей религия уже не является и не может стать истиной, и молодежь XX века найдет для себя руководство в вере в Бога. Да и как без политики и без политической борьбы инженеры и ученые смогут взять на себя управление общественными делами или хотя бы одной экономикой? Но если бы это и было возможно, как предотвратить перерождение такого общества в диктатуру технократов? А разве передача религии функций нравственного руководства обществом

не приведет со временем к возникновению самой худшей формы теократического государства?

Касаясь репрессий 1937 года, Солженицын пишет: «Может быть, 37-й год и **НУЖЕН** был для того, чтобы показать, как мало стоит всё их **МИРОВОЗЗРЕНИЕ**, которым они так бодро хохорились, разворачивая Россию, громя ее твердыни, топча ее святыни» (стр. 138). Речь идет, как можно легко понять, о марксизме. Но Солженицын неправ. Не марксизм породил извращения сталинизма, и преодоление сталинизма вовсе не будет означать крушения марксизма и научного социализма. Да и хорошо знает Солженицын и говорит в другом месте о том, что и религиозная идеология облегчила двухсотлетние зверства инквизиции, сожжение и пытки еретиков.

Во всяком случае меня очень мало устраивают эти идеалы Солженицына. Я глубоко уверен, что в обозримом будущем наше общество должно строиться на сочетании социализма и демократии, и что именно развитие марксизма и научного коммунизма позволит создать наиболее справедливое человеческое общежитие.

Инженеры и ученые должны иметь гораздо больший политический вес в нашем обществе, чем они имеют сегодня. Но это вовсе не исключает и научно организованного политического руководства. Оно предполагает, в частности, отмену всяческих привилегий для руководителей, разумное ограничение политической власти, самоуправление везде, где это только возможно, расширение полномочий местных органов власти, разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, ограничение любых политических полномочий определенными сроками, полную свободу слова и убеждений, включая, естественно, и свободу религиозных убеждений и религиозной проповеди, свободу организаций и собраний для людей и групп всех политических направлений, свободу передвижения по стране и свободу выезда, свободные выборы с одинаковым правом на выдвижение своих кандидатов для всех политических группировок и партий и т. д. и т. п. Только такое общество, свободное, разумеется, и от эксплуатации человека человеком и основанное на общественной собственности на все главные средства материального производства, может обеспечить беспрепятственный и всесторонний прогресс как всего человечества, так и всех отдельных людей.

И пока нет у нас такой подлинно социалистической демократии, развитие нашей страны будет попрежнему медленным, односторонним и уродливым и не часто будут появляться у нас такие гиганты духа, как Солженицын.

Перед арестом Солженицын считал себя марксистом. Пройдя через жесткие испытания, описанные с такой беспощадной правдивостью в «Архипелаге ГУЛАГ», Солженицын утратил веру в марксизм. Это дело его совести и его убеждений. Солженицын никому не изменял и никого не предавал. Сегодня Солженицын противник марксизма, и он не скрывает этого.

Марксизм, конечно, не погибнет, потеряв одного из своих приверженцев. Мы думаем даже, что марксизм только выиграет от полемики с таким противником, как Солженицын. Иметь такого противника всё же гораздо лучше для марксизма, чем иметь таких «защитников», как Сергей Михалков или Александр Чаковский. Ничего не стоила бы такая «научная» идеология, которую нужно навязывать людям только силой или угрозой применения силы. К счастью, подлинно научный социализм в этом не нуждается.

27 января 1974 г.

Дошедшие до составителей частные письма как рисуют отношение потенциальных читателей (пока лишь слушателей) «Архипелага» к книге, так и свидетельствуют об уровне закулисной линии погромной кампании — многочисленных лекций официальных пропагандистов.

...Чем больше я слушаю «Архипелаг» по радио (кое-как, пополам с помехами и глушением), тем больше диву даюсь, как автор умеет раскрыть читателю некоторые истины, до которых читатель (т. е. в данном случае я сам) не допёр за несколько десятилетий. А ведь после первых передач у меня сложилось мнение о книге куда более скромное (особенно по сравнению с «Раковым корпусом» и «В круге первом»). Теперь мне ясно, какую роль сыграет книга не только в истории развития русской общественной мысли, но и за рубежом. Какие бы оценки ни давались книге официальными инстанциями западных коммунистических партий — всё равно, прочитав ее, многие, многие коммунисты поймут, что рус-

ская модель социализма — не та, которая нужна им. Словом, значение книги для человечества очевидно. Отрадно констатировать, что, учитывая развитие событий за последние недели, есть основания признать оценку Генриха Бёлля, сказавшего, что «Солженицын выиграл битву с КГБ». Одновременно грустно сознавать, каких огромных издержек стоит автору феноменальное противостояние ураганному потоку клеветы, направленному против него за последние 1,5 месяца. А ведь этих издержек можно бы избежать, и жизнь Неистового Правдолюбца не сократилась бы на несколько, может быть, лет... До чего же несправедливы преследования людей, которые являются гордостью не только нации, но и всего человечества...

...Все, с кем я говорил по этому поводу, недовольны тем, что публикуемые нашими газетами отклики на «Архипелаг» совершенно недостаточно аргументированы и не содержат цитат из книги, которые подтверждали бы убийственные выводы и оценки. Меньшинству моих собеседников «Архипелаг» внушил еще большее восхищение мужеством и бескомпромиссностью автора, а действия его критиков в глазах этого меньшинства окончательно разоблачили их (критиков) как клеветников и дезинформаторов. Интересен один факт. Недавно в одном из домов культуры нашего города читал лекцию о международном положении канд. историч. наук, американист, некий Олещук. В числе присланных ему вопросов был такой: почему-де наньчаться с предателем, изменником родины Солженицыным? Лектор ответил, что, во-первых, он вряд ли может что-либо добавить к тому, что сообщалось в газетах. Во-вторых, сказал он, то, что в газетах Солженицына называют предателем и т. п., еще не есть юридическое доказательство факта предательства (получалось, что в газетах позволительно писать, что угодно, не имея доказательств), и привлекать Солженицына к ответственности пока, по-видимому, нет оснований. В-третьих, сказал лектор, нужно учесть чрезвычайно сложную обстановку вокруг этого вопроса. Когда приезжаешь в Штаты и начинаешь разговаривать с американцами, то не менее 50% задаваемых ими вопросов составляют вопросы, касающиеся Солженицына. Ясно, что обстановка такая напряженная, что тронуть его нельзя...

...31 января в библиотеке им. Ленина для агитаторов был сделан доклад о международном положении, докладчик — полковник политуправления Нефедьев.

— Сколько я ни искал на картах, такого архипелага найти не смог.

— Роман вышел во Франции, и мы в настоящее время предупредили Помпиду, что если он не прекратит газетную шумиху вокруг романа, то мы откажем ему в предстоящем визите.

— Многие требуют высылки или ареста Солженицына, но в таких условиях репрессии по отношению к нему только дали бы дополнительный материал для антисоветской пропаганды...

...1 февраля 1974 г. в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы на семинаре профессорско-преподавательского состава лектор отдела пропаганды ЦК КПСС Смирнов говорил:

— О «социальных корнях» А. И. Солженицына и подобных ему (инсценировав якобы посланную ему записку). Ответ очень прост: Солженицын — сын крупного землевладельца — комментарию излишни.

Лектор характеризует личность Солженицына:

— В 1945 г. был арестован за то, что был пойман с поличным (находясь в армии) — за распространение среди крестьян окружающих сел манифеста, призывающего к свержению власти Сталина. Но Солженицын был не главное лицо (главное было в Москве), и потому получил за это только 8 лет. (Главное лицо тоже было арестовано). Он отбыл срок, был выпущен в 1953 г. и тогда же взялся за «Ивана Денисовича». Эта ужасная, грязная книга вышла только благодаря настояниям Хрущева. Я и сейчас слышу, как долго он топал у нас в отделе, требуя ее публикации, и кричал: «Какой же вы отдел пропаганды и агитации ЦК, если вы не поддерживаете первого секретаря?»

Вслед за этим хлынул поток грязной лагерной литературы, в котором виноват один только Хрущев. Вы знаете эти книги, их были — во! (показывает рукой) — стопы! Часть из них мы не допустили до публикации. И что тогда сделали авторы всей этой писанины? Они направили всю эту невышедшую литературу Солженицыну: дескать, тебе удалось прорваться — помоги и нам! И вот из всех этих отходов он и состряпал свой «Архипелаг».

«ГУЛаг» был написан недавно, чтоб создать напряжение и помешать разрядке международной напряженности. И около полу-

года назад была схвачена женщина с поличным — она хотела передать эту книгу (по просьбе Солженицына) за границу. В другой раз это ему удалось, и вот книга вышла.

(Лектор говорит о власовцах и т. д.).

Женился он второй раз на Наталье Светловой. Говорят, что счастливо женился. Его жена — дочь нашего дорогого поэта Михаила Светлова. Она училась в аспирантуре в Институте рабочего движения — вы подумайте! — и кем стала!

Вот в зале говорят (никто не говорил) — что такого посадить надо, а Михалков требует, чтоб его лишили прав гражданства. Но нам заявляют, что если хоть волос упадет с его головы, то никакого европейского совещания не будет. Ну, мы не трогаем его — пожалуйста — но он наказан самым страшным — презрением своего народа. Его друзья за границей (З. Шаховская и проч.) возвещают его величайшим писателем современности. Но он не поедет туда: ведь он понимает, что его ждет судьба однодневок (лектор сравнивает его судьбу с судьбой Светланы Аллилуевой)...

Особая линия нападения на писателя представлена Агентством печати Новости, давно проявлявшим повышенный интерес к частной жизни Солженицына, истории его семьи и семейных отношений и т. п. АПН не только выпускало на основных европейских языках сборники статей из советской прессы о Солженицыне, но и поставляло на Запад — непосредственно или через подставных лиц — любые материалы, которые могли бросить тень на писателя.

После выхода «Архипелага ГУЛАг» АПН организовало интервью французского журналиста Р. Ляконтра с бывшей женой писателя Н. А. Решетовской, которая, в частности, заявила, что «Архипелаг» — сборник лагерного фольклора.

О другом интервью, устроенном в помещении АПН, мы узнаём из «Заявления прессе» А. И. Солженицына 2 февраля 1974 года.

В декабре, еще не публиковался „Архипелаг“, лекторы московского горкома КПСС (например, КАПИЦА в Госплане) заявляли дословно „Солженицыну мы *долго ходить не дадим*“. Эти обещания властей вполне совпадали с псевдо-

бандитскими письмами, в которых добавлялись только череп и скрещенные кости. Вышел в свет „Архипелаг“ — и любимый знак бандитов перешел из анонимных писем на витрину Союза художников, а угрозы убить — в телефонную атаку („приговор приведем в исполнение!“). Эту телефонную атаку на мою семью — двух женщин и четырех детей, хулигански вели агенты госбезопасности в две смены — с 8 утра до 12 ночи, кроме суббот и воскресений, когда у них законные выходные.

А визгливая кампания газет направлена, собственно, не на меня: заполняй они бранью хоть целые полосы, они все вместе не испортят мне одного рабочего дня. Газетная кампания направлена против нашего народа, против нашего общества: оглушить, ошеломить, испугом и отвращением откинуть соотечественников от моей книги, затоптать в советских людях *знание*, если оно прорвется через глушилки. Сыграть и на низких инстинктах — у Солженицына три автомашины, буржуй! — кто ж и где опровергнут всевластных лгунов, что никаких трех машин нет и не было, а передвигаюсь двумя ногами да троллейбусом, как не унижиться самый последний корреспондент ТАССа. Сыграть и на высоком возмущении: он оскверняет могилы павших в Отечественной войне! Через башни газетной лжи кто ж доберется, что моя книга — совсем не об этой войне и не о двадцати миллионах наших павших, но о других ШЕСТИДЕСЯТИ миллионах, истребленных войною внутренней за 40 лет — замученных тайно, замороженных на безлюдьи, выморенных голодом целых республик?

Недели назад еще был честный путь: признать правду о минувшем и так очиститься от старых преступлений. Но судорожно, но в страхе животном решились стоять за ложь до конца, обороняясь газетными бастионами.

Защита мирового общественного мнения пока не дает ни убить автора, ни даже арестовать: то было бы лучшим подтверждением книги. Но остается путь клеветы и личной дискредитации, за это теперь и принимаются дружно. Вот вызван из провинции мой бывший однодезлец Виткевич и, сохраняя свою научную карьеру, он через АПН, этот испы-

танный филиал КГБ (они ему дружески показали протоколы следствия 1945 года, пошел бы кто добился другой!), похваливает следствие тех времен: „следователь не нуждался искажать истину“. 29 лет он не ставил упреков моему поведению на следствии — и до чего же вовремя попадает теперь в общий хор. Отлично знает он, что от моих показаний не пострадал никто, а наше с ним дело было решено независимо от следствия и еще до ареста: обвинения взяты из нашей подцензурной переписки (она фотографировалась целый год) с бранью по адресу Сталина и потом — из „Резолюции № 1“, изъятой из наших полевых сумок, составленной нами совместно на фронте и осуждавшей наш государственный строй. Вспоминает мои „показания на суде“, а надо мной и суда не было, заочное ОСО. Верно пишет он, что мы „принадлежим к разным людским категориям“: настаивал он на забвении всех смертей и мук, своих и чужих, да это только начало. Вот выловят, заставят лгать свидетелей, попутчиков, встречных моей полuveковой жизни. Вот и из бывших эзков, недострелянных, недомученных, выжмут заявления, что они не страдали, что их не пытали, что не было Архипелага.

У ЦК, КГБ и у наших газетных издательств, сегодня тайком нарасхват читающих „Архипелаг“, нет уровня понять, что я о себе самом рассказал в этой книге сокровенное, много худшее, чем всё плохое, что могут сочинить их угодники. В этом — и книга моя: не памфлет, но зов к раскаянию.

Вся сегодняшняя газетная свистопляска, в которую вкружились именитые деятели искусств (а другие с твердостью отrekliсь, и идет молва об их мужестве) — вся эта кампания есть бой против совести народа, против правды для народа. Перегораживая ее черными фалдами, взмахами крыльев, решила рогатая нечисть на этот безнадежный бой перед заутреней, чтобы протянуть свою власть над человеческими душами. Но чем отчаянней они мажут черным, тем полней им отдастся, когда узнается правда.

Наш народ уже полвека добывает ее только разгребаньем ото лжи. Научились люди, уже знают, зачем и когда

так избыточно вопят. Притекает ко мне поддержка — в телефонных же звонках, в достигших письмах, записках от названных и неизвестных людей,

„От уральцев. Всё понимаем. Так держать, браток! Группа рабочих“.

Пишут одиночные протесты в газеты, предвидя все гибельные последствия для себя. Вот и публично выступили бестрашные трое молодых — БОРИС МИХАЙЛОВ, ВАДИМ БОРИСОВ, ЕВГЕНИЙ БАРАБАНОВ (у каждого — малые дети), ничем не защищенные, кроме правоты. Быть может, раздавят и их, и меня, но не раздавят правду, сколько б еще знаменитых жалких имен не подцепили к черному хорооводу.

Я никогда не сомневался, что правда вернется к моему народу. Я верю в наше раскаяние, в наше духовное очищение, в национальное возрождение России.

Несколько позже А. И. Солженицын добавил новые впечатляющие факты о деятельности и связях сотрудников АПН:

ОБ АГЕНСТВЕ ПЕЧАТИ „НОВОСТИ“

В заявлении 2 февраля я указал на поразительную связь между Агентством печати „Новости“ и Комитетом государственной безопасности: протоколы следствия, хранящиеся в ГБ и не показываемые никому по самым настойчивым ходатайствам, были любезно предоставлены Николаю Виткевичу „журналистами“ (как он сказал об этом в интервью с корреспондентом „Монитор“, устроенном АПН, и уже написав для АПН требуемый документ).

Из моего частного опыта известен и другой поразительный случай: среди тех *сотрудников АПН*, которые помогали моей бывшей жене Решетовской 5-6 марта 1973 г. писать письмо в „Нью-Йорк Таймс“, один имел предписание, которое и выполнил в тот же день:

1 отдел 5 управления
Ленинградское УКГБ
при СМ СССР

Широнин
Носыреву Д. П.

6 марта вечерним поездом из Москвы в г. Ленинград в сопровождении «НН» выезжает жена «Паука» — Решетовская Наталья Алексеевна. Просим вас дать указание продолжать мероприятие «НН» в отношении Решетовской, выявлять посещаемые адреса.

В Ленинграде Решетовская ориентировочно пробудет до 19 марта.

Зам. начальника 5 управления КГБ при СМ СССР
ген.-майор Никишкин

Обращает внимание и легкость, с какою АПН получает из милиции справки о частной жизни граждан для своих публикаций. Многозначительна и псевдонимность ее комментаторов: „Семен Владимиров“ в глаза трусливо отказывался от своего имени перед моей женой. И вовсе удивляет железная система пропусков, установленная на входе в АПН: туда нельзя проникнуть неприглашенному, что очень странно для Агентства Печати, собирающего все возможные новости.

Я уже не говорю о *направлении* публикаций АПН, начиная с его статьи против Нобелевской премии, присужденной мне: для независимого агентства печати совсем непонятное раздражение.

А. Солженицын

Видимо сочтя, что «общественное мнение» в должной мере подготовлено, власти решились на официальные шаги. Их угрожающий смысл был очевиден с самого начала.

8 февраля, в отсутствие писателя, на московскую квартиру Солженицыных явился сотрудник московского уголовного розыска Ю. В. Репин (согласно предъявленному удостоверению). Он пытался вручить жене писателя повестку на имя А. И. Солженицына с вызовом в прокуратуру СССР. Повестка была подписана прокурором А. Балашовым. Причи-

на вызова в ней указана не была. Н. Д. Солженицына повестку принять отказалась.

11 февраля Репин явился вторично и вручил, на этот раз самому писателю, вызов аналогичного содержания. Уходя, посыльный уносил ответ А. И. Солженицына, приклеенный вместо подписи к бланку повестки:

ПРОКУРАТУРЕ СОЮЗА ССР, в ответ на ее повторный вызов.

В обстановке непроходимого всеобщего беззакония, многолетне царящего в нашей стране (а лично ко мне — и 8-летней кампании клеветы и преследований), я отказываюсь признать законность вашего вызова и не явлюсь на допрос ни в какое государственное учреждение.

Прежде чем спрашивать закон с граждан, научитесь выполнять его сами. Освободите невинных из заключения. Накажите виновников массовых истреблений и ложных донощиков. Накажите администраторов и спецотряды, производившие геноцид (высылку **НАРОДОВ**). Лишите *сегодня* местных и отраслевых сатрапов их беспредельной власти над гражданами, помыкания судами и психиатрами. Удовлетворите *миллионы* законных, но подавленных жалоб.

А. Солженицын

11 февраля 1974 г.

ЗАКОН СЕГОДНЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ЭТОГО ОТРЫВКА В „НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС“

Настойчивые вызовы в прокуратуру вынудили меня публично высказаться о нынешнем состоянии законности (беззакония) в нашей стране. Это побуждает меня и более подробно истолковать мою мысль, для чего я прежде времени публикую отрывок из 7-й части „Архипелага ГУЛаг“. Как указано, книга моя посвящена периоду 1918-1956. Однако в 7-й части ее („СТАЛИНА НЕТ“) есть страницы, посвященные и нынешнему состоянию. Оттуда и взяты эти страницы.

ЗАКОН наш могуч, выворотлив, непохож на всё, называемое на Земле „законом“.

Придумали глупые римляне: „закон не имеет обратной силы“. А у нас — имеет! Бормочет реакционная старая пошловица: „закон назад не пишется“. А у нас — пишется! Если вышел новый модный Указ и чешется у Закона применить его к тем, кто арестован *прежде* — отчего ж, можно! Так было с валютчиками и взяточниками: присылали с мест, например из Киева, списки в Москву — отметить против фамилий, к кому применить *обратную силу* (увеличить катушку или подвести под *девять грамм*). И — применяли.

А еще наш Закон совершенно *не помнит* греха ЛЖЕ-СВИДЕТЕЛЬСТВА — он вообще его за преступление не считает! ЛЕГИОН лжесвидетелей благоденствует среди нас, шествует к почтенной старости, нежится на золотистом закате своей жизни. Это только наша страна одна во всей истории и во всем мире холит лжесвидетелей!

А еще наш Закон не наказывает судей-УБИЙЦ и прокуроров-УБИЙЦ. Они все почетно служат, долго служат и благородно переходят в старость.

А еще не откажешь нашему Закону в *метаниях*, в шараханьях, свойственных всякой трепетной творческой мысли. То шарахается Закон: в один год резко снизить преступность! — меньше арестовывать, меньше судить, осужденных брать на поруки! А потом шарахается: нет изводу злодеям! Хватит „порук“! Строже режим, крепче сроки, казнить негодяев!

Но несмотря на все удары бури — величественно и плавно движется корабль Закона. Верховные Судьи и Верховные Прокуроры — опытные, их этими ударами не удивишь. Они проведут свои Пленумы, они разошлют свои Инструкции — и каждый новый безумный курс будет разъяснен как давно желанный, как подготовленный всем нашим историческим развитием, как предсказанный Единственно Верным Учением.

Ко всем метаньям готов корабль нашего Закона. И если завтра велят опять сажать миллионы за образ мышления или ссылать целиком народы (те же или другие) или мятежные города и опять навешивать четыре номера — его могучий корпус почти не дрогнет, его форштевень не погнется.

И остается — державинское, лишь тому до сердца внятное, кто испытал на себе:

Неправый суд разбоя злее.

Где ж возможно это, при каком другом земном Законе, кроме нашего? — навешивали ЧЕТВЕРТНЫЕ железными хомутами, концы сроков — 70-е годы! Вдруг новый кодекс (1961) — не выше 15 лет. Да юрист-первокурсник и тот понимает, что стало быть отменяются те 25-летние сроки. А у нас — не отменяются! Хоть хрипи, хоть головой об стенку бейся — не отменяются.

Это — люди, не попавшие в эпидемию хрущевских освобождений, наши покинутые однобригадники, однокамерники, встречные на пересылках. Мы их давно забыли в своей восстановленной жизни, а они все так же потерянно, угрюмо и тупо бродят все на тех же пятачках вытоптанной земли, всё меж теми же вышками и проволоками. Меняются

портреты в газетах, меняются речи с трибун, борются с культом, потом перестают бороться — а 25-летники, сталинские крестники, все сидят...

Холодящие тюремные биографии некоторых — приводит Караванский.

О, свободолюбивые „левые“ мыслители Запада! О, левые лейбористы! О, передовые американские, германские, французские студенты! Для вас — этого мало всего. Для вас — и вся моя эта книга сойдет за ничто. Только тогда вы сразу всё поймете, когда „р-руки назад!“ потопаете с а м и на наш Архипелаг.

Действительно, *политических* — теперь несравнимо со сталинским временем: счет уже не на миллионы, и не на сотни тысяч.

Оттого ли что исправился ЗАКОН? Или изменилось направление корабля?

Раньше любого легко было убрать по 58-10, даже и портного, воткнувшего иголку в газету. Теперь же любого неугодного можно убрать по *бытовой*. Много издано, напечатано Основ, Указов, Законов, противоречивых и согласованных, — но не по ним живет страна, не по ним арестовывают, не по ним судят, не по ним экспортируют. Лишь в тех случаях, когда предмет следствия и судоразбирательства не затрагивает ни интереса государства, ни царствующей идеологии, ни личных интересов или покойной жизни какого-либо должностного лица — в этих случаях судебные разбиратели могут пользоваться такой льготой: никуда не звонить, ни у кого не получать *указаний*, а судить — по сути, добросовестно. Во всех же остальных случаях, подавляющем большинстве их, уголовных ли, гражданских — тут разницы нет, — не могут не быть затронуты важные интересы председателя колхоза, сельсовета, начальника цеха, директора завода, заведующего ЖЭКом, участкового милиционера, уполномоченного или начальника милиции, главного врача, главного экономиста, начальников управлений и ведомств, спецотделов и отделов кадров, секретарей райкомов и обкомов партии — и выше, и выше! — и во всех этих случаях из одного покойного кабинета в другой звонят, звонят неторопливые, негромкие голоса и дружески

советуют, поправляют, направляют — к а к надо решить судебное дело маленького человечка, на ком схлестнулись непонятные, неизвестные ему замыслы возвышенных над ним лиц. И маленький доверчивый читатель газет входит в зал суда с колотящейся в груди правотою, с подготовленными разумными аргументами, и, волнуясь, выкладывает их перед дремлющими масками судей, не подозревая, что приговор его уже написан — и НЕТ апелляционных инстанций, и НЕТ сроков и путей исправить зловещее корыстное решение, прожигающее грудь несправедливостью.

А есть — СТЕНА. И кирпичи ее положены на растворе лжи.

Эту главу мы называли „Закон сегодня“. А верно назвать ее: ЗАКОНА НЕТ.

Всё та же коварная скрытность, всё та же мгла неправоты висит в нашем воздухе, висит в городах пуще дыма городских труб.

Вторые полвека висится огромное государство, стянутое стальными обручами, и обручи — есть, а закона — НЕТ.

A P E C T

И ЗАКОН НЕ ЗАМЕДЛИЛ ПОКАЗАТЬ СЕБЯ

12 февраля, в 17 часов вечера, в квартиру писателя обманом и силой ворвались восемь человек. Они заметно волновались и от волнения были крайне грубы. На некоторых была милицмейская форма. ОПЕРАЦИЕЙ руководил старший советник юстиции ЗВЕРЕВ. А. И. Солженицыну было предъявлено постановление о ПРИВОДЕ в прокуратуру.

Автор «Архипелага ГУЛаг» хорошо знал, с кем имеет дело. Он понимал, что это — арест. Небольшое количество вещей, необходимых в тюрьме, было собрано заранее. Но когда жена подала ему их, один из насильников скривился: «Не ломайте комедию! Он скоро вернется».

Солженицын не вернулся. Как стало известно позже, вещи, взятые им из дома (в том числе одежда), были СОЖЖЕНЫ в Лефортовской тюрьме. Именно туда, а не в прокуратуру, в тот вечер силой доставили А. И. Солженицына.

В 9 часов прокуратура подтвердила: да, Солженицын «задержан».

Весть об аресте молнией облетела страну.

В 10 часов вечера 12 февраля академик А. Д. Сахаров сделал по телефону заявление Канадскому радио и телевидению:

Я говорю из квартиры Солженицына. Я потрясен его арестом. Здесь собрались друзья Солженицына. Я уверен, что арест Александра Исаевича — месть за его книгу, разоблачающую зверства в тюрьмах и лагерях. Если бы власти отнеслись к этой книге как к описанию прошлых бед и тем самым отмежевались от этого позорного прошлого, можно было бы надеяться, что оно не возродится.

Мы воспринимаем арест Солженицына не только как оскорбление русской литературе, но и как оскорбление памяти миллионов погибших, от имени которых он говорит.

К заявлению присоединились присутствовавшие в квартире в такой последовательности: Игорь Шафаревич, Лидия Чуковская, Елена Боннэр, Андрей Твердохлебов, Юлий Да-

ниэль, Татьяна Литвинова, Александр Бабёнышев, Татьяна Ходорович, Ирина Гинзбург, Наталья Горбаневская, Вадим Борисов, Виктор Тимачёв и другие.

АРЕСТОВАН СОЛЖЕНИЦЫН

Наступило пятое действие драмы.

Позор стране, которая допускает, чтобы оскорбляли ее величие и славу.

Бедя стране, у которой щипцами вырывают язык.

Несчастье народу, который обманывают.

Благословение и поддержка человеку, который сейчас, грубо разлученный с семьей и друзьями, оболганный перед своим народом — вот сейчас, сию минуту! — ведет свой беззвучный поединок с незаконным насилием.

12 февраля 1974 г.
23 часа. Москва

Лидия Чуковская

АРЕСТ СОЛЖЕНИЦЫНА

Истекают последние часы, отпущенные нашему государству на проверку: способно ли оно на политику мира — с Правдой. Есть ли у него другой ответ, кроме насилия и жестокости, — не на взрыв и убийство премьера, не на убийство судь, даже не на демонстрации — а на правду, сказанную великим писателем.

Это испытание и всего мира. Заседали в общих комиссиях и слушали речи Вышинского (какая несправедливость к Эйхману!), любезно встречали министра здравоохранения (не в насмешку ли так называемого?), санкционировавшего заточение неугодно мыслящих в сумасшедшие дома... Неужели не хватит мужества остановиться на этом пути?

Но больше всех это проверка для нас, соотечественников Солженицына. Некогда Иосиф Виссарионович Сталин назвал нас всех «винтиками» и любовно поднял тост за здоровье «винтиков». Истекает время убедиться: может быть, Мудрый Вождь был и прав, выше винтиков нас назвать и нельзя, была бы только хорошая смазка — и будем вертеться в нужном направлении, вплоть до износа.

12 февраля 1974

И. Шафаревич

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕССЕ

Я резко осуждаю арест Александра Солженицына. Это новая атака на гражданские права. Это месть отважному автору за разоблачение чудовищных преступлений, которые имели место не так давно и за которые несут ответственность многие высокопоставленные лица.

Солженицын не только есть совесть русского народа. Он также является совестью всех народов этой страны. Он обращается к каждому с тем, что ничего хорошего не может быть построено на крови десятков миллионов невинно замученных людей.

Я обращаюсь ко всем честным людям во всем мире защитить Солженицына от нового процесса. Я особенно обращаюсь к евреям. Они должны понять, что положение советских евреев очень сильно зависит от положения борцов за гражданские права в этой стране.

Я также осуждаю постыдное поведение иностранных компартий в деле Солженицына. Оно показывает, что большинство этих партий превратилось во врагов свободы и демократии и в убежище дельцов, делающих выгодный бизнес на страданиях советского народа.

М. Агурский

13 февраля 1974 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ

Я потрясен арестом А. И. Солженицына.

Я уверен, что Солженицын с его несравненным мужеством и стойкостью сумеет перенести это новое испытание.

Суд над великим писателем и великим гражданином был бы несмыслаемым позором для Советского Союза.

Я призываю власти нашей страны немедленно освободить Солженицына.

Рой Медведев

13 февраля 1974 г.
Москва

Александра Солженицына — великого писателя, борца за справедливость, знают и чтут десятки миллионов людей доброй воли во всем мире. Александра Солженицына-человека мне выпало счастье узнать 27 лет тому назад, я был вместе с ним — заключенным, переписывался с ним — ссылным, тяжело больным, когда ему грозила смерть от рака, встречался с ним — школьным учителем, видел его писателем, который стремительно обрел всемирную и всенародную известность, когда им восхищались лучшие мастера нашей литературы: Ахматова, Твардовский, Чуковский, Паустовский, когда его восхваляли в газетах и журналах, с почетом принимали в Кремле, Союз писателей выдвигал на Ленинскую премию, когда перед ним заискивали именитые коллеги и сановники.

Я наблюдал его прославленным лауреатом Нобелевской премии и уже вновь гонимым, преследуемым клеветой, руганью, угрозами, но вместе с тем счастливым мужем и отцом, верным другом, неутомимым работником слова.

И всегда, везде, в горе и радости он оставался неколебимо целеустремленным, одержимым одною страстью — сознанием своего писательского, гражданского долга, сознанием, что он должен высказать то, чего не сказали миллионы умолкших: — казненных, убитых, замученных пытками, голодом, каторжным трудом, — чего не говорят миллионы безмолвных: — обманутых, запуганных или скованных вязкой рутинной.

Александр Солженицын — прямой наследник благородных традиций русской литературы, традиций Герцена, Льва Толстого, Достоевского, Короленко, молодого Горького. Он развивает наследие их действенного человеколюбия в беспрецедентном единоборстве с оглушительной ложью и всевластным насилием.

Арест Солженицына — тяжелый удар для него, для его семьи, друзей, читателей. Однако в то же время это его новая нравственная победа, подтверждение истинности и злободневности его последней книги. Этот арест — действие саморазоблачительного и безрассудного произвола. Но пока Солженицын в заключении — никто в нашей стране, да и во всем нашем неделимом мире, не может чувствовать себя в безопасности.

Л. КОПЕЛЕВ, литератор,
член Международного «Пен-клуба»

13 февраля 1974 г.

МОСКОВСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Официозная статья газеты «Правда» «Путь предательства» заканчивается словами: «Солженицын удостоился того, к чему стремился, участи предателя, от которого не может не отвернуться с гневом и презрением каждый честный человек на земле».

Однако все, кто знаком с книгой Солженицына, вызвавшей такой гнев руководящих деятелей СССР, знает, что его «предательство» заключается в том, что он с потрясающей силой раскрыл всему миру чудовищные преступления, совершавшиеся в СССР в недавнем прошлом. Десятки миллионов невинных людей: коммунистов и некоммунистов; атеистов и верующих; интеллигентов, рабочих и крестьян; людей самых разных национальностей пали жертвой террора, прикрывавшегося лозунгами социальной справедливости.

Мы требуем:

- 1) Опубликовать «Архипелаг ГУЛаг» в СССР и сделать его доступным каждому соотечественнику.
- 2) Опубликовать архивные и иные материалы, которые дали бы полную картину деятельности ЧК, ГПУ, НКВД, МГБ.
- 3) Создать международный общественный трибунал по расследованию совершенных преступлений.
- 4) Оградить Солженицына от преследований и дать ему возможность работать на родине.

Мы заранее отвергаем попытки объявить международный сбор подписей под нашим воззванием вмешательством во внутренние дела СССР, тем более, что жертвами террора явились не только граждане СССР, но и сотни тысяч граждан других стран. Правда о том, что произошло в СССР, нужна всем людям на земле.

Мы просим все средства массовой информации распространить наше воззвание. Мы также просим все культурные, общественные, религиозные организации создать национальные комитеты для сбора подписей под прилагаемым воззванием.

А. Сахаров, Е. Боннэр, В. Максимов,
М. Агурский, Б. Шрагин, П. Литвинов,
Ю. Орлов, свящ. С. Желудков,
А. Марченко, Л. Богораз.

13 февраля 1974 г.
Москва

ИЗГНАНИЕ

Как можно установить сейчас, в тот вечер, 12 февраля, в Лефортовской тюрьме, А. И. Солженицын сразу же отказался от какой бы то ни было формы участия в следствии и больше не произнес ни слова. Вслед за этим ему было предъявлено обвинение по ст. 64 УК РСФСР в «измене Родине». Обвинение было подписано старшим советником юстиции Зверевым. Предъявил обвинение заместитель Генерального прокурора СССР Маляров.

Ночь с 12 на 13-е Солженицын провел в камере Лефортовской тюрьмы.

В середине следующего дня по Москве поползли смутные и зловещие слухи. Западное радио, ссылаясь на секретариат Генриха Бёлля, сообщило, что Солженицын самолетом летит в ФРГ. Каждый час приносил новые противоречивые сообщения: то правительство земли Северный Рейн-Вестфалия заявляло о том, что Солженицын уже находится на территории ФРГ и в машине направляется на дачу Бёлля, то федеральное правительство опровергало эти сведения.

Но после официального сообщения правительства ФРГ о том, что оно согласилось на предложение Кремля принять изгнанного писателя на свою территорию, стало ясно: СОЛЖЕНИЦЫНА ЛИШИЛИ РОДИНЫ.

Вечером 13 февраля об этом сообщило московское радио.

ИЗГНАНИЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

В России литература никогда не была развлечением, имела цель более высокую даже, чем нравственное совершенствование, — это был орган народной души, помогавший отличить правду от лжи, выразить смутные импульсы совести народа. Ранить литературу — значит поставить под смертельную угрозу духовную жизнь народа.

А по ней сыплются удар за ударом, уже которое десятилетие: от расстрела Гумилева до депортации Солженицына. И мы молчим и рожаем детей, которых воспитываем, чтобы и они молчали.

Пора ужаснуться и опомниться! В какой стране будет жить нынешняя молодежь, какую родину станут любить наши дети, если мы с равнодушным молчанием будем глядеть, как отрывают от тела России чудом ей данного и сохраненного великого писателя? А может, и молчать не будем: единодушно осудим его на собраниях и пойдем домой смотреть телевизоры?

И. Шафаревич

13 февраля 1974

Геннадий ТРИФОНОВ

АЛЕКСАНДРУ СОЛЖЕНИЦЫНУ

Неправый суд разбоя злее.
А что до истины — она
блестит звездой за Енисеем,
где, убиенная злодеем,
она и по сей час мертва.
Кто воскресил ее? Не я.
Но мой свирепый современник —
ГУЛАГА мученик и пленник, —
чья участь обожгла меня!
И вот теперь, сей час, сей миг,
из глубины прискорбных книг,
словами, что больнее всех
слов, существующих на свете,
пролился над Россией свет —
единственный на всей планете
свет Истины. Благодарю!
Благодарю, что стало можно
исчислить по календарю
и собственной почуть кожей
весь ужас прошлого. Оно
из преисподних куш и звуков,
ко мне протягивая руки
т е х миллионов, режет слух мой,
которому внимать дано.

И я внемлю. Я человек
тот маленький и тот ничтожный,
кто, на себя взваливши век,
рискует время подытожить.
А Вы — вне Родины! Без Вас
Россия вновь осиротела.
На Правды сгорбленное тело
отныне не умрет для нас.

Ленинград
13 февраля 1974 г.

С О О Б Щ Е Н И Е Т А С С

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР ЗА СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ
СОВЕРШЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ, НЕ СОВМЕ-
СТИМЫХ С ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ К
ГРАЖДАНСТВУ СССР И НАНОСЯЩИХ
УЩЕРБ СОЮЗУ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИ-
СТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК, ЛИШЕН
ГРАЖДАНСТВА СССР И 13 ФЕВРАЛЯ 1974
ГОДА ВЫДВОРЕН ЗА ПРЕДЕЛЫ СОВЕТ-
СКОГО СОЮЗА С О Л Ж Е Н И Ц Ы Н А И.

СЕМЬЯ СОЛЖЕНИЦЫНА СМОЖЕТ
ВЫЕХАТЬ К НЕМУ, КАК ТОЛЬКО СОЧТЕТ
НЕОБХОДИМЫМ.

13 февраля в 1 час дня в лефортовской камере замести-
тель Генерального прокурора СССР Маляров прочитал этот
Указ А. И. Солженицыну.

В чужой одежде, под сильным конвоем, сопровождавшим его и в самолете, писатель был доставлен на аэродром. Эта ОПЕРАЦИЯ на 4 часа задержала рейс Аэрофлота.

До самого момента приземления А. И. Солженицын не знал, куда его везут. И только когда самолет коснулся земли — прочитал сквозь иллюминатор надпись на чужом языке: «Франкфурт-на-Майне».

Конвой остался в самолете. ОПЕРАЦИЯ закончилась.

На аэродроме А. И. Солженицына встречали сотни людей.

Сообщение ТАСС было опубликовано в московских газетах 14 февраля, в остальных (включая и периферийное издание «Правды») — только 15-го. Тем не менее, уже 14-го в вечернем выпуске «Известий» были напечатаны «отклики» из Киева, Минска, Баку.

«По воле народа», «Известия», 14. 2. 74:

«Я, как и все рабочие завода «Динамо» им. С. М. Кирова, одобряю Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына советского гражданства и выдворении его за пределы СССР».

В. Телегин,

мастер 2-го машинного цеха завода «Динамо» имени С. М. Кирова, Герой Социалистического Труда.

«Истекая злобой и ненавистью ко всему советскому, он сам, добровольно и давно перешагнул ту границу, где кончается советское гражданство и начинается буржуазное холуйство. Еще один отщепенец пополнил мусорную свалку истории».

Иван Мележ,

лауреат Ленинской премии, народный писатель Белоруссии.

«Мы с удовлетворением встретили Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении гражданства и выдворении за пределы страны Солженицына».

З. Самедов,

Герой Социалистического Труда.
Баку.

«Я с удовлетворением встретила Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына советского гражданства и выдворении его из СССР».

Л. Мусина,

руководитель группы института «Гидропроект» имени С. Я. Жука, участник Великой Отечественной войны.

«Я уверен, что миллионы людей не только у нас, но и за пределами СССР с чувством удовлетворения воспримут сообщение о лишении Солженицына советского гражданства и выдворении его из нашей страны».

Василий Бондаренко,

Герой Советского Союза.
Киев.

«Изменнику Родины нет места на советской земле», «Вечерняя Москва», 14. 2. 72:

«Нам не по дороге»: «Мы рабочие завода имени Владимира Ильича, целиком и полностью поддерживаем это решение».

Н. Ратников, слесарь.

«Отвергнутый народом»: «С чувством глубокого удовлетворения я и мои товарищи — студенты механико-математического факультета

МГУ — узнали о выдворении из Советского Союза клеветника Солженицына».

О. Бондаренко, студентка 4-го курса.

«Злобный лжец»: «Любому терпению приходит конец. С большим удовлетворением восприняли мы весть о том, что Солженицын лишен гражданства СССР и выдворен за пределы Советского Союза».

К. Чмутов, член-корреспондент Академии наук СССР.

«Терпению пришел конец»: «Особенно нетерпима чудовищная ложь, которой полна его последняя книга, где Солженицын смеет писать о «милосердии» гитлеровцев. ... Нет, недостойн господин Солженицын высокого звания советского гражданина! Выражая волю всего нашего народа, Президиум Верховного Совета СССР лишил выродка этого звания и выдворил его за пределы нашей страны. Правильно!»

Б. Смирнов,

народный артист СССР, лауреат Ленинской премии.

«Литературный власовец»: «...писательский союз, несмотря на то что все мы разные и пишем по-разному, это огромная семья, у которой главное — общее. ... Солженицын же давно обрек себя на внутреннюю эмиграцию. ... И вот теперь он выдворен за пределы Советского Союза».

Анна Караваева.

Вы — союз единомышленников... Один ограбил партийную кассу, другой продал казенную дачу, третий положил кооперативные деньги на личную сберкнижку... За двенадцать лет своего пре-

бывания в Союзе я не помню, чтобы хоть один такой был исключен.

(Из письма Владимира Войновича в секретариат МО СП РСФСР).

**«Предательство не прощается», «Правда»,
15. 2. 74:**

«Трудно в наше время найти более мрачную и более мерзкую фигуру, чем Солженицын. ... Решение Советского правительства выдворить Солженицына из страны абсолютно справедливо со всех точек зрения. Оно с большим удовлетворением встречено всем коллективом нашего завода».

Слесари-сборщики завода автоматических линий **Н. Прокофьев, А. Григорян, Е. Лавышек**, электромонтажник **И. Акимов**, слесарь-наладчик **Ю. Костя**.
г. Минск.

«...считаем справедливым и своевременным Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына советского гражданства и выдворение его за пределы Советского Союза».

Л. Шегеда,

Герой Социалистического Труда, доярка колхоза «Коммунист».
Житомирская область.

«... с чувством облегчения прочитал я о том, что Верховный Совет СССР лишил гражданства Солженицына...»

Валентин Катаев.

«Не без чувства удовлетворения я узнал о лишении Солженицына гражданства СССР и выдворении его из нашей страны».

Опять — **Борис Смирнов,**

Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии.

«С чувством глубокого удовлетворения мы восприняли известие о том, что Президиум Верховного Совета СССР лишил А. Солженицына советского гражданства и он выдворен за пределы нашей Родины. Советскую интеллигенцию отличают прежде всего высокая гражданственность, чувство долга перед народом и государством...»

П. Александров,

Академик, Герой Социалистического труда.

А. Колмогоров,

Академик, Герой Социалистического труда.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АКАДЕМИКУ А. Н. КОЛМОГОРОВУ

Уважаемый Андрей Николаевич!

Ваша подпись стоит под письмом, осуждающим Александра Исаевича Солженицына — замечательного писателя и благородного, мужественного человека, спасшего честь русской интеллигенции, разоблачившего кровавые злодеяния сталинского режима, указавшего всему миру на опасность бесчеловечной диктатуры бюрократии.

Я не могу поверить, что Вы солидарны в душе с грязной кампанией лжи и клеветы, поднятой против Солженицына. Что же заставило Вас подписать это письмо?

Ваша подпись бессильна повредить Солженицыну, но способна опозорить Вас, навсегда уронить Вас в глазах всех порядочных людей. И потому она так больно ранит тех, кто любил и уважал Вас. Я любил Вас. Я верил в Вас. Я благоговел перед Вами. Я был счастлив, что мне довелось общаться с Вами, слушать Вас, быть Вашим современником. Я чтил Вас не только как гениального математика, создателя современной теории вероятности и теории случайных процессов, но прежде всего — как человека редкой, возвышенной души. Всё в Вас восхищало меня: и Ваш беспокойный пытливый ум, неустанно ищущий новых путей в науке, и Ваша

манера держаться, полная скромности и достоинства, глубина Ваших побуждений, Ваша забота о молодежи, Ваше бескомпромиссное служение истине, не раз явленное Вами. Вы не подписали выступление против Сахарова — все честные люди с радостью и гордостью за Вас отметили этот факт. Иначе и быть не могло, думал я. В моих глазах Вы принадлежали к тем немногим людям на земле, которые воплощают в себе высший цвет человеческого духа, высшие идеалы Разума и Добра.

И вот — Ваша подпись, с новой силой ставящая роковой вопрос о гении и злодействе. Да, двадцатый век показал нам, что многие незаурядные, одаренные люди способны делать подлости, писать доносы, пресмыкаться перед господствующим злом. Но мы верили, что существует уровень гениальности, несовместимый с моральной низостью, что существуют сияющие вершины человеческого духа, на которых нет места ничему мелкому, корыстному и трусливому. Ибо Истина неделима. Ибо подлинно великий ученый не может не быть великим человеком. Чему же нам верить теперь? Подумайте, что Вы делаете, что Вы разрушаете! Где теперь искать нам критерии Разума и Добра, если такие люди, как Вы, предают их, — ведь эти критерии не существуют вне людей. Как теперь посмотрите Вы в глаза Вашим школьникам? Вашим студентам? Чему научит их Ваш пример?

Вы предали не Солженицына — Вы предали себя, предали Науку, предали великую цепь лучших умов человечества, погибших, защищая и утверждая истину. Я понимаю, угрозой жестокого насилия можно заставить человека пойти на сделку со своей совестью, хотя во все эпохи находились люди, не отступавшие и под пытками. Но что угрожало Вам, всемирно прославленному ученому, члену многих академий, лауреату премии Больцано? Какой страшной угрозой вырвали у Вас эту позорную подпись?

Непостижимость, иррациональная чудовищность Вашего поступка заставляет меня искать наивных объяснений. Быть может, Вы введены в заблуждение? Вы не читали Солженицына, не представляете себе его истинного значения? Или, может быть, Вы не согласны с теми или иными его взглядами? Но Вам ли не знать, что спорить можно лишь в честной взаимной дискуссии, что оголтелая, черносотенная травля — не способ утверждения истины.

Через несколько дней я уезжаю, чтобы соединиться с народом, в неравной борьбе отстаивающим идеалы свободы и гуманиз-

ма. Я покидаю Россию — страну родной мне природы, языка и культуры. Нелегко далось мне это решение, но если бы мне еще нужны были доказательства необходимости этого шага, одна Ваша подпись склонила бы чашу весов. Поистине, Бог отступился от этой страны, если такие люди, как Вы, марают себя грязью предательства. Гений служит здесь злодейству, помогает и прикрывает преступления против человечества.

Подумайте, во имя чего Вы навеки пятнаете себя? Подумайте, что если подписанное Вами письмо, полное трусливой клеветы и рабской угодливости, будет Вашим последним выступлением перед миром?

У Вас есть единственный способ спасти свое доброе имя в глазах современников, спасти свою память в глазах потомков. Заявите громко, заявите так, чтобы услышал весь мир, что эта подпись — тяжелое недоразумение. Я знаю, это нелегко. Гораздо труднее подняться после падения, чем устоять на ногах. Но это необходимо. Только так Вы искупите свою вину перед самим собой, перед Разумом, который Вы воплощаете. Сделайте это, очистите свою душу от пятна недостойной сделки, и Ваш светлый облик воссияет вновь и навеки.

Лев ЛЕВИТИН

18 февраля 1974 г.
Москва, Сторожевая ул.,
д. 30, корп. 2, кв. 26

«Удел изменника», «Известия», 15, 2. 74:

«С чувством глубокого удовлетворения все мы, советские люди, восприняли Указ Президиума Верховного Совета СССР...»

М. Царев, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда.

«И вполне естественно то единодушное возмущение рабочих заводов и фабрик, тружеников колхозов и совхозов, работников культуры и науки...»

И. Вылегжанин, машинист.

«Великая русская литература всегда смотрела на мир любящими глазами творца. Она создавалась чистыми руками, но не подлым пером Фаддея Булгарина. К сожалению последний оказался не бездетным».

Д. Кугультинов, народный поэт Калмыкии.

«Для меня советская власть означает свободную, счастливую, радостную жизнь».

З. Азгур, народный художник СССР.

«Трудящиеся Латвии... избрали жизненный путь, озаренный светом ленинских идей, и более тридцати лет совместно с братскими народами всей Советской страны честно трудятся и благоустраивают свою жизнь».

Ян Раса, участник Великой Отечественной войны.

«Предателю по заслугам», «Комсомольская правда», 15. 2. 74:

«Он в своих книгах пытается опорочить одно из самых светлых воспоминаний советского народа — воспоминание, хранящееся в сердцах каждого из нас».

Ю. Гапон, слесарь.

«Советские ученые с чувством глубокого удовлетворения встретили справедливое решение Президиума Верховного Совета о лишении советского гражданства отщепенца Солженицына.

Л. Асланов, доктор химических наук, лауреат премии Ленинского комсомола.

«Все курсанты училища единодушно поддерживают решение Президиума Верховного Совета СССР по лишению гражданства СССР и выдворению предателя за пределы нашей страны».

В. Лотвин, курсант Московского Высшего пограничного командного Краснознаменного училища.

«Сейчас у нас прочный мир над головой. Это здорово! Можно спокойно учиться, любить, работать. У моего отца не всегда такое было».

В. Попов, студент.

М. Павленко, «По заслугам!», «Труд», 15. 2. 74: «Единодушным одобрением встретили рабочие нашего славного своими революционными традициями завода «Арсенал» Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении советского гражданства и выдворении из страны Солженицына».

М. Виленский, «Выдворянин», «Крокодил», 16. 2. 74: «Да, был в нашей истории период грубейших нарушений социалистической законности. Но XX съезд сказал об этом все, и страна пошла вперед».

«Предательства не прощают», «Сельская жизнь», 15. 2. 74:

«От имени тех, кто кормит мир, — от земледельцев, я заявляю: наш голос, наши требования были едиными. Не место клеветнику в нашем обществе!»

Д. Самойленко, слесарь.

«Финал отщепенца», Б. Никольский, секретарь правления Ленинградской писательской организации.

«Он использовал все самые омерзительные средства для того, чтобы оклеветать великий советский народ, очернить все то действительно прекрасное, что создано в нашей стране в годы социалистического строительства».

О. Сергеев, профессор Московской сельско-хозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, член-корреспондент ВАСХНИЛ.

«Нам с предателем не по пути», «Социалистическая индустрия», 15. 2. 74:

«Кому этот мрак нужен, кто в него поверит?»

Н. Фурман, токарь, Киев.

«Что было до Великого Октября на нашей родной земле? Узбекистан был окраиной царской империи, колонией. Ныне наша республика располагает высокоразвитой индустрией, сельским хозяйством. Продукция нашей промышленности экспортируется в 100 стран мира».

М. Муйдинов, слесарь, Ташкент.

«По воле народа», «Советская культура», 15. 2. 74:

«Наше государство, справедливое, гуманное, вынуждено было применить эту меру наказания».

Г. Рошаль, народный артист СССР.

«У всех у нас в памяти Саласпилс — один из многих лагерей смерти, созданных фашистами для уничтожения людей, вина которых состояла в том, что они любили жизнь и любили свою Родину. То, что происходило здесь, никогда не должно повториться. Ни здесь, ни где бы то ни было на земле! Вот почему мы приветствуем решение Президиума Верховного Совета СССР...»

Л. Буковский, скульптор, лауреат Ленинской премии.

«У нашего народа, у всех нас очень много важных, благородных, светлых дел, а люди, подобные Солженицыну, провокационно пытаются внести путаницу, сумятицу в нашу жизнь, чтобы опорочить все завоевания, все успехи советских людей».

А. Новиков, народный артист СССР.

«Как и все советские люди, с чувством глубокого удовлетворения прочитал в газетах сообщение ТАСС о выдворении из нашей страны писателя-клеветника Солженицына... После этого справедливого государственного акта нашей все-народной власти всем советским людям будет дышаться легче и воздух будет свежее на нашей предвесенней земле».

П. Васильев, народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии СССР.

«Верное решение», «Советская Россия», 15. 2. 74:

«Коллектив нашего цеха инструментально-штампового производства автомобильного завода имени Ленинского комсомола клеймит позором А. Солженицына».

Г. Родин, В. Карпов, В. Романов.

«С большим удовлетворением мы прочитали сообщение ТАСС о выдворении Солженицына из Советского Союза».

Б. Сутулов, радиомонтажник.

«Когда моя семья услышала сообщение ТАСС о лишении советского гражданства Солженицына, честное слово, сразу отлегло от сердца».

Н. Шипко, подполковник запаса.

«Выродкам и отщепенцам нет и не может быть места на нашей советской земле!»

Н. Сидельников, член Союза писателей СССР,
Воронеж.

**«Руде право» о Солженицыне, «Новое время»,
15. 2. 74:**

«Чехословацкая газета «Руде право» опубликовала 6 февраля под заголовком «Власовец с бомбой» статью заместителя главного редактора З. Горжени, в которой разоблачаются попытки Солженицына обелить в своем новом антисоветском опусе «Архипелаг ГУЛаг» преступления власовской армии: ...Реакционная печать не жалеет сил, цитируя и восхваляя Солженицына. Она также из кожи лезет вон, чтобы внушить общественности, что Прагу, дескать, освободили власовцы... Готовясь сдать в плен американцам, власовцы хотели обеспечить себе алиби и поэтому кое-где поворачивали выданное им гитлеровцами оружие против нацистов».

И как будто в насмешку, чтобы подтвердить дальновидность самых недалёковидных немцев, эти власовские дивизии своим первым и последним независимым действием нанесли удар... по немцам! Уже при общем развале, уже без согласования с Оберкоммандо, Власов к концу апреля собрал свои две дивизии под Прагу. Тут узналось, что эсэсовский генерал Штейнер готовится уничтожить чешскую столицу, в целом виде не отдать ее. И Власов скомандовал своим дивизиям перейти на сторону оставших чехов. И всю обиду, горечь, злость, какую накопили на немцев подневольные русские груди за эти жестокие и бестолковые три года, выпустили теперь в нападении на немцев: с неожиданной стороны вышибли их из Праги. (Все ли чехи разобрались потом, как и е русские спасли им город? У нас история искажена, и говорят, что Прагу спасли советские войска, хотя они бы не могли успеть).

„Архипелаг ГУЛаг“, стр. 264.

«Руде право», «Новое время», 15. 2. 74:

«...нам опять пытаются внушить гнусную версию о «спасителях»-власовцах. Ее тщились состряпать сразу после войны махровые реакционеры и подхватили в 1968 году их наследники. Для доказательства этой версии сегодня цитируют и Й. Смрковского».

«Воля народа свершилась», «Московская правда», 15. 2. 74:

«Коллектив нашей бригады полностью одобряет меру, принятую Президиумом Верховного Совета СССР...»

Н. Злобин.

«Нас, рабочих завода им. С. Орджоникидзе, давно возмущает антисоветская деятельность так называемого писателя Солженицына».

В. Комаров.

«Сообщение о лишении предателя Солженицына гражданства СССР и выдворении его из нашей страны не вызвало у меня удивления».

Н. Жаворонков, директор Института общей и неорганической химии АНССР, Герой Социалистического Труда.

«Вот почему, выражая свое глубокое удовлетворение мерами Советского правительства, которое пресекло враждебную деятельность Солженицына в СССР, я могу с уверенностью сказать, что такое же удовлетворение сегодня испытывают сотни читателей, с которыми я общался, все советские люди».

А. Жаров.

«Я, как и все деятели советского искусства, горячо одобряю решение Президиума Верховного Совета СССР».

В. Ефанов, действительный член Академии художеств СССР.

«Указ Президиума Верховного Совета СССР о выдворении А. И. Солженицына за пределы СССР я считаю совершенно справедливой мерой».

Опять **С. Туликов**, председатель правления Московской организации Союза композиторов РСФСР.

«Предательства не прощают», «Вечерняя Москва», 15. 2. 74:

«Изменника Родины, злобного пасквилянта Солженицына выдворили за пределы советской земли. Узнав об этом, я испытал чувство удовлетворения... пасквилянт, который охаивает все самое святое».

С. Васильев, лауреат Государственной премии.

«Гнусный клеветник Солженицын лишен гражданства СССР и выдворен за пределы Советского Союза. С глубоким удовлетворением встретили это известие советские люди».

Н. Панин, бригадир монтажников, Герой Соц. Труда.

«С чувством глубокого удовлетворения встретили мы, учителя 605-ой московской школы, сообщение ТАСС о лишении гражданства СССР и выдворении за пределы Советского Союза Солженицына».

Р. Брусничкина, заслуженная учительница школы РСФСР.

«На советской земле нет места изменникам Родины. Поэтому с таким глубоким удовлетворением восприняли мы Указ Верховного Совета СССР... О каком милосердии может идти речь, если только в Освенциме фашисты зверски замучили четыре с половиной миллиона человек... Великодушен и терпелив советский народ».

О. Бароян, академик Академии медицинских наук СССР.

«Жить и ходить по русской земле, называть себя русским и клеветать, клеветать злобно на наш великий народ, на наш советский строй — какой мерой можно измерить такую чудовищную подлость!»

Д. Налбандян, народный художник СССР, лауреат Государственных премий СССР.

«Правда Украины», 15. 2. 74:

«Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына советского гражданства и выдворении его за пределы страны является актом воистину справедливым и закономерным».

Л. Дмитерко, писатель.

«Впрочем, поступок Иуды, продавшего одного человека, ничто по сравнению с тем, что творил бывший писатель, белогвардеец по духу и крови Солженицын, посягнувший на самое святое — на Родину. На днях он выдворен из Советской страны. Мы, запорожские писатели, как и весь советский народ, полностью одобряем это справедливое решение. Как говорится в народе: «Катюзи по заслуги».

П. Ребро, Ответственный секретарь Запорожского отделения Союза писателей Украины.

«Рабочая газета», газета ЦК КП Украины, 15. 2. 74:

«С чувством глубокого удовлетворения воспринял я весть о том, что Президиум Верховного Совета СССР...»

С. Темный, слесарь.

«Я, как и каждый труженик Советской Родины, с чувством удовлетворения воспринял весть о выдворении за пределы нашей земли Солженицына».

М. Рудь, поэт.

«Сегодня коллектив нашего завода с подъемом трудится над выполнением высоких задач четвертого года пятилетки. Мы одобряем Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении А. Солженицына прав советского гражданства. Клеветникам не место среди нас!»

А. Пойдемко, слесарь-лекальщик.

«Сообщение о выдворении Солженицына из нашей страны все трудящиеся мартековского цеха встретили с одобрением».

С. Клименко, диспетчер мартековского цеха «Азовсталь».

«По заслугам», «Ленинское знамя», 15. 2. 74:

«Советские люди единодушно одобряют Указ Президиума Верховного Совета СССР.

Выдворение Солженицына за пределы Советского Союза — мера вполне справедливая, вызванная антиобщественным поведением этого человека, — сказал в беседе с корреспондентом ТАСС кинорежиссер, постановщик киноэпопеи «Освобождение» **Ю. Озеров.**

— Уважение к своей земле и гордость за нее — святыне чувства для истинного гражданина — Солженицын давно променял на злобу и ненависть, — заявил академик АМН СССР **Н. Блохин**.

— Мы, рабочие Московского автозавода имени Лихачева, — сказал слесарь **В. Насонов**, — целиком и полностью поддерживаем...

— Литературному власовцу, предающему Родину, нет места на нашей земле! — говорит сталевар ленинградского завода «Большевик» **В. Мамкин**.

— Клеветник получил по заслугам — таково единодушное мнение рабочих нашего завода, — от имени своих товарищей заявил стропальщик киевского завода «Ленинская кузница», кавалер ордена Ленина, **И. Перехрест**.

— Солженицын своей озлобленностью против всего самого дорогого для нас, советских людей, сам поставил себя вне Родины, — сказала писательница **Г. Серебрякова**.

ТАСС

«Отщепенцу — презрение народа», «Правда», 16. 2. 74:

«Коллектив нашей бригады единодушно одобряет...»

Бригадир, депутат Верховного Совета СССР **В. Копелев**, члены бригады...

«С удовлетворением встретил я Указ...»

Микола Бажан, г. Киев.

«...мера совершенно справедливая... ..кощунственно оскорбляет то, что свято и дорого нам...»

К. Иванов, доктор медицинских наук,
г. Ленинград.

Эту подборку заканчивало следующее сообщение, напечатанное также в «Социалистической индустрии», «Советской России», «Советской Латвии», «Советской Литве» и др.

« — Как митрополит русской православной церкви, постоянно выступающей в защиту мира, считаю Указ Президиума Верховного Совета СССР единственно правильной мерой в отношении А. Солженицына, — заявил корреспонденту ТАСС митрополит Крутицкий и Коломенский Серафим, — Солженицын печально известен своими действиями в поддержку кругов, враждебных нашей Родине, нашему народу. Все его действия по существу направлены против смягчения международной напряженности и установления прочного мира на земле».

Но в среде самой Православной Церкви нашлись люди, осудившие заявление митрополита Серафима.

ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ
СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ
И ВСЕЯ РУСИ П И М Е Н У

от священника Сергия Желудкова

ЖАЛОБА

ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО!

Преосвященный Митрополит Серафим выступил в печати с осуждением творческой деятельности писателя Александра Солженицына. Эта акция преосвященного митрополита Серафима есть кощунство — поругание священной памяти мучеников. Преосвященный митрополит Серафим нанес личное оскорбление одному из самых великих представителей современного христианства.

Приношу ВАШЕМУ СВЯТЕЙШЕСТВУ жалобу на эти антирелигиозные действия преосвященного митрополита Серафима.

ВАШЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА
недостойный священник

17 февраля 1974 года от Рождества Христова

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Серафиму, Митрополиту Крутицкому и Коломенскому

Ваше преосвященство!

Не только с недоумением, но и с большой скорбью прочитали православные христиане напечатанное в «Правде» заявление Ваше об изгнании из Советского Союза Александра Исаевича Солженицына. И не только потому, что один из иерархов Православной Церкви выступает с осуждением своего брата во Христе на страницах атеистической газеты, ежемесячно помещающей статьи против веры Христовой. Но даже не это обстоятельство прежде всего уязвляет больно сердце верующих.

Больно слышать голос митрополита Православной Церкви в хоре помраченных душ, трепещущих правды и истины! Вы, Владыко, бросаете камень в изгнанника, большого русского писателя, своей мученической жизнью свидетельствующего подлинность религиозного делания. Только члены Христовой Церкви не поверят вашим словам о А. И. Солженицыне, твердо зная, что «блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное» (Мф., 5,10). Не поверят, так как столь страшного осуждения достойно лишь отвержение света Христова, забвение Господа нашего Иисуса Христа. К тому же, никакая правда не влечет за собою зла. Носителем зла является ложь. Но вы не говорите, где и в чем именно А. И. Солженицын искажает истину — Вы лишь обвинили его в «действиях, враждебных нашей родине». Как говорил Господь наш Иисус Христос: «если я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что же бьешь меня?» (Ио., 18,23).

Главное же чувство, которое испытываешь, читая Ваше заявление, Владыко — за Вас становится страшно. Митрополит Православной Церкви осудил писателя — христианина, изгнанного «правды ради». Не становитесь ли Вы, Ваше Преосвященство, и сами гонителем? И разве не почувствует любой христианин, читая Ваши жестокосердные строки, что Вас оставил Христос, потому что и Вы Его оставили? Ваша показная забота о «установлении прочного мира» разоблачила себя как дипломатия с собственной совестью, как лакейство.

Евгений Терновский, литератор
Эдуард Штейнберг, художник

Москва 17 февраля 1974 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

СЕРАФИМУ, Митрополиту Крутицкому и Коломенскому

Святый Владыко!

Уникальный случай —

страницами центрального партийного и профсоюзного органов, исходящими миллионами экземпляров, архипастырское «благовестие» на трепетную тему наполняет всю страну и исходит за ее пределы.

Ответственность большая.

Вам не страшно, Владыко, другим, б ó л ь ш и м страхом, и не совестно? — ведь в ГУЛаге погибли и наши мученики — Вам ли об этом не знать?

«Отцеживать комара» я бы и не стал (случившееся теперь с Вами хоть «методологически» и редкое, но по масштабу времени не первой величины событие, и к сожалению, не оригинальное по существу), — но у меня слабость — болезненное непонимание и ужас от подобных провалов.

Священник Глеб Якунин

18 февраля 1974 г.

17. 2. 74 г.,

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ, ЭКЗАРХ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ, ОБРАТИЛСЯ С ПРОПОВЕДЬЮ К ЛОНДОНСКИМ ПРИХОЖАНАМ НА МОЛЕБНЕ О ЛЮДЯХ ДОБРОЙ ВОЛИ В СССР

Едва ли есть кто-нибудь сейчас на Западе и на широких, трагических просторах русской земли, у кого не дрогнуло сердце от горя, которое постигло Александра Исаевича Солженицына, его жену и детей, и которое широко коснулось многих людей, ищущих правды, людей доброй, честной воли, молящихся перед Богом и совершающих свое служение Родине и человечеству, и Богу — словом, писанием и делом. Я призываю всех — вас здесь собравшихся, слиться в одной общей, искренней, горячей молитве. Встать перед Богом с глубокой тревогой, которая нас всех держит в своих тисках; с глубоким состраданием тем, которые находятся в скорби и в страхе, и вознести молитвы и о них, и о всех тех, ради которых они сейчас несут свою долю креста и страдания.

Молитвы нельзя возносить ПРОТИВ чего бы то ни было. Молятся Богу **за** спасение всех. Возносят Богу крик исстрадавшегося и встревоженного сердца — правда, с разными чувствами — но за всех. И поэтому, по поводу разразившихся теперь событий, вознесены молитвы не только о Солженицыне, Сахарове, Григоренке, Буковском, о множестве людей честных и добрых, которые не ищут своего, а только добра **как они его понимают** — людям и Родине своей. Но вознесем молитвы трепетные, благоговейные, любовные — и о самой Родине нашей и о тех, которые сейчас ею правят. Не напрасно Священное Писание нам говорит о том, что сердце царев — в руке Божией. Будем молиться о том, чтобы это сердце дрогнуло правдой и истиной, чтобы Божия правда воссияла во всех концах, чтобы мрак безбожия, потемнения умов, омрачения сердец, искажения воли человеческой, пришли бы к концу, и чтоб на нашей Родине, от которой многие из нас были оторваны грозными, мучительными событиями русской революции, к которым теперь приобщаются все новые и новые изгнанники — чтоб на просторах нашей Родины воцарился Господь, восторжествовала правда — как ее видит Бог, не так, как ее видим мы, люди. Чтоб восторжествовала любовь и правда, и истина, и чтобы все люди доброй воли — в каком бы лагере они ни боролись — каковы бы ни были их убеждения, как бы они себе ни представляли добро, — соединились бы в один великий поток, доброй, истинно доброй, открытой другим, воли. Чтобы открытым умом, открытым сердцем, все люди русские — и за пределами нашей Родины, и люди на земле, которые сейчас связались такой страшной, напряженной враждой, по лицу всей земли, нашли бы свой путь к разрешению всякой неправды.

Будем молиться за всех. Будем молиться о всех, чтобы победил бы Бог, Который есть Любовь, милосердие, сострадание. Чтобы прекратилась мука сердец и мука телесная, чтоб наконец всем можно было — как так хочется сказать в Пасхальную ночь: **Братья!** — всякому человеку.

Молебен, который мы сейчас будем служить, я не хочу, чтоб он был политической демонстрацией, чтоб он был бы направлен одними против других. Церковь объемлет всех состраданием, пониманием и любовью. О всех будем молиться, чтоб во всех восторжествовал Господь.

ТАССовский обзор зарубежной печати, опубликованный в «Известиях» 16 февраля, упомянул не только «прогрессивные» газеты и силы («Жолнеж вольности», «Руде право», «Данд ог Фольк», «Юманите», «Унзере Цайт», «Пяйван Уутисет», «Дейли Уорлд», ливанская «Аш-шааб», «Фольксштимме», «Вечерни новини», французский левый радикал Лонкль), но и «Таймс», «Сюисс», «Франкфуртер рундшау», взял в союзники не только «многих рядовых граждан зарубежных стран», а именно уже знакомого нам «жителя Нью-Йорка Э. де Сантоло», да еще «лондонца Тони Гилберта», но и профессора Г. Моргентау («не отличающегося симпатиями к Советскому Союзу») и даже д-ра Вальдхайма:

«Генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм сказал, что нынешнее положение Солженицына — это «личная трагедия». Его выдворение «не отразится на разрядке напряженности в отношениях между Востоком и Западом».

ПРИСОЕДИНЯЯ СВОИ ПОДПИСИ К МОСКОВСКОМУ ОБРАЩЕНИЮ

А. Сахарова, Е. Боннэр, В. Максимова, М. Агурского, Б. Шрагина, П. Литвинова, Ю. Орлова, свящ. С. Желудкова, А. Марченко, Л. Богораз, мы снова просим мировую общественность, интеллигенцию, честных людей разных стран не оставить его без внимания.

Мы поддерживаем требования:

1. Опубликовать «Архипелаг ГУЛАг» в СССР и сделать его доступным каждому соотечественнику.
2. Опубликовать архивные и иные материалы, которые дали бы полную картину деятельности ЧК, ГПУ, НКВД, МГБ.
3. Оградить Солженицына от преследований и дать ему возможность работать на родине.

В сегодняшних советских газетах опубликована подборка ТАСС, смысл которой в «Комсомольской правде» резюмируется так: «В зарубежной печати появился ряд комментариев, в которых выдво-

рение за пределы Советского Союза Солженицына рассматривается как законный акт Советского государства, предпринятый против отщепенца, ставшего на путь служения международной реакции, ее идеологическим целям — антисоветизму, борьбе против идей мира и социализма».

Одобряющих Указ Президиума советские газеты относят к разряду честных и прогрессивных людей — не иначе. Готовы ли мы принять такое деление, этот вызов всем, считающим себя честными, оставить безответным?

Неужели свободный мир смирится с очередной фальсификацией его мнения перед обманутым и запутанным народом? Неужели проф. Моргентау, Генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм согласятся выступать перед советскими читателем сторонниками преследований Солженицына? Ведь именно так они представлены советской прессой.

Возмущение, вызванное беспрецедентным похищением и высылкой Солженицына, не должно кончиться скоропреходящей газетной шумихой. Мы видим в нем действительную поддержку тем, кто готов жертвовать собой ради осуществления демократических и правовых свобод в нашей стране. Сейчас, после высылки Солженицына, эта поддержка незаменима. Мы задыхаемся в паутине лжи. Любое выступление протеста, любая человеческая реакция на обман и жестокость день ото дня становятся затруднительней, вызывая все более крутые и систематические репрессии. Круг сужается. Если вы не хотите, чтобы наш голос был заглушен окончательно — помогите нам.

Существенная помощь сейчас — поддержать МОСКОВСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ.

Помните: в том, о чем рассказано в книге Солженицына «Архипелаг ГУЛаг», есть также и доля вины людей Запада. Многие на Западе равнодушно, а иные с благожелательным сочувствием смотрели на осуществлявшиеся в Советском Союзе жестокости, не давая себе труда осознать их смысл и их масштаб.

Помните: у вас есть о б щ е с т в е н н о е мнение, а у нас только мнение ц е н з у р ы, у вас есть свобода слова, а у нас — только серия н а к а з а н и й за попытки ею воспользоваться.

Не пора ли попытаться покончить с этим? Не пора ли осознать со всей ответственностью, что пользуясь разобщенностью

наших миров, пользуясь нашей взаимной неосведомленностью, в а с превращают в соучастников.

Международное общественное расследование преступлений против человечности, совершенных в Советском Союзе, необходимо для того, чтобы не только вскрыть, но и подтвердить известные факты. Не пора ли миру узнать, наконец, сколько же человеческих жизней было загублено в советских тюрьмах и концентрационных лагерях — десятки тысяч? миллионы? десятки миллионов? — сколько?

Это нужно знать не ради мести за прошлое, но ради предотвращения ужасного будущего, ради спасения тех, кто сейчас страдает в беззащитности и бесправии.

Международный сбор подписей под МОСКОВСКИМ ОБРАЩЕНИЕМ необходим для того, чтобы выявить, наконец, мировое общественное мнение относительно книги Солженицына «Архипелаг ГУЛаг» и того, о чем она, в такой форме, которая не допускала бы двусмысленных истолкований.

Поэтому мы снова просим все средства массовой информации распространять МОСКОВСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ. Мы снова просим все культурные, общественные, религиозные организации создать Национальные комитеты для сбора подписей под ним.

Солидарность людей не может ограничиться словами. Она — действенна. В этом — наша надежда.

Е. Барабанов, Т. Великанова,
С. Ковалев, Т. Ходорович

17 февраля 1974 г.
Москва

**«Народ отвергает изменника», «Известия»,
16. 2. 74:**

«И очень правильно, что наша Родина лишена прав гражданства Солженицына».

Михайло Стельмах.

«Выдворен Солженицын... А как иначе можно поступить с тем, кто пытался очернить самое дорогое для нас всех — героизм народа».

В. Деев, электрик объединения «МосавтоЗИЛ»

«Наши колхозники одобряют Указ...»

М. Рубцов, тракторист.

«Человеку, который сеет вражду и ненависть ко всему советскому, нет места на нашей земле».

В. Меркурьев, народный артист СССР.
Ленинград.

«У предателей нет Родины!», «Комсомольская правда», 16. 2. 74:

«Я удовлетворен тем, что этот помещичий отпрыск не является гражданином моей страны».

А. Шишов, член-корреспондент Академии наук СССР, заместитель директора Института математики Сибирского отделения АН СССР.

«Мы, рабочие люди, с удовлетворением встретили Указ...»

А. Виктор, Герой Социалистического Труда, бригадир слесарей.

«Я знаю, что не штрафные батальоны освобождали города, захлопнули в котел под Сталинградом фашистов, разгромили врага под Москвой, под Ленинградом, взяли штурмом Берлин и рейхстаг. Я знаю, что не штрафные батальоны освободили не только нашу Родину, но и всю Европу от фашизма».

А. Ананьев, писатель.

«Я говорю не только от своего имени. Я говорю от имени тысяч людей, работающих на нашем заводе. ... Не позволим, точка».

В. Царев, секретарь комитета комсомола азотно-тукового завода.

«Позор предателю», «Красная звезда», 16. 2. 74:

«Вот оно, обличье врага»: «С удовлетворением узнал я о выдворении...»

Капитан I ранга инженер запаса
Г. Рывкин.

«Подделом!»: «Как и все советские люди, коллектив нашего ансамбля одобряет Указ...»

Капитан **Е. Тытянко**, дирижер дважды Краснознаменного, ордена Красной Звезды ансамбля песни и пляски Советской Армии имени А. В. Александрова, заслуженный артист РСФСР.

«Клеветнику не место среди нас»: «Меня, участника битвы на Волге, особенно потрясло утверждение этого предателя, будто Сталинград отстояли штрафные батальоны. ... Я не знаю, где был в то время Солженицын».

Н. Бидненко.

«Удел отщепенца»: «...полностью одобряя справедливое решение Президиума Верховного Совета СССР...»

Майор **И. Колов**, командир автомобильной роты.

«Клеветник получил по заслугам», «Труд», 16. 2. 74:

«С большим внутренним удовлетворением я и мои товарищи — металлурги «Красного Октября» встретили сообщение...»

А. Серков, старший мастер.
Волгоград.

«Когда мне приходится встречаться со своими зарубежными коллегами и рассказывать им об успехах советской науки и техники, я испытываю чувство глубокой гордости за нашу социалистическую Родину...»

Академик **Н. Агеев**, директор Института металлургии имени А. А. Байкова.

«И за рубежом честные люди видят справедливость и преимущества нашего строя».

В. Вербицкий, электрообмотчик Челябинского трубопрокатного завода, председатель цехкома.

«Но мы всё преодолели, всё пережили и сегодня строим светлое здание коммунизма, самое справедливое и самое человеческое общество, о котором мечтали, к которому стремились люди многие века».

Н. Рыбников, заслуженный артист РСФСР.

«Все мы горячо одобряем выдворение за пределы нашей Родины политического отщепенца, литературного власовца Солженицына».

Илмар Голдманис, бригадир слесарей.

«Справедливая мера», «Социалистическая индустрия», 16. 2. 74:

«За тридцать иностранных сребренников он в злом усердии старался обогатить Родину, глумился над тем, что нам дорого и свято. Я поддерживаю карающую меру по отношению к Солженицыну».

И. Панфиловский, сталевар, депутат Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда.
Челябинск.

«С глубоким чувством удовлетворения встретили я и мои товарищи по работе сообщение ТАСС об Указе...»

В. Перфильев, модельщик Волгоградского тракторного завода.

«Поделом отщепенцу!», «Сельская жизнь», 16. 2. 74:

«Бесславный конец»: «Так и надо!»

Сальме Кангур, главный ветврач зверосовхоза «Раку».
Эстонская ССР.

«Воля народа»: «Выдворение Солженицына из Советского Союза — воля всего нашего народа».

А. Николаев, секретарь парткома колхоза «Россия», **И. Дойков**, бригадир виноградарской бригады.
Молдавская ССР.

«Справедливо!»: «В нашей бригаде мы недолго обсуждали Указ... Мнение у всех единое: абсолютно справедливое решение».

Т. Авсиевич, бригадир овощеводческой бригады колхоза «Луч Востока».
Алма-Атинская область.

«По заслугам...», «Учительская газета», 16. 2. 74:

«...считаю своим долгом выразить самое глубокое удовлетворение...»

Ф. Кулиев,
г. Кировабад.

«Думаю, что выражу мнение миллионов учителей и всей интеллигенции...»

Р. Милюк, учитель.
Литовская ССР.

«Меня, советского учителя, всегда до глубины души возмущали и оскорбляли антисоветские, реакционные писания литературного власовца Солженицына».

В. Карнаушенко, директор 3-й школы-интерната.

г. Одесса.

«Работники просвещения» могут спать спокойно. Не прошло и дня после насильственной депортации писателя, а уже Главное управление по охране государственных тайн в печати принялось выскребать из библиотек все его произведения, напечатанные в СССР:

Приказ Главного управления по охране государственных тайн в печати. 10 д.с.п. от 14. 2. 74 г.

Об изъятии из библиотек общественного пользования произведений А. И. Солженицына: «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» (Новый мир, № 11, 1962; Роман-газета, М. № 1 (227), 1963; «Советский писатель», 1963); «СЛУЧАЙ НА СТАНЦИИ КРЕЧЕТОВКА» (Новый мир, № 1, 1963); «МАТРЕНИН ДВОР» (Новый мир, № 1, 1963), «ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ДЕЛА» (Новый мир, № 7, 1963); «ЗАХАР-КАЛИТА» (Новый мир, № 1, 1966).

Нач. Главного Управления по охране государственных тайн в печати
(РОМАНОВ).

Обычно в Советском Союзе принято уничтожать только **книги** неудобных авторов. В данном случае предписание касается также и **журналов**. Практически это означает, что в спецхранах наиболее крупных библиотек будет сохранено по два экземпляра каждого издания. **ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ ПОДЛЕЖИТ ИСТРЕБЛЕНИЮ.**

«Предателю — по заслугам», «Гудок», 16. 2.
«Наши законы гуманны, как гуманен наш социалистический строй».

Н. Алехин, член Союза писателей СССР.

«...возмущались поведением этого писаки. И очень правильно решил Президиум...»

К. Грандов, студент МИИТа.

«С чувством облегчения узнал я, что литературный власовец Солженицын лишен советского гражданства...»

Ю. Федоров, заместитель начальника локомотивной службы Московской дороги, Герой Социалистического Труда.

«Когда стало известно, что Солженицын лишен советского гражданства и выдворен за пределы СССР, в нашем коллективе вздохнули с облегчением».

В. Семенов, маневровый диспетчер станции
Вологда-I.

«Справедливая мера», «Советская Россия», 16. 2. 74:

«Сотрудники нашего научного центра единодушно одобряют...»

И. Купавский, заведующий отделом научно-исследовательского Поволжского зонального центра НОТ в сельском хозяйстве.

«...он кощунственно оплевывал всё, что составляло нашу святыню...»

Виталий Закруткин,
Ростовская область.

«Нет места предателю на нашей земле!», «Московская правда», 16. 2. 74:

«...сегодня, когда его выдворили из Советского Союза, мы, рабочие, говорим: правильное решение принял Президиум...»

В. Морозов, обмотчик.

«С большим удовлетворением приняли советские ученые Указ...»

Н. Басов, академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Нобелевской премии,

Н. Семенов, академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Нобелевской премии.

«...почему он молчал, когда американские бомбы падали на города Вьетнама, когда расстреливали патриотов Чили, когда расисты в США убивали лидеров негритянского движения?»

Николай Грибачев, поэт.

«Удел предателя — презрение», «Вечерняя Москва», 16. 2. 74:

«С одобрением встретили советские люди...»

Е. Марджинская, профессор, доктор философских наук.

«Ученые ВАСХНИЛ с чувством глубокого удовлетворения встретили известие...»

В. Панников, вице-президент ВАСХНИЛ, академик.

«И сразу словно очистилась наша земля.»

А. Свешников, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда.

«С удовлетворением прочли мы сообщение...»

А. Пономарев, каландровожатый завода «Каучук», Герой Социалистического Труда.

«Я целиком и полностью одобряю...»

П. Виноградов, регулировщик электронной аппаратуры.

«Справедливая мера», «Правда Украины», 16. 2. 74:

«...мы, рабочие, восприняли с огромным удовлетворением...».

Г. Победа, аппаратчица Шепетовского сахарного комбината, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР.

«Черная стезя естественно привела предателя в мусорную яму истории...»

В. Ладынец, писатель.
Ужгород.

«По заслугам!», «Советская Литва», 16. 2. 74:
«Я полностью одобряю...»

П. Савельев, токарь вильнюсского завода «Комунарас», Герой Социалистического Труда.

«Мы горячо одобряем решение... Он фактически уже давно утратил право быть советским гражданином».

М. Апанавичюс, кандидат юридических наук.

«Советская Эстония» обошлась ТАССовским материалом:

«С большим удовлетворением встретили советские люди...»

— Когда на пашне поднимает голову сорняк,
— сказал ... известный саратовский поэт-песенник **Николай Палькин**, — хлеборобы вырывают его с корнем...

— Я, — говорит писательница **Людмила Татьяничева** (Москва), — не могу без гнева думать и говорить о гнусном...

— На Западе, — заявил слесарь автозавода имени И. А. Лихачева **М. Декополитов**, — реакционная пропаганда стремится представить Солженицына писателем...

В эти дни широкую известность получило обращение поэта Евгения Евтушенко.

ПИСЬМО СОВЕТСКИМ ТЕЛЕРАДИОСЛУШАТЕЛЯМ

Дорогие друзья!

Как вы могли прочесть в ваших телерадиопрограммах и на афишах, расклеенных на улицах Москвы, 16 февраля была объявлена всесоюзная теле-радиотрансляция моего авторского концерта из Колонного Зала. Предполагалось как бы подведение итога моей более чем двадцатилетней работы в советской поэзии — исполнение лучших песен, получивших общенародное признание, которым я горжусь, — таких, как «Хотят ли русские войны?» и др., оратории «Казнь Степана Разина» Шостаковича, и также чтение мною лирических и гражданских стихов. В концерте должны были принять участие лучшие солисты и хоровые и оркестровые коллективы нашей страны. Они долго и серьезно готовились к ответственному концерту. Этот концерт должен был явиться не только моим личным праздником и праздником моих друзей — артистов, композиторов, но и праздником миллионов телерадиослушателей. О последнем свидетельствовали многочисленные письма и телеграммы из разных концов страны. Рабочие, инженеры, студенты с нетерпением ждали моего концерта у телевизоров и радиоприемников, желали мне успеха. Однако, в сегодняшних газетах моего вечера уже нет в телерадиопрограммах, а еще вчера на Колонном Зале висело объявление об отмене концерта, билеты на который были проданы в первый день. Моя квартира буквально разрывается от безостановочных телефонных звонков с вопросами «Что случилось?»

У меня нет секретов от моих читателей, и потому я считаю своим долгом объяснить, что произошло.

12 февраля вечером по Москве пронеслись слухи об аресте Солженицына. Я был потрясен этим известием. Стараясь не поверить этому, я позвонил в КГБ и мне было отвечено: «Да, арестован». До предела взволнованный и личной судьбой этого писателя, и общественным резонансом этого действия, я немедленно послал телеграмму в ЦК КПСС на имя Генерального Секретаря, где в корректной, исключаяющей какие бы то ни было резкие выражения форме выразил свое волнение по поводу судьбы этого писателя, а также тревогу по поводу того, как это может отразиться на престиже нашей Родины. Мне еще не было известно о том, как окончательно решится вопрос о Солженицыне, и я знал только одно — он арестован. Я обращался, делясь своими сомнениями, не к правительству иностранной державы, не к ООН, не к иностранным корреспондентам, а в сугубо доверительной форме к руководству своей страны, считая это неотъемлемым правом каждого советского гражданина, заботящегося о благе своей Родины. В этой телеграмме я даже подчеркнул, что не согласен со многими взглядами Солженицына, но тем не менее за мое искреннее, доверительное обращение последовала незамедлительная грубая издевательская кара. Я не знаю, от кого она исходила, но концерт был отменен. Я был вызван в Секретариат Союза писателей. Там уже было известно и о моем звонке, и о телеграмме. В разговоре мои действия были названы «недостойным шантажом» и мне было предложено выступить с публичным осуждением Солженицына, от чего я отказался. На мой вопрос, почему был отменен концерт, мне было отвечено, что руководство Союза писателей не в курсе, но один из работников Секретариата заметил, что это было сделано правильно.

Когда-то, когда я был еще юн, меня несколько часов обрабатывали, заставляя выступить с «разоблачением» Пастернака. Хотя я был тогда далек от понимания романа, я отказался выступать на собрании, потому что ценил этого великого поэта, и несмотря на свою юность понимал, какой урон нашей литературе нанесет исключение Пастернака из Союза писателей. Впоследствии, в 1963 году мне предложили выступить с «разоблачением» моих товарищей — молодых художников — на встрече правительства и интеллигенции. Я выступил, но только для того, чтобы защитить их,

потому что считал этих художников талантливыми, ищущими людьми и также потому, что предвидел возможные печальные последствия этого скандала. Я оказался, в конечном счете, прав, но уже в этих двух случаях увидел, как раздражают бюрократию самые искренние попытки заступиться за кого-нибудь даже в интересах гуманизма и нашей Родины. Но кто же нужен нашему народу — те писатели, которые пишут или подписывают автоматически все, что их попросят, или те писатели, которые, стоя на позициях социализма, тем не менее считают своим правом иметь свою точку зрения о пользе для социализма той или иной акции?

Я доказал свою преданность идеям социализма не только своими стихами, но и публичными выступлениями с их чтением за рубежом, когда фашиствующие молодчики атаковали меня прямо на сцене, пытаясь меня сбросить с нее. Теперь пытаются сбросить мою поэзию с моей родной, советской сцены. За что? Разве противогосударственно — доверительно обратиться к собственному государству? Да, со многими взглядами Солженицына в книге «Архипелаг ГУЛАг», которую я прочел, я не согласен — особенно резко не согласен с его главой о генерале Власове. Но в этой книге есть страшные документальные страницы о кровавых преступлениях сталинского прошлого.

Как бы ни велики были ошибки Солженицына, но кровавые ошибки сталинского прошлого несоизмеримы с ними.

А все ли мы сказали нашему народу об этих кровавых ошибках? Теория потока «лагерной литературы», который якобы заполнял страницы наших журналов, выдумана. Практически, было в свое время напечатано несколько книг, в том числе «Один день Ивана Денисовича» и ряд стихотворных произведений, в их числе мое стихотворение «Наследники Сталина». Затем эти произведения никогда не перепечатывались — зато печатался ряд мемуаров и романов, где искусственно замазывались ошибки Сталина и история искажалась приукрашиванием. Особенно это опасно для духовного здоровья нашей молодежи, ибо молодежь, не знающая подлинную историю, не сможет разобраться в настоящем. Приведу один пример. В прошлом году у костра в Сибири одна хорошая девочка-студентка лет восемнадцати подняла тост за Сталина. Я был потрясен. Почему? — спросил я. «Потому что тогда все люди верили в Сталина, и с этой верой побеждали», — ответила она. — А знаешь о том, сколько людей было арестовано за годы правления

Сталина? — спросил я. «Подумаешь, человек двадцать-тридцать...» — ответила она. Вокруг костра сидели другие студенты, примерно ее возраста. Я стал спрашивать их. «Человек двести», — сказал один парень. «Тысячи две...» — ответила другая девушка. Только один студент из 15-20 человек сказал: «Кажется, тысяч десять». Когда я им сказал, что цифра арестованных измеряется не тысячами, а миллионами, они не поверили. «Ну, а вы читали мое стихотворение «Наследники Сталина»?» — спросил я. «Разве у вас есть такое стихотворение?» — спросила девушка. — «Где оно было напечатано?» «В «Правде» в 1963 году». «Но ведь мне тогда было только восемь лет», — ответила она с растерянностью. И вдруг я понял, как никогда, что молодому поколению действительно неоткуда узнать сейчас трагическую правду о том времени, потому что об этом они не могут прочесть ни в книгах, ни в учебниках. Даже когда в газетах помещают статьи о героях нашей революции, погибших во время сталинских репрессий, то замалчивается причина их смерти. В вышедшем сейчас однотомнике Мандельштама нет никакого упоминания о том, что он погиб, замученный в лагере. Правду заменяют умолчанием. А ведь умолчание — ложь. Но у русского народа есть прекрасная пословица: «Ложь, как дуга. Спрячешь концы в воду, середка высовывается. Спрячешь середку — концы выглядывают».

Несоответствие исторической реальности и описания истории в книгах и газетах может привести нашу молодежь лишь к безверию, к цинизму. А нам нужна вера, но настоящая вера может быть основана только на правде.

Наш народ, доказавший не раз свой патриотизм с оружием в руках и в труде, заслуживает того, чтобы с ним говорили открыто и о прошлом, и о настоящем.

Однако, наша литература еще не успела выговориться об ошибках прошлого. Ей искусственно помешали сделать это, и в этом драматическая неестественность тех скандальных ситуаций, возникающих внутри или вокруг литературы.

В свое время я подписал письмо с просьбой не устраивать суда над Синявским и Даниэлем не потому, что разделял их взгляды и методы, а только потому, что считал этот процесс не в интересах нашей литературы, нашей страны. Затем я написал письмо в Нарсуд в защиту рабочего Марченко с просьбой не подвергать его уголовному преследованию за его книгу; в обоих случаях эти

письма диктовали мне и человеческая гуманность и соображения престижа нашей Родины. Я не ошибся. Оба дела — особенно первое — получили такой негативный резонанс, который превзошел мои, даже самые печальные ожидания. Я дважды обращался к руководству Союза Писателей по поводу Солженицына — первый раз во время разгорающегося скандала с «Раковым корпусом», прося его напечатать, и во второй раз, прося не совершать поспешного исключения Солженицына из Союза писателей. Однако, мои обращения не только не получали внимательного доброжелательного изучения, но наоборот, многократно приводились как мои ошибки.

Почему — заступаться за людей стало ошибкой и даже «недостойным шантажом?» Почему доверительное обращение к собственному правительству наказуемо?

Сейчас из Союза писателей исключена честная советская писательница Лидия Чуковская. За что? За то, что она заступилась за Солженицына. Писатель Владимир Корнилов заступился за Лидию Чуковскую. Настолько мне известно, в двух издательствах уже сняли его переводы только по той причине, что он «заступился». А это, может быть, только начало... Под угрозой исключения находится другой талантливый честный писатель Владимир Войнович. Возможно, если найдутся те, кто заступятся за него, они тоже будут наказаны. Мы тогда вообще потеряем всех писателей. Разве такое поведение с людьми имеет что-либо общее с принципами социалистической демократии, ибо закон социалистического общества это — человек человеку друг, а не человек человеку — волк? Моральный закон социалистического общества именно в том и состоит, чтобы заступаться за людей. Наш долг заступиться за тех мертвых, кто погиб в сталинских лагерях, ибо они сами безгласны. Наш долг заступаться и за живых людей, критиковать их, помогать найти правильный путь, если они ошибаются, но методы администрирования, грубого нажима не есть методы убеждения, а могут привести лишь к обратным результатам.

Положа руку на сердце, я могу с чистой совестью сказать, что кое-что сделал для нашей Родины, и это мое письмо продиктовано не просто защитой самого себя, а защитой интересов нашей советской литературы. Мой шестилетний сын Петя долгое время ожидал моего концерта — я обещал его взять с собой. Сегодня он спросил меня: «Папа, а почему твой концерт запретили?» Он уже

это знал от своих друзей из детского сада, а те — от своих родителей. Хотя он еще совсем мал, он уже человек, и я сказал ему правду. Только так надо воспитывать детей.

Е. Евтушенко

16 февраля 1974 г.

«Ответственность литератора перед народом, партией, временем — лейтмотив прозвучавших на пленуме речей. В них подчеркивалось, что писатель — боец идеологического фронта, и в условиях острой идеологической схватки он должен быть особенно взыскателен к себе, особенно ответственен за каждое свое слово, за каждый свой поступок.

В докладе С. Наровчатова, в выступлениях Ю. Яковлева и С. Михалкова содержалась критика поэта Е. Евтушенко. Не сумев разобраться в сложностях сегодняшней идеологической борьбы, он допустил опрометчивые действия, которые были использованы буржуазной пропагандой в спекулятивных целях.

Не пора ли Евгению Александровичу, — заметил С. Наровчатов, — на пятом десятке лет обновить качели, на которых он порой раскачивается?

Мне обидно, — сказал Ю. Яковлев, — что Евгений Евтушенко, который в лучших своих произведениях воспевает Родину, порой поступает столь легкомысленно. Советскому поэту негоже гоняться за скандальной популярностью.

Е. Евтушенко, — отметил С. Михалков, — должен более требовательно подходить к самому себе, к своим поступкам, более внимательно прислушиваться к критике со стороны товарищей по перу и к их советам».

«С пленума правления Московской писательской организации», «Литературная газета», 6.3.74.

На следующий день, 17 февраля большинство газет напечатало уже упоминавшийся ТАССовский обзор зарубежной печати (только накануне он назывался «**Судьба предателя**», а ныне «**Позорная судьба предателя**»). Но в некоторых редакциях не иссяк еще запас писем.

«Предателю нет места на советской земле», «Правда», № 48 (20287), 17 февр. 1974 г.

«Как говорили наши предки: худую траву с поля вон!»

Борис Полевой.

«С удовлетворением встретили трудящиеся Узбекистана...»

С. Худайкулов, Герой соц. труда, механизатор.

«Мы, рабочие-нефтяники, единодушно одобряем выдворение этого антисоветчика за пределы Советского Союза».

Ю. Фарзалиев, Герой соц. труда.

«Для нас, людей искусства, нет выше чести, чем внести свой вклад в выполнение величественных задач коммунистического строительства».

Б. Чирков. Народный артист СССР.

«Полностью одобряю».

И. Проскурнин. Доцент Политехнического института.

«Такое не прощаем», «Комсомольская правда», 17 февраля 1974, стр. 2.

Ткачиха: «Дорогая расплата — жизнь без родины. Что может быть страшнее?».

В. Папугина, мастер прядильного производства комбината «Трехгорная мануфактура», депутат Верховного совета СССР.

Рабочий: «Наша бригада полностью одобряет...».

Н. Деркач, Герой соц. труда, бригадир.

Писатели:

«Решение о выдворении А. Солженицына из нашей страны закономерно и справедливо».

Хамид Гулям.

«Он предъявил миру себя так, что я затруднился бы сказать, какой из его поступков наиболее отвратителен... тот, кто осмелился превозносить Власова и власовцев, не имеет ни малейшего сходства с человеком».

Константин Финн.

«По заслугам», «Социалистическая индустрия», 17 февраля 1974 г.

«Мы, авиаторы, с удовлетворением встретили извятие...»

Ю. Анцута, инженер.

«...я испытал чувство удовлетворения...»

Д. Шарпило.

«Наш советский караван не сбить с пути ни Солженицыну, ни тем, кто оплачивает его ложь в иностранной валюте».

А. Борзенко, директор завода «Таджиктекстильмаш».

«Отщепенцу нет места на советской земле», «Строительная газета», 17 февраля 1974 г.

«Белогвардеец по духу и по крови, Солженицын получил по заслугам».

В. Кацин, архитектор, руководитель отдела Киев ЗНИИЭПа.

«Наша бригада коммунистического труда с большим удовлетворением восприняла...»

А. Громов, Герой соц. труда, бригадир треста.

«Сообщение это я и мои товарищи встретили с чувством глубокого удовлетворения».

Л. Мурашков, прораб.

«Презрение народа», «Красная звезда», 17 февраля 1974 г.

Читатели **И. Рассолов**, **П. Мальцев**, **О. Греков**, **Н. Гапоненко**, **С. Эдельштейн**, **А. Путро**, **П. Зотов**, **Э. Рыкалин**, **А. Присяжнюк**, **В. Сайко** и многие другие клеймят позором предателя и провокатора Солженицына.

«Решение о выдворении Солженицына — пример гуманного характера нашего государства, наших законов».

«И никаким солженицыным не удастся вытравить из наших сердец беззаветную любовь к родной Коммунистической партии».

рядовой **Н. Груздев**.

«И мы благодарны Советскому правительству за своевременное пресечение деятельности идеологического диверсанта».

Полковник **И. Борисенко**, Герой соц. труда.

«Позор предателю», «Советский патриот», 17 февраля 1974 г.

«— акт совершенно справедливый».

Якутский поэт **С. Данилов**.

«С чувством большого удовлетворения я узнал...»

А. Агзомходжаев, член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР.

«С чувством большого облегчения узнал я и мои коллеги — кубанские писатели...»

И. Беляков.

«Нет ему места на нашей земле», «Ленинское знамя», 17 февраля 1974 г.

«Великодушен наш советский народ и терпелив... От всей души одобряю».

Г. Малютин, врач.

«И очень правильно, что предатель Солженицын выдворен».

В. Лозовой, кузнец.

«Это — самая справедливая оценка...»

Н. Воронина, директор школы № 9.

В редакцию газеты «Известия»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Я решительно протестую против лишения А. И. Солженицына гражданства и его изгнания. Книги Солженицына — сама правда и нужны России, как воздух. Его страстные патриотические выступления, его мужество и самоотверженность — пример и упрек для нас. Новый несправедливый приговор Солженицыну, как и прежний, будет неизбежно отменен историей.

Л. Терновский, врач.

17 февраля 1974 г.

Р. С. Знаю, что вы не опубликуете (как хотел бы я) моего письма. Но все равно сейчас я считаю своим долгом послать его вам, — заказным, с уведомлением о вручении. Чтобы вы не имели права говорить, что решение об изгнании Солженицына поддержали — единодушно — все граждане нашей страны, все русские.

Мой адрес для ответа: 113452 Москва, М-452,
Балаклавский проспект, д. 4, корп. 6, кв. 431
Терновскому Леонарду Борисовичу
тел. 119-24-37.

Л. Терновский.

Отправлено в редакцию «Известий» 19 февраля 1974 г.

О ВЫСЫЛКЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА ЗА ГРАНИЦУ

14 февраля читатели «Правды», «Известий» и других советских газет прочли на последней странице краткое сообщение о том, что «лишен гражданства СССР и выдворен за пределы Советского Союза Солженицын А. И.». Кто такой Солженицын, в сообщении ТАСС не указывалось.

Тем не менее уже с 15 февраля все советские газеты стали печатать письма (подписанные как известными деятелями культуры, так и рядовыми рабочими и служащими), в которых одобряется Указ Президиума Верховного Совета о лишении Солженицына советского гражданства и изгнании его за границу. В этих письмах люди, ничего не знающие о книгах и взглядах Солженицына, посылают ему вдогонку отборные ругательства и проклятия. И в эти же дни тысячи простых граждан приветствуют Солженицына в европейских странах, и руководители большинства западных государств выражают готовность предоставить ему политическое убежище. Поистине «нет пророка в своем отечестве».

Некоторые из зарубежных друзей Солженицына, осуждая решение Советского правительства, заявляют одновременно, что, узнав об этом решении, они все же вздохнули с облегчением, ибо ожидали худшего. Несомненно, вздохнули с облегчением и многие руководители нашей страны. Им кажется, что они вырвали, наконец, столь болезненную для них занозу. И хотя рана долго еще будет кровоточить и причинять беспокойство, им кажется, что постепенно она заживет и забудется.

Публикуя «Архипелаг ГУЛАг», Солженицын знал, что идет на большой риск. Он заявил, что и он и его семья готовы ко всему. Конечно, любое наказание за взгляды и убеждения, изложенные в художественном, научном или публицистическом произведении, незаконно. Но если бы Солженицын имел возможность выбора, он предпочел бы тюремное заключение или ссылку в Сибирь. Это означало бы, однако, и длительное молчание, тогда как высылка за границу, при всей болезненности этой акции для всех нас и для самого Солженицына, не закрывает ему дороги к дальнейшему творчеству. Ошибаются те западные газеты, которые пишут, что Солженицына ждет на Западе духовная смерть.

Высылка Солженицына — это моральное поражение тех представителей власти, которые не хотели и не могли ответить на брошенные им обвинения, но не решились также на привлечение Солженицына к судебной ответственности, хотя бы и при закрытых дверях. Конечно, трудно считать происшедшее и победой Солженицына; он стал жертвой произвола, над ним совершено насилие, он потерял возможность слышать вокруг себя русскую речь, ходить по родной земле, общаться со своими друзьями. И голос его, возможно, будет звучать из Швейцарии или Норвегии слабее, чем он звучал из Москвы.

Нетерпимое к оппозиции советское правительство не слишком часто высылало за границу своих политических противников или критиков. Предпочитали просто лишать их свободы (а в прежние времена и жизни), либо вынуждать к молчанию угрозой лишения свободы или работы. Но еще более редки в нашей истории случаи, когда человека, предпочитающего тюрьму, ссылку или даже насильственную смерть, силой выдворяют за границу. На память приходит только один такой случай — 45 лет тому назад; мы имеем в виду Л. Д. Троцкого, отправленного сначала в Казахстан, а затем в Турцию.

Западная печать давно уже называет Солженицына «видным лидером оппозиции». Но на этом и кончается его сходство с Троцким. Ибо Солженицын не возглавлял никакой политической группы, никакого движения, никакой организации. Однако со своим могучим талантом, несравненным мужеством, твердостью характера, со своей поразительной трудоспособностью Солженицын бросил вызов насилию и лжи в самом сильном государстве на земном шаре и в течение многих лет вел единоборство, за которым с вниманием и волнением следил весь мир.

У Троцкого в 1928 году было еще много приверженцев внутри страны, особенно среди партийной интеллигенции и молодежи. Когда распространился слух о возможной высылке Троцкого из Москвы, тысячи людей приехали на вокзал, некоторые из них ложились на рельсы. Пришлось отложить высылку Троцкого и увезти его из Москвы тайно.

У Солженицына, вероятно, так же не так уж мало приверженцев в нашей стране, хотя главные его книги не издавались в СССР, они расходились лишь в тысячах копий Самиздата. Но Солженицын сумел завоевать себе и мировую аудиторию, его читают и чтут де-

сятки миллионов людей доброй воли во всем мире, и с этим нельзя было не считаться.

Главное оружие Солженицына — это слово, и он владеет этим оружием с поразительным искусством. Судьба Солженицына показывает огромную роль и большие возможности слова в наше время, но она показывает и силу тех барьеров, которые все еще стоят на пути свободного слова в нашей стране и через которые не смог пробиться и столь могучий голос.

По степени отрицания существующих в нашей стране институтов и господствующей идеологии Солженицын стоял на самых радикальных позициях. Но он осуждал и отвергал революционные методы и в прошлом и в настоящем. Однако, по своему характеру, по kloкочущей в нем силе протеста, по преданности одной идее и по непримиримости Солженицын напоминает мне самых великих революционеров прошлого. В сравнении с ним все мы лишь скромные реформисты.

Лично я не разделяю ни политических, ни социологических, ни религиозных взглядов Солженицына. Я думаю, что на их основе невозможно дать сколько-нибудь реальную политическую и нравственную перспективу для развития в новом духе нынешнего советского общества. Но я не только отношусь к взглядам Солженицына с уважением и пониманием, я считаю даже, что именно подобная политическая и нравственная позиция Солженицына позволяет ему видеть и критиковать те недостатки, которые мы видим плохо, и наносить удары по тем порокам, с которыми мы привыкли мириться.

Главное в книгах Солженицына — это тема несвободы и неправды. Как писал недавно один из его друзей, именно Солженицыну удалось лучше других выразить то, чего не сказали миллионы умолкших: — казненных, убитых, замученных пытками, каторжным трудом, — чего не говорят миллионы безмолвных: обманутых, запуганных или скованных вязкой рутинной. Уже «Один день Ивана Денисовича» и несколько рассказов, опубликованных «Новым миром», явились важным этапом не только в литературной, но и в политической жизни Советского Союза. Конечно, Солженицын сказал в них лишь малую часть того, что он хотел и сумел сказать позднее, но в книгах, опубликованных только за границей. Может быть, Солженицын был порой плохим политиком. Но писатель-художник часто думает глубже, видит острее и даль-

ше, чем большинство его современников. Это в природе реалистического творчества.

Если бы книги Солженицына были опубликованы в нашей стране и свободно обсуждались в ней, они несомненно оказали бы большое положительное влияние на сознание всего народа. Это вовсе не значит, что все читатели согласились бы со взглядами Солженицына. И, конечно, книги Солженицына не побудили бы большинство советских людей отказаться от социализма и социалистической идеологии (чаще всего такой отказ является результатом как раз идеологических преследований). Перемены, которые произошли в нашей стране после Октября, необратимы. Мы видим сегодня, что насильственная революция, сопровождающаяся гражданской войной и террором, это не только благо, но и зло для страны, в которой она происходит. Такая революция вызывает к жизни не только созидательные силы, она разрушает не только устаревшие и отжившие взгляды и институты. Она уничтожает одновременно и многие материальные и духовные ценности, которые составляли важное достояние народа и могли бы служить людям в новом обществе. Ликвидируя произвол прежних правящих классов и поднимая наверх угнетенных, революция выдвигает одновременно и многих недостойных людей, которые продолжают творить несправедливость и произвол, порой в еще больших масштабах, чем прежде. Но эта революция означает также социальный и экономический переворот, переход общества в новое качество, на новую ступень развития, она создает новые реальности, которые нельзя игнорировать.

Неверно, что наше общество находится в тупике. Советский Союз может развиваться, но лишь при учете уже произошедших социальных, экономических и идеологических сдвигов. В настоящее время мыслимы лишь два пути этого развития. Первый — это укрепление и расширение тех начал казарменного лжесоциализма и молчащего общества, которые еще столь сильны в нашей стране. Второй — развитие демократического социализма, социализма «с человеческим лицом». Солженицын, как и многие из нас, отвергает первый путь, но он не слишком верит и в возможность второго пути. Однако его критика, его мужество, его талант и его произведения увеличивают вероятность победы именно этого демократического социализма.

Что будет делать Солженицын на чужбине? Конечно, он будет писать, и писать прежде всего о своей родине, интересами и судьбами которой он будет жить и за рубежом. И его книги по-прежнему будут важны и нужны для нас, хотя путь их к советскому читателю станет еще сложнее и чтение их будет сопряжено для нас с опасностью и риском.

Солженицын покинул свою страну не навсегда. Не исключено, что он вернется на родную землю через несколько лет, и мы сможем устроить ему почетную и дружескую встречу. Но при любых поворотах судьбы Солженицын вернется в нашу страну в своих книгах, и он по праву займет место в рядах ее самых великих сыновей.

Рой Медведев

17 февраля 1974 года
Москва

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

Николаю Викторовичу Подгорному

Уважаемый председатель, хорошо бы знать: если кампания против Солженицына и ненапечатанной у нас книги его имела какую-нибудь цель, то была ли эта цель достигнута, или результатов надо еще ждать?

Конечно, газеты, обосновывая одни обвинения с помощью других и без всяких ссылок на страницы книги, довольно быстро убедились, что Солженицын предатель и клеветник. Но я, пытаясь понять лишь смысл происходящего, был просто обрадован Указом Президиума Верховного Совета, так как это означало нечто лучшее, чем суд, тюрьма или расстрел. Впрочем, вдруг возникли письма трудящихся, такие взволнованные, гневные, откровенные: никто не читал книги, но все почему-то одобряют высылку автора, хотя с тем же основанием могли бы требовать и его выдачи и суда над ним. А кстати, и суда над теми, кто выслал.

В этой же связи, как водится, я вспомнил о наших идеологических врагах, но не о тех, которые где-то там, а о тех, которые здесь по многу лет сидят сложа руки в лагерях и тюрьмах наших и даром лечатся в наших закрытых больницах.

Они, то есть политические заключенные, как писал когда-то редактор «Литературной газеты», зря едят народный хлеб... И в то же время, если, конечно, верить газетам, их вина просто смехотворна по сравнению с проступком Солженицына. Ерунда получается какая-то! Что же, возможно, было бы правильно предоставить и им выбор: тюрьма либо изгнание и одновременно предоставить возможность их семьям выехать, если только они того пожелают.

Однако, нельзя не подумать, что очень многим Указ Президиума Верховного Совета покажется необоснованным, поскольку в нем нет конкретных мотивов, поскольку вообще вина Солженицына не доказана, то есть не доказана судом, поскольку не было возможности ни обжаловать решение, ни даже ответить на оскорбления — обвинений, строго говоря, не было... Говорят, Солженицын вызывался к следователю, но только в качестве свидетеля, да и то неизвестно, по какому делу.

И странно! Абсолютно всем вдруг стало ясно, что судить Солженицына нельзя, практически невозможно. И действительно, не все ли равно, как прошел бы суд, какие были бы процессуальные нарушения? Все это не может иметь ни малейшего значения, когда перед судом стоит такой человек, как Солженицын. Ничего. Что выиграла православная церковь отлучением Толстого? А сколько проиграла?

Уважаемый гражданин председатель, я одобряю Ваш Указ, и никто не вправе упрекать меня, как никто не вправе упрекать эка, подбирающего пайку хлеба, случайно оброненную вертухаем. Я радуюсь Вашему Указу, более того, я приветствую Ваше мужество, потому что в сущности и несмотря ни на что Вы спасли миру и России великого писателя, вы спасли не н а ш у , не е г о , а е е совесть.

Надо ли нам ждать, пока наши дети станут взрослыми, а наши газеты старыми? Уже сейчас мы можем не читать их. Мы знаем не только невиновность, но и большую правоту этого человека. Так думать и говорить заставляют нас не аргументы его защитников, а аргументы его врагов. Конечно, один человек, не выходя из дома, может нанести ущерб целому государству, но если он не писатель, а тиран, и если государство это определенно деспотическое.

С большим уважением к Вам и с благодарностью

Владимир Альбрехт

ПРАВИТЕЛЬСТВУ СССР ПО ПОВОДУ ИЗГНАНИЯ СОЛЖЕНИЦЫНА

Безответственные правители великой страны!

К длинному ряду ваших преступлений добавилось еще одно.

Человека, который в глазах всего мира стал выразителем народной совести России, вы насильственно оторвали от родной земли; человека, который всю свою творческую жизнь посвятил непримиримой борьбе с ложью, вы оболгали с такой силой ненависти, которой вы уже давно не удостаивали никого в нашем отечестве; человека, с именем которого стали связаны самые светлые надежды на духовное возрождение России, вы объявили изменником Родины.

Изгнав его, вы нарушили свои собственные законы, ибо по вашим законам за то, в чем вы его обвинили, он подлежит не изгнанию, но смерти.

Вы не решились убить его не потому, что вы гуманисты, — вы ими не были никогда; но вы, кажется, начали понемногу понимать ту старую истину, что в духовной борьбе убитый противник намного опаснее живого.

В том, что вы начали это понимать, одна из великих заслуг Солженицына перед вашей собственной душой.

Но вы поняли еще далеко не всё.

Вы еще не поняли, что с выходом в свет «Архипелага ГУЛАг» пробил роковой для вас час истории; что с этого часа началось подведение итогов того эксперимента, которому вы подвергли Россию вместе с покоренными ею народами; эксперимента, грозные уроки которого послужат великим предостережением всему человечеству на все времена.

Вы еще не поняли, что БИРНАМСКИЙ ЛЕС УЖЕ ПОШЕЛ, что вы имеете дело не с маленькой кучкой людей, решивших больше не лгать, но что на вас поднялись десятки миллионов убитых, замученных, опозоренных жертв, на чьей крови ваши архитекторы замешали цемент того здания, в котором мы с вами ныне живем и которое обречено на крушение.

Они давно уже стучатся в нашу жизнь, но некому было открыть им дверь; Солженицын сделал это — и отныне ход истории становится качественно иным, ибо в их лице в нее вошла новая и

неодолимая сила, перед которой вся ваша несостоятельность вскроется быстро и неизбежно.

Вы напрасно пытаетесь оправдаться тем, что не успели принять личного участия в наиболее грандиозных злодеяниях прошлого; если вы, зная об этих злодеяниях, продолжаете насаждать почти божеские почести Ленину, воспитываете молодежь на примере Дзержинского, вменяете в вину Сталину только репрессии против партийного аппарата, если вы, боясь гнева собственного народа, продолжаете хранить в тайне архивы ЧК-ГПУ-НКВД, если вы даже «Архипелаг ГУЛаг» опубликовать не можете — то вы воистину преемники и наследники палачей, связанные с ними круговой порукой и несущие общую с ними ответственность перед Богом и перед человеческим родом.

Больше того, вы не только наследники, вы сами — палачи.

Генерал Григоренко в сумасшедшем доме, великий русский писатель Солженицын — в изгнании, академику Сахарову вы угрожаете наемными убийцами, а сколько людей за последние годы вы посадили в тюрьму только за то, что они говорили правду!

«Архипелаг ГУЛаг» — это обвинительный акт, которым открывается судебный процесс человеческого рода против вас — от тех, кто замыслил, до тех, кто сейчас завершает великое преступление против человечества, начавшееся 7 ноября 1917 года.

Свидетелям обвинения уже не страшны ваши застенки.

Живых вы можете арестовать, живых вы можете запрятать в сумасшедшие дома, живых вы можете убить — но когда оживают и восстают мертвые, то с ними вы уже не можете сделать ничего.

Преступники, что вы сделали с Россией!

Когда великая страна истекала кровью в борьбе с национальным врагом, когда, получив наконец свободу, она мучительно и творчески искала новых форм государственного и социального существования, вы, кучка заговорщиков, присвоили себе право решать судьбу народа, предательски захватили власть и начали строить свой новый мир, положив в его основу ложь и насилие.

Вы объявили «мир народам» — и это означало, что вы начинаете войну против собственного народа. Вы считали людей своими врагами не только за то, что они оказывали вам какое-то сопротивление, но за то, что они принадлежали к определенному классу, сословию, национальности или вероисповеданию, будь это женщины или дети, беспомощные инвалиды или старики.

Вы дали землю крестьянам, и это была снова ложь, ибо это означало «хлеб — государству». А вскоре отняли и землю.

Вы объявили «мир хижинам, война дворцам» и, захватив дворцы для себя, через десять лет начали такую войну против хижин, какой не знало человечество.

Вы объявили «диктатуру пролетариата» и, лишив рабочих всякой возможности бороться за улучшение условий труда, подвергли их такой эксплуатации, какая им и не снилась до революции.

Вы объявили «свободу совести» и сразу же принялись уничтожать и растлевать Церковь — драгоценнейшее достояние России, ее живую душу, ее материнское лоно, ее святое святых.

Ничто человеческое не было для вас священным, кроме ваших бредовых фантазмагорий, ради осуществления которых вы с самого начала были готовы залить мир потоками крови.

Довольно уже называть вас мечтателями-идеалистами, слишком дорого обошлись ваши мечты человечеству. Пора призвать вас к ответственности за ту историческую практику, в которую воплотились ваши мечты.

Вас предупреждали, что вы идете по ложному и опасному пути: вспомните пророческие предупреждения мыслителей, вышедших из вашей же среды — Бердяева и Булгакова — идей которых вы смертельно боялись; вспомните предупреждения вашего же праотца — Плеханова; вспомните предупреждения наиболее трезвых из ваших же фракционеров.

Вы остались глухи в своем фанатическом упорстве.

Когда вы развернули свои злодеяния в масштабе всей страны, на вас обрушились грозные обличения Патриарха Церкви, в которых соединились голос Божий с голосом народной совести. Весь церковный народ был убежден, что вы коварно УБИЛИ Патриарха, убили его тогда, когда он уже не представлял для вас никакой политической опасности.

Ничто не остановило и не вразумило вас: ни величие духа ваших жертв, ни вымирание огромных областей страны, ни бездонное море сиротских слез, ни засухи, ни моровые язвы.

Наглые богоборцы, вы продолжали громоздить кровь на кровь, преступление на преступление. Вы шли путем Каина, восстав на Бога и отечество и пытаясь построить счастье детей на крови братьев.

И пусть паралич, которым Бог покарал вашего первого вождя, послужит вам пророческим прообразом того духовного паралича, который ныне неминуемо надвигается на вас.

Вы пролили кровь Авеля, расправившись с беззащитными священниками и монахами, вся вина которых была в том, что они, подражая первым русским святым и покровителям Русской Земли — страсотерпцам Борису и Глебу, — предпочли умереть, но ни словом, ни делом не принять участия в кровавой междоусобице, которую вы, братоубийцы, развязали в русской земле.

Вспомните и вашу расправу с сынами Сифа, с десятком миллионов лучших земледельцев России — вспомните сейчас, когда едите американский хлеб.

Вспомните, как с самого начала в ваших недрах зародилось ЧК — эта раковая опухоль, этот черный орден во главе с кроваво-сентиментальным мистиком, это государство в государстве, неподвластное никакому, даже вашему партийному контролю. Не содрогнется ли мир, когда раскроются тайны этого ордена, недра которого были истинно адом на земле!

Знайте — нет ничего тайного, что не стало бы явным!

Вспомните о той страшной угрозе человечеству, которая возникла, когда вы, всегда лживые, корыстные и беспринципные во внешней политике, задумали заключить союз с фашизмом и поделить с ним мир. Сталин и Гитлер, НКВД и ГЕСТАПО, объединенные в одно целое, — этот кошмарный призрак едва не стал исторической реальностью.

Но, несмотря на все ваши старания, Россия была еще недобита — слишком прочными оказались ее душа и тело, созидавшиеся десять веков. Гитлер, видимо, лучше вас понимал, против кого он воюет. Как вы были напуганы тогда! Как дрожал голос вашего вождя! Как он вдруг вспомнил, что те, кого он уничтожал миллионами и презрительно называл «винтиками», — на самом деле «дорогие братья и сестры»!

Вы потерпели поражение в войне с фашизмом, вы оказались несостоятельными в духовном, экономическом и военном отношении. Но на краю гибели проснулась Россия и, хранимая крестным благословением матерей, вдохновляемая проснувшимся народным чувством, еще раз выполнила свою историческую миссию и спасла человечество от той формы социализма, которую ныне называют «коричневой чумой». А как вас назовут, вы не задумывались?

На свое горе, Россия вынесла из огня и вас, своих паразитов, пронизавших всё ее могучее тело и отравивших ее многострадальную душу.

Еще не закончилась война, а вы уже начали расправу с победителями. Тех, кто нес по дорогам Европы знамя освобождения, вы заставили, как египетских рабов в эпоху фараонов, под палками лагерных надсмотрщиков созидать «великие стройки коммунизма».

Недобитых узников немецких концлагерей вы прямым ходом перебросили в концлагеря советские, и в застенках НКВД их ожидали трофейные машины для пыток, с которыми они уже познакомились в Гестапо. Особый и небывалый мир представлял в то время «Архипелаг ГУЛаг», и в этом бурлящем котле, невидимо для вас, слепых вождей, шла напряженная духовная работа, закладывавшая подлинные основы грядущего национального и, может быть, всемирного возрождения.

А вам тем временем не давали покоя лавры нацистов. Вы задумали осуществить в подвластной вам части света «окончательное решение еврейского вопроса». Помните врачей, с которых началась операция разгрома сочиненного вами международного еврейского заговора? Вы хотели внушить русскому народу лживую идею о том, что главную вину за преступления и бедствия прошлого несете не вы и не сам русский народ, а евреи, навязавшие России свою злую волю. Но воздастся каждому по делам его! И если много было евреев в вашей ленинской гвардии, то воздастся им, равно как и всем прочим. Но козлом отпущения для всех они не будут, не надейтесь! Отвечайте сами за свои преступления!

Вспомните, идолопоклонники, какое мрачное исступление охватило вас всех, когда оказалось, что «светоч человечества», единственный человек в коммунистическом лагере, который имел право принимать какие-то решения, обожествленный кумир, которому вы передоверили свою душу и совесть, оказался таким же прахом земным, как и вы все, и, как гласит легенда, придушенный своими верными соратниками, отправился: телом — к своему предшественнику в Мавзолей, душой — на суд Божий.

Вспомните те тысячи раздавленных и растоптанных людей, которые стали посмертной жертвой этому кровавому Молоху. Будто мало ему было при жизни!

Как дальше жить? Как жить без него, — спрашивали вы себя?

Но вот — живем.

Прошло несколько лет, и, раздавив с помощью танков и авиации восстания и забастовки в крупнейших лагерях, вы решили, наконец, что рабский труд неэффективен, что неудобно жить в постоянном смертельном страхе перед другом, и начали свою куцую реабилитацию, из всего преступного прошлого раскрыв лишь репрессии Сталина против неугодных ему партийных вожakov.

Вы предприняли безнадежную попытку гальванизировать духовный труп, в который уже превратилась ваша секта, вспыснув в нее энергии революции и гражданской войны, попытались вернуться от Сталина — к Ленину, от реакции — к «золотому веку» вашей недолговечной истории.

Замелькали потрепанные фильмы, вспомнили «Интернационал», Государственный гимн стал «песней без слов», снова, как при Ленине, стали закрывать и взрывать церкви, а ваш шутовской король застучал ботинком на Генеральной Ассамблее и замелькал на художественных выставках.

Как-то раз, перерезав весь скот, вы на один сезон чуть было не догнали Америку по производству мяса, а потом, оторвав от учебы и службы студентов и солдат, бросили их лихорадочно вспахивать те земли, которые пятьдесят лет назад спокойно и уверенно начал осваивать Столыпин, и, если бы не ваша революция, была бы и сейчас Россия житницей мира.

Могли бы Индию кормить, а теперь висим у Америки на шее!

И догнали бы Америку даже в науке и экономике, если бы, опять же, не ваша революция, прервавшая бурное экономическое развитие, истребившая инженерные и научные кадры, создавшая уродливую и бездарную систему хозяйствования.

Культура же русская... вечная память ей!

О том, как вы гуманизировали внешнюю политику, пусть расскажут Венгрия и Чехословакия.

Ну, а для тех, кто всерьез принял разговоры о демократизации, кто всерьез решил, что их считают людьми, несущими ответственность за судьбы своего общества и государства, — для тех открылись сумасшедшие дома. Открыты и теперь.

Вот и вся ваша история.

Семь, а точнее, пять лет — Ленин, 28 — Сталин, год — Маленков, 10 — Хрущев, да вы, нынешние — 10, и все вы друг друга

поносите, и остается вам один Ленин, потому что вас-то ваши премники уж точно понесут.

И вот эти-то первые пять лет — всё, чем вы пытаетесь гордиться в вашей истории, — они-то и есть самые страшные. Хватит рассказывать сказки о пресловутой человечности Ленина. Он был первый лжец и насильник и продолжает быть наставником всех последующих. Ложь и насилие сочатся из каждой строки его писаний, из каждого его декрета, из каждого подписанного им приказа о расстреле и массовом терроре.

Что же теперь?

На чем же вы держитесь?

Во внешней политике — на примитивной демагогии и грубой военной мощи; во внутренней — на традициях страха и лжи, глубоко внедрившихся в душу советского человека.

И на этой основе, в союзе с хитроумными политиками, обманывающими свой народ и нарушающими принципы демократии, вы хотите созидать «мир и безопасность» для всего Человечества?

Да кто, зная вас, поверит в вашу искренность?

Китайцев боитесь — вот и всё ваше миролюбие!

И правильно делаете, что боитесь, только недостаточно боитесь!

Вырастили у себя под боком, вскормили и вспоили чудовище, готовое пожрать весь мир и в первую очередь — Россию. О чем вы раньше думали?

О чем вы теперь думаете, видя в Китае повторение вашей же кровавой истории и продолжая цепляться за марксистские догмы, в которые и сами толком не верите?

Неужели вы всерьез собираетесь с коммунистическими лозунгами встретить идущий на вас войной коммунистический Китай? С томиками Ленина против томиков Ленина? Скажем откровенно — они куда ближе к реальному Ленину, чем вы.

Ваша идеология, ставшая уже для вас мертвой фразой, ваша бессмысленная верность преступному прошлому, от которого давно пора отречься, разоблачив его полностью и окончательно — всё это связывает вас по рукам и ногам, побуждая совершать одну государственную ошибку за другой.

Ваша экономика в тупике, научно-техническое творчество задымается под прессом государственно-партийной бюрократии, ар-

мия лишена того сознания высокой цели, без которой нельзя побеждать, вся страна окружена атмосферой страха и ненависти.

Кто только ни постарается всадить нож в спину России, если начнется война с Китаем! Кто добровольно протянет руку помощи?

В критическую минуту истории вы стоите на высоком и ответственном посту.

Найдите в себе силы одуматься и, не обольщаясь фальшивыми, вами же созданными мифами, взглянуть правде в глаза!

Не губите Россию!

Не навлекайте на нее гнев народов!

И уж если война с Китаем неизбежна, то, пока еще есть время, дайте народной душе очиститься перед великим и страшным испытанием!

Верните Солженицына!

Опубликуйте «Архипелаг ГУЛаг»!

Прекратите травлю людей, говорящих правду!

Предоставьте народу гражданские свободы и хозяйственную инициативу с целью возрождения общественного сознания и здоровой экономики!

И вот что еще мы должны вам сказать — ибо кто скажет вам об этом?

Знайте, что душа любого из вас, каким бы тяжким грехом она ни обременялась, есть драгоценность для Бога, большая, чем все сокровища мира.

Вспомните благословение матерей, вспомните благословение родной земли, вспомните, как коротки оставшиеся дни вашей жизни.

Может быть, задумается кто-то из вас: а всё же нет ли над всеми нами Того, Который спросит за всё?

Не сомневайтесь — есть.

И спросит, и ответите.

Еще не поздно.

Отнимите Россию у Каина и отдайте ее Богу, ибо кровь Авеля вопиет от земли...

Л. Л. Регельсон

17 февраля 1974

Москва

С понедельника, 18 февраля, кампания явно пошла на спад. Довысказались еженедельники, не успевшие вставить свое слово во-время, «Советская культура» и «Комсомольская правда» дали последние подборки своих деятелей.

«Правильное решение», «Комсомольская правда», 19 февраля 1974 г.

«Сколько «громких» некогда имен так называемых литераторов канули в вечность! Вроде бы никогда не было их».

С. Кац, засл. деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии.

«Нет Солженицыну прощения».

А. Казарян, Герой Советского Союза.

«Распоясавшийся писака искажает советскую действительность... Мы помним кровавые злодеяния банд Плехавичуса и Импулявичуса... Мне неприятно на душе от того, что где-то рядом был человек, который позабыл все нормы советской морали».

И. Мачюкявичус, писатель, лауреат республиканской комсомольской премии.

«По воле народа», «Советская культура», 19 февраля 1974 г.

«Решение Президиума Верховного Совета СССР... — это справедливое решение».

Кара-Караев, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии.

«Президиум Верховного Совета СССР поступил мудро».

Николай Плотников, народный артист СССР.

«Кто разжигает людоедские страсти, тот наш враг, подручный врагов мира».

А. Дымшиц, доктор филологических наук, профессор.

«Негодование давно уже ощущали мы, деятели искусства, науки, культуры к изменившему всему, что нам дорого, клеветнику и ненавистнику Родины. И мне ...хотелось бы присоединить свой голос...»

А. Сидоров, член-корреспондент Академии Наук СССР, профессор, доктор искусствоведения.

«В нашем обществе ему нет места!», «Литературная Россия», № 8(580), 22 февраля 1974 г.

«Лишение гражданства СССР — закономерный акт».

Александр Михайлов, секретарь правления Московской писательской организации.

В СЕКРЕТАРИАТ МО СП РСФСР

Я не приду на ваше заседание, потому что оно будет происходить при закрытых дверях, втайне от общественности, то есть нелегально, а я ни в какой нелегальной деятельности принимать участия не желаю.

Нам не о чем говорить, не о чем спорить, потому что я выражаю свое мнение, а вы — какое прикажут.

Секретариат в нынешнем его составе не является демократически избранным органом, а навязан Союзу писателей посторонними организациями. Ни весь секретариат в целом, ни каждый из его членов в отдельности не могут быть для меня авторитетами ни в творческом, ни тем более в нравственном отношении. Два-три бывших писателя, а кто остальные? Посмотрите друг на друга — вы же сами не знаете, что пишет сидящий рядом с вами или

напротив вас. Впрочем, про некоторых известно доподлинно, что они ничего не пишут.

Я готов покинуть организацию, которая при вашем активном содействии превратилась из Союза писателей в союз чиновников, где циркуляры, написанные в виде романов, пьес или поэм, выдаются за литературные образцы, а о качестве их судят по должности, занимаемой автором.

Защитники отечества и патриоты! Не слишком ли дорого обходится отечеству ваш патриотизм? Ведь иные из вас за свои серые и скучные сочинения получают столько, сколько воспеваемые вами хлеборобы не всегда могут заработать целым колхозом.

Вы — союз единомышленников... Один ограбил партийную кассу, другой продал казенную дачу, третий положил кооперативные деньги на личную сберкнижку... За двенадцать лет своего пребывания в Союзе я не помню, чтобы хоть один такой был исключен.

Но стоит сказать честное слово (а иной раз просто промолчать, когда все орут) — и тут же следует наказание по всем линиям: набор книги, над которой ты работал несколько лет, раскидают, пьесу запретят, фильм по твоему сценарию положат на полку. А за этим вполне прозаическое безденежье. И вот ты год не получаешь ни копейки, два не получаешь ни копейки, залез в долги, всё, что мог, с себя продал, и когда дойдет до самого края, и если ты за эти два года слова неосторожного не сказал, к тебе, может быть, снизойдут и подарят двести-триста рублей из Литфонда. Чтобы потом всю жизнь попрекать: «Мы ему помогали, а он...» Не надо мне помогать, я не нищий. Я работаю не меньше вас и не хуже вас. У меня есть читатели и есть зрители. Не стойте между ними и мной, и я в вашей помощи нуждаться не буду.

Я не приду на ваше секретное заседание. Я готов полемизировать с вами на любом открытом собрании писателей, а если хотите — рабочих, от имени которых вы на меня нападаете. В отличие от большинства из вас, я сам был рабочим. Одиннадцать лет я начал свою трудовую жизнь пастухом колхозных телят. Мне приходилось пахать землю, месить на стройке раствор, стоять у станка на заводе. Четыре года я прослужил солдатом Советской Армии. На открытом собрании я бы хотел посмотреть, как вам удастся представить меня акулой империализма или агентом иностранных разведок.

Ложь — ваше оружие. Вы оболгали и помогли вытолкать из страны величайшего ее гражданина. Вы думаете, что теперь вам скопом удастся занять его место. Ошибаетесь. Места в великой русской литературе распределяются пока что не вами. И ни одному из вас не удастся пристроиться хотя бы в самом последнем ряду.

Владимир Войнович

19 февраля 1974 г.

«Я старый рабочий-поэт, и меня до глубины души возмущает поведение и творчество Солженицына».

Василий Казин.

«Солженицыных — вон с советской земли!»

Георгий Холопов.

«Здесь, на Ставропольщине, в семье бывшего крупного землевладельца, стяжавшего ценой эксплуатации крестьянской бедноты, прошел когда-то Солженицын начальную школу ненависти к социалистической революции. Не зря говорят, что еще в юности задумывал он свой пасквильный «Август Четырнадцатого»... И нас обрадовал Указ...»

Т. Батурина, В. Грязев, С. Дроздов, И. Кашпуров, П. Мелибеев, И. Романов, К. Черный. Ставрополь.

«Конец литературного власовца», «Литературная газета», № 8, 20 февраля 1974 г.

«Мы не слышали от Солженицына ни одного слова в осуждение преступной фашистской хунты в Чили».

Степан Щипачев.

«Еще несколько лет назад я написал о нем статью, которую назвал «Вор в нашем доме».

Берды Кербабаяв, Ашхабад.

«Солженицына вытряхнули где-то посреди возлюбленной ему капиталистической Европы на те посевы, где он, духовный власовец, давненько уже пасся, пощипывая отравленную травку».

Михаил Алексеев.

«В лаконичных, высокого достоинства строках Указа Верховного Совета СССР о выдворении Солженицына за пределы страны Ленина — сила советского закона».

Борис Дьяков.

«Отщепенцу — презрение народа», «Огонек», № 9, февраль 1974 г.

«От ворот — поворот!» Такова воля народная!»

А. Кибальников, народный художник СССР.

«Солженицын дождался того, что заслужил». опять **Александр Дымшиц**, профессор, доктор филологических наук.

«Литературная Россия», № 8: «Как же я могу к нему относиться, я, — детская писательница, жаждущая вместе со всеми моими товарищами воспитывать детей благородными, чистыми людьми».

Мария Прилежаева.

Пусть маленькое примечание будет посвящено восьмилетней девочке Зое Власовой. Она любила отца взахлёб. Больше она не смогла учиться в школе (ее дразнили: „твой

папа вредитель!“ она вступала в драку: „мой папа хороший!“). Она прожила после суда всего один год (до того не болела), за этот год НИ РАЗУ НЕ ЗАСМЕЯЛАСЬ, ходила всегда с опущенной головой, и старухи предсказывали: „в землю глядит, умрёт скоро“. Она умерла от воспаления мозговой оболочки, и при смерти всё кричала: „Где мой папа? Дайте мне папу!“

Когда мы подсчитываем миллионы погибших в лагерях, мы забываем умножить на два, на три...

„Архипелаг ГУЛаг“, стр. 430, прим. 41
— к рассказу о судьбе рядового коммуниста Василия Григорьевича Власова, приговоренного в 1937 г. к расстрелу.

«Выдворение из страны отщепенца Солженицына — это выражение воли и желания всего советского народа».

М. Атакишева, Герой соц. труда, учительница
37 школы Баку.

«Сегодня Кировский завод решает важные задачи, поставленные партией и правительством».

И. Дашко, шлифовщик.

«Указ Президиума Верховного Совета СССР — это выражение и воли и гнева советского народа».

Л. И. Тимофеев, член-корреспондент Академии наук СССР.

«Не сомневаюсь, что тысячи и тысячи моих земляков — хлопкоробы Ферганы, металлурги Бекабада, бурильщики Гаэли, оросители Голодной степи — присоединяются к моим словам».

Рамз Бабаджан, поэт, лауреат Гос. премии СССР.

«В советской литературе есть много талантливых авторов, рассказавших о радостях, успехах и о некоторых неудачах грандиозного свершения».

Анри Аллег, политический обозреватель газеты «Юманите».

Но даже на этом фоне выделялось интервью **С. Михалкова**, данное журналу «Шпигель» и перепечатанное «Советской культурой».

«Г-н Солженицын нам надоел», «Советская культура», 19 февраля 1974 г.

«Он не видит в истории моей страны ничего, кроме тюрем и лагерей... У нас нет никаких оснований снова и снова возвращаться к самобичеванию... Я, к примеру, хорошо понимаю чувства истинного немца, который гордится своей землей, несмотря на то, что на ней происходило в разные времена...»

«ШПИГЕЛЬ»: Солженицын убежден, что его «Архипелаг ГУЛag» будет когда-нибудь издан в Советском Союзе. Вы верите в это?

С. Михалков: А зачем?

Еще пересказали две статьи из «Юманите» (**«Правда», 18. 2. 74** и **«За рубежом» № 9**), подключили монгольского писателя **Чайжилына Чимида** (**«Правда», 19. 2. 74**).

И, наконец, в качестве заключительного аккорда **«Литературная газета» 20 февраля** поместила огромную (две полных газетных полосы) статью доктора исторических наук **Н. Яковлева «Продавшийся. О предательской деятельности А. Солженицына».**

Этот сильно сокращенный вариант печатавшейся в **«Голосе родины»** (советская газета для русских эмигрантов) статьи **«Продавшийся и простак»**, где вторая половина посвящена академику **А. Д. Сахарову**, можно бы и не цитировать.

Внимательный читатель найдет в сборнике те же цитаты из «Архипелага», на какие опирается Яковлев, и из контекста поймет всё сам. Отметим лишь (поскольку «Голос родины» на родине почти недоступен), что сокращения (кроме части о Сахарове) сделаны за счет таких вот мест:

«Мы, люди старшего поколения, пережившие культ личности, помним, как человеческая пыль будто магнитом притягивалась к тем, кто нарушал социалистическую законность, и, смоченная экскрементами злобы и зависти, превращалась в отвратительную трясику, засасывающую честных, смелых и талантливых».

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ, ДАННОЕ ПО ТЕЛЕФОНУ
АКАДЕМИКОМ А. САХАРОВЫМ КОРРЕСПОНДЕНТУ
МИЛАНСКОЙ ГАЗЕТЫ 24 февр. 74 г.

ВОПРОС: Некоторые на Западе считают, что высылка Солженицына, а не предание его суду свидетельствует о наличии в советском руководстве принципиальных и тактических расхождений. Так ли это?

ОТВЕТ: Я ничего не знаю о существовании подобных расхождений. В бюрократически-централизованной закрытой системе, вообще говоря, более естественно предполагать борьбу за власть в руководстве, а не дискуссии и принципиальные расхождения. По моему мнению, то, что Солженицын не был предан суду, в первую очередь объясняется его огромной популярностью во всем мире, его всеми признанным личным мужеством и нравственной силой. Суд над ним превратился бы в суд над судьями, и власти могли это предполагать. Они заранее знали о той силе общественной поддержки позиции Солженицына, с которой им пришлось бы столкнуться. Именно решительная поддержка Солженицына в бесчисленных открытых выступлениях во всем мире защитила его.

Столь же правдивые и смелые общественные выступления менее известных людей, вне зависимости от степени их разоблачи-

тельности, и общего или более частного их характера, неизменно влекут за собой жестокую кару, и никаких разногласий у руководства в этих случаях мы не знаем. Трагическая судьба авторов лагерных воспоминаний Валентина Мороза и Юрия Шухевича, осужденных на 14 и 15 лет тюрьмы, лагеря и ссылки каждый — верное тому доказательство, так же, как судьба сотен других узников тюрем, лагерей и специальных психиатрических тюремных больниц. Долг мировой общественности — выступить также и на их защиту, помочь их семьям.

ВОПРОС: Изгнание Солженицына лишило ваше демократическое движение одного из главных голосов. Является ли это непоправимой потерей?

ОТВЕТ: Солженицын — писатель, его подвиг и дело жизни — литературное творчество, ослепительным светом освещающее нашу жизнь, наши язвы, исторические корни несчастий страны и пути ее возрождения, как он их понимает. Именно в писательском труде в основном заключается его роль в нашем демократическом движении, порожденном глубокими причинами исторического, социального и нравственного характера. Эта роль не зависит от того, где Солженицын живет и пишет. Отрыв от родной почвы, от родного языка — трагедия для любого человека, в особенности для писателя. Но я уверен, что Солженицын, человек исключительного мужества, найдет в себе силы не замолкнуть, а полностью использовать те возможности, которые предоставит ему жизнь на Западе, со свободным доступом ко всем источникам информации, для продолжения своего дела. От мирового общественного мнения, от его понимания и живой заинтересованности зависит тот резонанс, который будет иметь эта работа. Просоветская пресса будет изображать Солженицына озлобленным эмигрантом, который не заслуживает внимания — она уже начала эту коварную кампанию. Но в наш век, когда все проблемы стали общемировыми, и общемировые средства связи сжали планету в один клубок, только непонимание может помешать слушать так же внимательно голос человека, где бы он ни находился — на Западе или в СССР. Исторический грех так называемой прогрессивной общественности 20-х, 30-х, 40-х годов, не понявшей и не услышавшей русской эмиграции тех лет, не должен быть повторен. Это важно и для нас и для Запада.

ВОПРОС: Вы и другие, подписавшие «Московское обращение», требуете, чтобы были раскрыты архивы ЧК, ГПУ, НКВД, МВД, требуете международного общественного трибунала для расследования совершенных преступлений, требуете свободного распространения в СССР книги Солженицына, требуете осуждения и отмены решения советских властей о его высылке. До какой степени это реально? Думаете ли Вы, что властям выгодно раскрыть по крайней мере часть прошлого страны?

ОТВЕТ: «Московское обращение», составленное и опубликованное в напряженные сутки ареста и высылки Солженицына — не прагматический документ. Меньше всего мы думали о том, выгодны ли властям предлагаемые нами меры. Мы не стремимся также к мести, к новым политическим судам и приговорам (именно поэтому мы исключили из окончательного текста обращения слова о «сроке давности», которые могли быть ошибочно поняты в узко-юридическом смысле). Наш нравственный призыв ко всему миру, исходящий из того, что только память прошлого может сохранить всех нас людьми, а Запад — предостеречь от повторения ошибок путей насилия, разрушения, фанатического догматизма. Такая нравственная кампания самоочищения могла бы объединить честных людей на Западе и в нашей стране. Вместе с тем очевидно, что внимание к прошлому должно сочетаться с живой заботой о сегодняшней жизни — с ее трудностями, трагедиями и опасностями, с заботой и о мировых проблемах и о конкретных людях. Мне кажется, что «Московское обращение» является частичным ответом также на Ваш предыдущий вопрос, показывая одно из проявлений живого о демократического движения в СССР в защите общечеловеческих нравственных ценностей.

Солженицына изгнали.

Саму память о нем уже пытаются вытравить из памяти людей.

Но этого не случится.

Не случится до тех пор, пока живы будут в душах слова последнего обращения писателя к соотечественникам:

ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ!

Когда-то мы не смели и шепотом шелестеть. Теперь вот пишем и читаем Самиздат, а уж друг другу-то, сойдясь в курилках НИИ, от души нажалуемся: чего только *они* ни накуролесят, куда только ни тянут нас! И ненужное космическое хвастовство при разорении и бедности дома; и укрепление дальних диких режимов; и разжигание гражданских войн; и безрассудно вырастили Мао-Цзе-дуна (на наши средства) — и *н а с* же на него погонят, и придется идти, куда денешься? и судят, кого хотят, и здоровых загоняют в ума-лишённые — всё *они*, а *м ы* — бессильны.

Уже до донышка доходит, уже всеобщая духовная гибель насунулась на всех нас, и физическая вот-вот запылает и сожжет и нас, и наших детей, — а мы по-прежнему всё улыбаемся трусливо и лепечем косноязычно:

— А чем же мы помешаем? У нас нет сил.

Мы так безнадежно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия наших предков, все возможности для потомков — только бы не расстроить своего утлого существования. Не осталось у нас ни твердости, ни гордости, ни сердечного жара. Мы даже всеобщей атомной смерти не боимся, третьей мировой войны не боимся (может в щелочку спрячемся), — мы только боимся шагов гражданского мужества! Нам только бы не оторваться от стада, не сделать шага в одиночку — и вдруг оказаться без белых батов, без газовой колонки, без московской прописки.

Уж как долбили нам на политкружках, так в нас и вросло, удобно жить, на весь век хорошо: *среда*, социальные условия, из них не выскочишь, бытие определяет сознание, мы-то причём? мы ничего не можем.

А мы можем — *в с ё!* — но сами себе лжем, чтобы себя успокоить. Никакие не *они* во всем виноваты — *м ы с а м и*, только **МЫ!**

Возразят: но ведь действительно ничего не придумаешь! Нам заклипали рты, нас не слушают, не спрашивают. Как же заставить *их* послушать нас?

Переубедить их — невозможно.

Естественно было бы их переизбрать! — но перевыборов не бывает в нашей стране.

На Западе люди знают забастовки, демонстрации протеста — но мы слишком забиты, нам это страшно: как это вдруг — отказаться от работы, как это вдруг — выйти на улицу?

Все же другие роковые пути, за последний век отпробованные в горькой русской истории — тем более не для нас, и вправду — не надо! Теперь, когда все топоры своего дорубились, когда всё посеянное взошло, — видно нам, как заблудились, как зачадилась те молодые, самонадеянные, кто думали террором, кровавым восстанием и гражданской войной сделать страну справедливой и счастливой. Нет, спасибо, отцы просвещения! Теперь-то знаем мы, что гнусность методов расплывается в гнусности результатов. Наши руки — да будут чистыми!

Так круг — замкнулся? И выхода — действительно нет? И остается нам только бездейственно ждать: вдруг случится что-нибудь с а м о ?..

Но никогда оно от нас не отлипнет с а м о , если все мы все дни будем его признавать, прославлять и упрочнять, если не оттолкнемся хотя б от самой чувствительной его точки.

От — ЛЖИ.

Когда насилие врывается в мирную людскую жизнь — его лицо пылает от самоуверенности, оно так и на флаге несет, и кричит: „Я — НАСИЛИЕ! Разойдись, расступись — раздавлю!“ Но насилие быстро стареет, немного лет — оно уже не уверено в себе, и чтобы держаться, чтобы выглядеть прилично — непременно вызывает себе в союзники ЛОЖЬ. Ибо: насилию нечем прикрыться кроме лжи, а ложь может держаться только насилием. И не каждый день, не на каждое плечо кладет насилие свою тяжелую лапу: оно требует от нас только покорности лжи, ежедневного участия во лжи — и в этом вся верноподданность.

И *здесь*-то лежит пренебрегаемый нами, самый простой, самый доступный ключ к нашему освобождению: ЛИЧНОЕ

НЕУЧАСТИЕ ВО ЛЖИ! Пусть ложь всё покрыла, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрёмся: пусть владеет **НЕ ЧЕРЕЗ МЕНЯ!**

И это — прорез во мнимом кольце нашего бездействия! — самый легкий для нас и самый разрушительный для лжи. Ибо когда люди отшатываются ото лжи — она просто перестает существовать. Как зараза, она может существовать только на людях.

Не призываемся, не созрели мы идти на площади и громласить правду, высказывать вслух, что думаем — не надо, это страшно. Но хоть откажемся говорить то, чего не думаем!

Вот это и есть наш путь, самый легкий и доступный при нашей проросшей органической трусости, гораздо легче (страшно выговорить) гражданского неповиновения по Ганди.

Наш путь: **НИ В ЧЕМ НЕ ПОДДЕРЖИВАТЬ ЛЖИ СОЗНАТЕЛЬНО!** Осознав, где граница лжи (для каждого она еще по-разному видна) — отступить от этой гангреной границы! Не подклеивать мертвых косточек и чешуек Идеологии, не сшивать гнилого тряпья — и мы поражены будем, как быстро и беспомощно ложь опадет, и чему надлежит быть голым — то явится миру голым.

Итак, через робость нашу пусть каждый выберет: останется ли он сознательным слугою лжи (о, разумеется не по склонности, но для прокормления семьи, для воспитания детей в духе лжи!), или пришла ему пора отряхнуться честным человеком, достойным уважения и детей своих и современников. И с этого дня он:

— впредь не напишет, не подпишет, не напечатает никаким способом ни единой фразы, искривляющей, по его мнению, правду;

— такой фразы ни в частной беседе, ни многолюдно не выскажет ни от себя, ни по шпаргалке, ни в роли агитатора, учителя, воспитателя, ни по театральной роли;

— живописно, скульптурно, фотографически, технически, музыкально не изобразит, не сопроводит, не протранслирует ни одной ложной мысли, ни одного искажения истины, которое различает;

— не приведет ни устно, ни письменно ни одной „руководящей“ *цитаты* из угождения, для страховки, для успеха своей работы, если цитируемой мысли не разделяет полностью или она не относится точно сюда;

— не даст принудить себя идти на демонстрацию или митинг, если это против его желания и воли. Не возьмет в руки, не подымет транспаранта, лозунга, которого не разделяет полностью;

— не поднимет голосующей руки за предложение, которому не сочувствует искренне; не проголосует ни явно, ни тайно за лицо, которое считает недостойным или сомнительным;

— не даст загнать себя на собрание, где ожидается принудительное, искаженное обсуждение вопроса;

— тотчас покинет заседание, собрание, лекцию, спектакль, киносеанс, как только услышит от оратора ложь, идеологический вздор или беззастенчивую пропаганду;

— не подпишется и не купит в рознице такую газету или журнал, где информация искажается, первосущные факты скрываются...

Мы перечислили разумеется не все возможные и необходимые уклонения ото лжи. Но тот, кто станет очищаться — взором очищенным легко различит и другие случаи.

Да, на первых порах выйдет не равно. Кому-то на время лишиться работы. Молодым, желающим жить по правде, это очень осложнит их молодую жизнь при начале: ведь и отвечаемые уроки набиты ложью, надо выбирать. Но и ни для кого, кто хочет быть честным, здесь не осталось лазейки: никакой день никому из нас даже в самых безопасных технических науках не обминуть хоть одного из названных шагов — в сторону правды или в сторону лжи; в сторону духовной независимости или духовного лакейства. И тот, у кого не останется смелости даже на защиту своей души — пусть не гордится своими передовыми взглядами, не кичится, что он академик или народный артист, заслуженный деятель или генерал, — так пусть и скажет себе: я — быдло и трус, мне лишь бы сытно и тепло.

Даже этот путь — самый умеренный из всех путей сопротивления — для засидевшихся, нас, будет нелегко. Но

насколько же легче самосожжения или голодовки: пламя не охватит твоего туловища, глаза не лопнут от жары, и черненький-то хлеб с чистой водою всегда найдется для твоей семьи.

Преданный нами, обманутый нами воистину великий народ Европы — чехословацкий, неужели не показал нам, как даже против танков выстаивает незащищенная грудь, если в ней достойное сердце?

Это будет нелегкий путь? — но самый легкий из возможных. Нелегкий выбор для тела — но единственный для души. Нелегкий путь — однако есть уже у нас люди, даже десятки их, кто ГОДАМИ выдерживает все эти пункты, живет по правде.

Итак: не первыми вступить на этот путь, а — ПРИСОЕДИНИТЬСЯ! Тем легче и тем короче окажется всем нам этот путь, чем дружнее, чем гуще мы на него вступим! Будут нас тысячи — и не управятся ни с кем ничего поделывать. Станут десятки тысяч — и мы не узнаем нашей страны!

Если ж мы струсим, то довольно жаловаться, что кто-то нам не даёт дышать — это мы сами себе не даём! Пригнёмся еще, подождем, а наши братья биологи помогут приблизить чтение наших мыслей и переделку наших генов.

Если и в этом мы струсим, то мы — ничтожны, безнадежны, и это к нам пушкинское презрение:

К чему стадам дары свободы?

.

Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

А. Солженицын

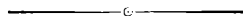
12 февраля 1974 г.

ПЕРЕЧЕНЬ
БЕСЦЕНЗУРНЫХ ДОКУМЕНТОВ

	Стр.
<i>А. Солженицын.</i> Заявление на случай ареста	9
<i>Г. Бёль.</i> Нужно идти всё дальше (А. Солженицын и его книга «Архипелаг ГУЛаг»)	19
<i>В. Войнович.</i> <i>А. Галич.</i> <i>В. Максимов.</i> <i>А. Сахаров.</i> <i>И. Шафаревич.</i>	{ Заявление (5 января 1974 г.) 28
<i>А. Солженицын.</i> Заявление (18 января 1974 г.)	38
<i>А. Солженицын.</i> Интервью иностранным журналистам (19 января 1974 г.)	40
<i>В. Некрасов.</i> Кому это нужно? (отрывки из очерка)	43
<i>А. Сахаров.</i> Ответы на вопросы французского корреспондента (январь 1974 г.)	45
<i>Б. Михайлов.</i> Открытое письмо (23 января 1974 г.)	52
<i>Е. Барабанов.</i> Путь совести (28 января 1974 г.)	52
<i>В. Борисов.</i> Открытое письмо (30 января 1974 г.)	54
<i>Б. Шрагин.</i> Совестно... (3 февраля 1974 г.)	55
<i>Л. Чуковская.</i> Прорыв немоты (4 февраля 1974 г.)	58
<i>Гусякова.</i> Открытое письмо в газету «Правда»	59
<i>В. Зайцев.</i> <i>И. Овчинников.</i> <i>В. Оситов.</i> <i>В. Репников.</i> <i>В. Родионов.</i>	{ Открытое письмо в ЦК КПСС (12 февраля 1974 г.) 64
<i>М. Агурский.</i> Обращение к американской интеллигенции (30 января 1974 г.)	68
<i>Р. Медведев.</i> О книге Солженицына «Архипелаг ГУЛаг».	85

	Стр.
<i>Р. Медведев.</i>	Отрывки из писем 101
<i>А. Солженицын.</i>	Заявление прессе (2 февраля 1974 г.) 104
<i>А. Солженицын.</i>	Об агентстве печати «Новости» 108
<i>А. Солженицын.</i>	Прокуратуре Союза ССР в ответ на ее пов- торный вызов (11 февраля 1974 г.) 109
<i>А. Солженицын.</i>	Закон сегодня 110
<i>А. Сахаров и др.</i>	Заявление по поводу ареста А. Солженицы- на (12 февраля 1974 г.) 117
<i>Л. Чуковская.</i>	Арестован Солженицын 118
<i>И. Шафаревич.</i>	Арест Солженицына 118
<i>М. Агурский.</i>	Заявление прессе (13 февраля 1974 г.) 119
<i>Р. Медведев.</i>	Заявление для печати (13 февраля 1974 г.) .. 119
<i>Л. Копелев.</i>	Заявление по поводу ареста Солженицына (13 февраля 1974 г.) 120
<i>А. Сахаров и др.</i>	Московское обращение (13 февраля 1974 г). 121
<i>И. Шафаревич.</i>	Изгнание А. Солженицына (13 февраля 1974 г.) 125
<i>Г. Трифонов.</i>	Александру Солженицыну (стихи) 126
<i>Л. Левитин.</i>	Открытое письмо академику А. Колмого- рову (18 февраля 1974 г.) 132
<i>о. Сергей (Желудков).</i>	Жалоба патриарху Московскому и всея Рү- си Пимену (17 февраля 1974 г.) 145
<i>Е. Терновский.</i>	} Открытое письмо Серафиму, митрополиту Крутицкому и Коломенскому (17 февра- ля 1974 г.) 146
<i>Э. Штейнберг.</i>	
<i>о. Глеб (Якунин).</i>	Открытое письмо Серафиму, митрополиту Крутицкому и Коломенскому (18 февра- ля 1974 г.) 147
<i>Антоний, митрополит Сурожский.</i>	Проповедь перед молебном 145

	Стр.
<i>Е. Барабанов.</i>	
<i>Т. Великанова.</i>	
<i>С. Ковалев.</i>	
<i>Т. Ходорович.</i>	
	Дополнение к «Московскому обращению» (17 февраля 1974 г.) 149
<i>Е. Евтушенко.</i>	Письмо советским телерадиослушателям (16 февраля 1974 г.) 160
<i>Л. Терновский.</i>	Открытое письмо в редакцию газеты «Из- вестия» (17 февраля 1974 г.) 169
<i>Р. Медведев.</i>	О высылке А. И. Солженицына за границу (17 февраля 1974 г.) 170
<i>В. Альбрехт.</i>	Открытое письмо Н. В. Подгорному 174
<i>Л. Регельсон.</i>	Правительству СССР по поводу изгнания Солженицына (17 февраля 1974 г.) ... 176
<i>В. Войнович.</i>	В Секретариат МО СП РСФСР (19 февраля 1974 г.) 185
<i>А. Сахаров.</i>	Интервью корреспонденту миланской газе- ты (24 февраля 1974 г.) 191
<i>А. Солженицын.</i>	Жить не по лжи (12 февраля 1974 г.) 194

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
„АРХИПЕЛАГ ГУЛаг“ выходит в свет	11
ТРАВЛЯ	33
АРЕСТ	115
ИЗГНАНИЕ	123
Перечень бесцензурных документов	201

IMPRESSIONS INTERNATIONALES
18-20, rue du Faubourg du Temple
PARIS-XIe

